

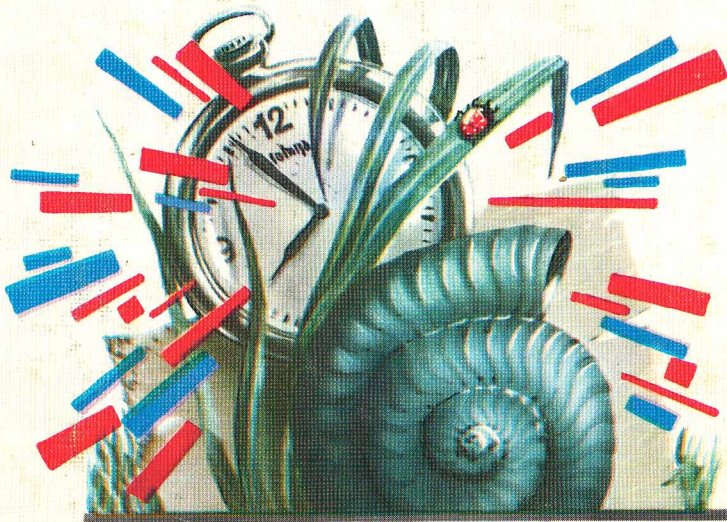
АНДРЕЙ ДМИТРИК

Б
С
И
О
Б
В
Л
Е
И
Т
О
С
Т
К
Е
О
К
И
А

Ф А Н Т А С Т И К И

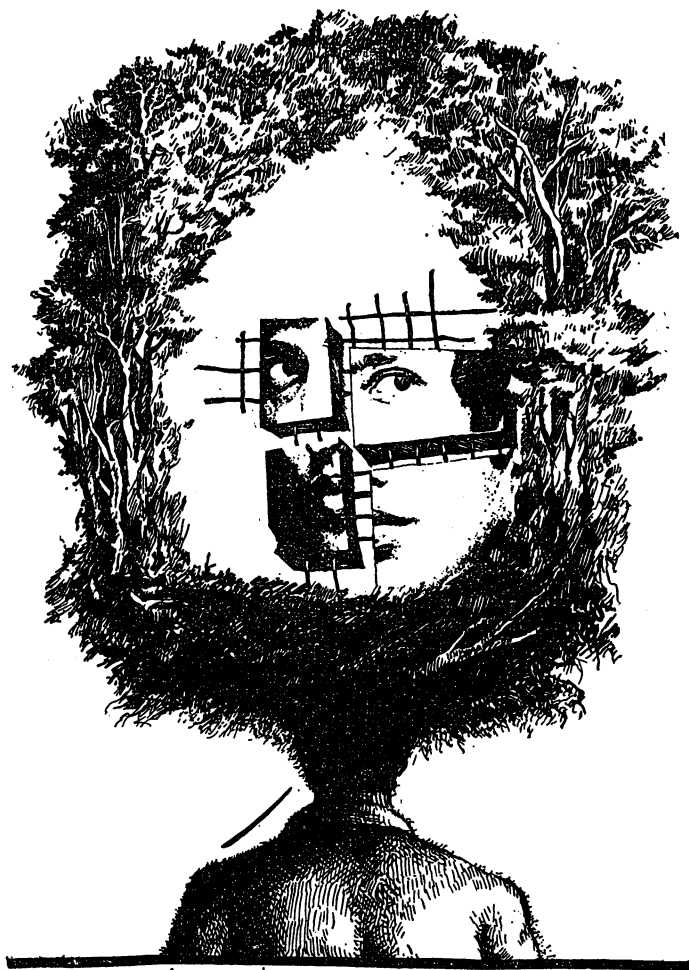
АНДРЕЙ ДМИТРИК

Следы на траве

Следы на тропе

Б И Б Л И О Т Е К А
Ф А Н Т А С Т И Ч Е С К И Е

АНДРЕЙ ДМИТРИК

Следы на траве

*Фантастические
повести и рассказы*

Москва, «Молодая гвардия», 1990

ББК 84Р7
Д 53

Д $\frac{4702010201-258}{078(02)-90}$ КБ—017—032—90

© А. В. Дмитрун,
1990 г.

ISBN 5-235-00508-2

Р

ОССКОЗЫ

ФОРМИКА

СОБРАЧЬЯ СВАДЬБА

ХОЗЯЕВА НОЧИ

ФОРМИКА

Ломейко. Я вам скажу честно: мне эта его Вика сразу не понравилась. Хотя вроде бы чисто по-матерински должно быть наоборот. Сыну, за тридцать, у него впервые в жизни что-то серьезное. А у меня на сердце спокойно...

Следователь. Может, биография отпугивала? С двумя мужьями разошлась, сама — без определенных занятий, ребенок... Хотели для сына кого-нибудь поскромнее да и помоложе?

Ломейко. Не без того, конечно. Но главная мысль была другая. Она — детдомовская, битая, хитрая, огонь и воду прошла. А он даром что доктор наук. Его вокруг пальца обвести такой девице — раз плюнуть.

Следователь. Значит, подозревали ее в корыстных намерениях?

Ломейко. Да неудобно сейчас о ней плохое... Язык не поворачивается.

Следователь. Ничего не поделаешь, Маргарита Васильевна. Мы устанавливаем степень виновности вашего сына. Стало быть, нужна вся правда, все подробности его отношений с Подлесной.

Ломейко. Ну... казалось, конечно, всякое. Что на деньги его докторские зарится, на квартиру. Увидела такое дитя великовозрастное — и давай из него веревки вить.

Следователь. Вы делились своими подозрениями с Павлом?

Ломейко. Намекала. Только он мне и рот раскрыть не давал. Чуть слово не так скажу о его Вике — сразу: «Ты ничего не понимаешь», «Как ты можешь»... Взрывался от первой искры. Я и отступилась до поры. Думала, сам придет, когда заплутается. Он ведь не такой, как другие дети. Те — чем старше, чем дальше от матери. А Павлуша со всякой бедой к маме: помоги, подкажи...

Следователь. Ну и как? Дождались? Пришел? Ломейко. Пришел, куда он денется...

Манохин. Павлу Ломейко я всегда завидовал. Нет, вы не подумайте... Я не считаю себя худшим учеником, чем он, и результаты моих исследований достаточно значительны. Просто Павел — редкостный счастливчик. С малых лет выбрал себе дорогу и следовал по ней неукоснительно. М-да... Муравьями интересовался, кажется, еще в первом классе... или то было во втором? В общем, весь теплый сезон охотился за ними. Приносил в спичечной коробке в школу, вместе со всякой трухой. Во время уроков выпускал на парту и пытался кормить или скармливать, чтоб подрались. Но, увы, общественная необходимость выступала в то время в облике нашей добрейшей Елизаветы Алексеевны. Она не одобряла изысканий Ломейко. Коробок неизменно выбрасывался. Павел до конца урока стоял у стенки — а мы, веселые маленькие дикари, радостно уничтожали муравьев... Порою подопечные Ломейко забирались за шиворот к какой-нибудь из девочек; тогда начинался страшный скандал, юного естествоиспытателя волокли к завучу, вызывали родителей... И знаете, что самое забавное?

Следователь. Что же?

Манохин. Елизавета Алексеевна искренне считала Павла отпетым хулиганом. М-да... Пожалуй, только классе в пятом, после всех унижительных наказаний и разбирательств, кому-то пришло в голову, что Ломейко

надо не мешать, а наоборот — поощрять его святое рвение... Павла пригрела биологичка. Затем он начал пропадать в университете, с гордостью называл себя «помощником лаборанта»...

Следователь. Кажется, в это время умер его отец?

Манохин. О да, это важное обстоятельство. После отца осталась прекрасная дача в Запрудном, с садом и участком соснового леса. Мать поначалу хотела все продать. И денежные неурядицы, и трудно без мужчины управиться с таким хозяйством. Павлик буквально валялся у нее в ногах, давал клятвы все свободное время посвящать усадьбе. Она забеспокоилась — мальчик был близок к помешательству... В общем, дачу не продали. Тут-то мой феноменальный одноклассник и развернулся во всю ширь. Действительно, с апреля по октябрь пропадал на участке. Таким стал аграрием — мы диву давались! Впрочем, скоро удивление прошло. Растительность требовалась Ломейко для муравьиного комфорта. Дом он забил доверху искусственными гнездами, аренами для наблюдения за муравьями, лабиринтами и прочим. Однажды мать увидела, что сынок не уничтожает тлю на цветах и винограде, а разводит ее, переносит в пробирочке со стебля на стебель. М-да... Хватилась она, но было уже поздно. Дача так и кишела насекомыми, ее никто не купил бы и за четверть цены. В довершение всего Павлик устроил под соснами с полдюжины настоящих муравейников...

(Из донесения майора А. К. Голованова в штаб ...го военного округа от 23 августа 19... года.)

«...Объект представляет собой купол высотой около трех метров и не менее десяти метров в диаметре. Вокруг насыпан кольцевой вал. В пределах объекта находится несколько сосен, вероятно, служащих опорами строению. Вверенное мне подразделение войск ...го гарнизона окружило объект на расстоянии до пятидесяти

метров. С помощью оптических приборов был установлен материал, из которого сделаны купол и вал. Это земля и мусор растительного происхождения. На всей поверхности купола происходило непрерывное перемещение муравьев, заметное невооруженным глазом. Движущимися насекомыми были покрыты также стены дома, ограда и, вероятно, вся территория усадьбы.

Имея сведения о том, что работники милиции и пожарной охраны, посланные для извлечения тела погибшей В. Н. Подлесной, получили опасные повреждения в виде многочисленных укусов, я выставил в передовую линию солдат с переносными огнеметами. Под их охраной канавокопатель в 8.30 начал рытье кольцевого рва вокруг усадьбы. Во время работы муравьи неоднократно совершали нападения на машину. Отряды нападавших насекомых имели вид плотных колонн, скорость движения при атаке достигала 10 км/ч. После трех попыток прорыва, отбитых с помощью огнеметов, муравьи изменили тактику. Огромная масса их покинула купол и одновременно семью колоннами устремилась в разные стороны. Оперативные действия огнеметчиков предотвратили опасность распространения насекомых. Потеряв не менее половины состава, муравьи вернулись в усадьбу.

Ров был окончен к 9.45 и заполнен водой из ближайшего озера. В 10.10 муравьи произвели вылазку с целью форсирования водной преграды. Для этого большое количество насекомых, сцепившись вместе, образовало некое подобие плавучего моста. Он был ликвидирован младшим сержантом И. С. Заверухой. В результате собственной небрежности (отстегнута левая перчатка защитного костюма) младший сержант И. С. Заверуха получил укусы, которые привели к параличу руки, и доставлен в санчасть. В 13.40 на территорию усадьбы проникла бродячая собака. Она погибла почти мгновенно. Можно наблюдать ее голый скелет. В настоящее время

объект полностью спокоен. Движение муравьев на его поверхности почти прекратилось...»

Ломейко. Пришел, в общем, когда она ему предложение сделала — а он не знал, что ответить.

Следователь. Предложение жениться на ней?

Ломейко. Ага. Да еще как мягко постелила! Ты, мол, свободу потерять боишься — так я ее не трону. Будем жить, как жили, каждый сам по себе. Захотим, проведем время вместе. Или там отпуск. И с деньгами тоже самое. Сможешь — будешь помогать мне, сыну. Только запишись, штамп в паспорте поставь...

Следователь. Так. Значит, полное отсутствие общего хозяйства. Можно сказать, почти что фиктивный брак. А как вы думаете — зачем это было Подлесной? В чем состоял ее умысел?

Ломейко. Мне их дела понять трудно. Все не как у людей.

Следователь. Вы говорите, что подозревали Подлесную в корыстных намерениях. Может быть, она и здесь преследовала подобные цели?

Ломейко. И вы так думаете?! Ну, прямо от сердца отлегло. Да когда он ко мне-то пришел советоваться, я ему так сказала: сердись не сердись, сынок Павлуша, а только половину жилплощади у тебя оттягают, это как пить дать. И от всего, что после женитьбы приобретешь-заработаешь, половина ее. И еще сказала... ну, тут, может, и перегнула палку, да теперь уж не вернешь... Сказала я ему: вот будет она гулять, на длинном поводке-то... родит бог знает от кого, а запишут твоим. Хочешь не хочешь — давай свое имя, содержи, плати...

Следователь. А почему «от сердца отлегло»? Вы рассказываете в том, что сказали сыну?

Ломейко. Сомневалась временами. Все же она, Вика-то... при всем при том, при своем норове... несчастная была какая-то... Будто куст обкошенный...

Манохин. А зачем вам, собственно, все эти подробности? Детство, опыты с муравьями...

Следователь. Хочу подобраться к главному.

Манохин. В таком случае, что же главное?

Следователь. Это я вам скажу в свое время. Пока что хотелось бы узнать: к чему стремился Ломейко? Ставил ли он перед собой какую-либо определенную цель — или просто экспериментировал и смотрел, что получится?..

Манохин. Ставил, конечно. Он хотел доказать свою гипотезу.

Следователь. Какую?

Манохин. И это тоже нужно? М-да... Ну, хорошо. В двух словах примерно так: Павел считал, что самостоятельным живым существом, представителем вида у муравьев является не отдельно взятое насекомое, а семья. Муравейник.

Следователь. А муравей тогда что же?

Манохин. Нечто вроде клетки сверхорганизма.

Следователь. И для того, чтобы доказать свою правоту, Ломейко надо было построить такой колоссальный муравейник? Неужели только для этого?

Манохин. В большой степени именно для этого. Поведение рядового гнезда не давало ему полной ясности. Исследуя обычные семьи рыжего лесного муравья, он затруднялся установить степень их слитности, «мозгоподобия». Увеличение числа элементов должно было вести к усложнению организации, а значит, и к более высокому интеллекту системы. Павел ожидал таких форм поведения, которые легче квалифицировать, как деятельность единого целого.

Следователь. Но ведь это была не единственная цель, правда?

Манохин. Слушайте... Вы, по-моему, хотите узнать: не вырастил ли Павел спецмуравейник специально для того, чтобы убить несчастную Вику?.. М-да... Не мне же вам объяснять, что существуют тысячи неизмеримо бо-

лее простых и труднораскрываемых способов убийства. Неужели вы думаете, что человек потратил восемь лет кропотливого, тяжелейшего труда, чтобы расправиться с беззащитной женщиной, да еще на глазах у свидетелей?!

Следователь. Как раз это мне в голову не приходило. Я хочу знать другое: не пытался ли подсудимый сделать муравьев своим послушным орудием? Если это так и если это ему удалось — значит, ваш супермуравейник можно квалифицировать как орудие преступления. Вот только не знаю пока: умышленного или по неосторожности... Вы понимаете, что от ответа на этот вопрос зависит решение суда?

Манохин. Понимаю. И могу вам сказать абсолютно точно: Павел не собирался обращать Формику* в свой инструмент. Тем более в разрушительный.

Следователь. Простите, — что обращать?

Манохин. Не что, а кого. Формика — это мыслящая муравьиная семья из пятидесяти миллионов особей, они же клетки. Так ее назвал Павел. Он надеялся, что уровень мышления Формики не уступит человеческому. В перспективе был намерен повести с ней диалог; где-то в более отдаленном будущем, если удастся заключить союз...

Следователь. Союз? Но для чего?

Манохин. Для взаимно полезного обмена сведениями, для сотрудничества. Ни для чего другого. Павел — человек редкостной чистоты, можете мне поверить. Более того: книжный, выдуманный человек. Блаженный. Ничего, кроме планов облагодетельствовать человечество, у него в голове нет. Ломейко убежден, что на одной планете с нами может возникнуть иной разум. Совершенно непохожий на наш. Надо лишь немного «подтолкнуть» эволюцию, вывести муравьиный род из миллионолетнего тупика, дать стимул к развитию...

* Ф о р м и к а — муравей (лат.).

Следователь. Вы хотите сказать, что Ломейко пытался... дать этот стимул?

Манохин. Совершенно верно. Формика — это, если можно так выразиться, рукотворная Ева разумных муравейников.

Следователь. И все же — какой нам от них толк? Жертвы уже есть. А вот пользы...

Манохин. Поверьте, что как раз польза может быть колоссальной. Во-первых, имея рядом с собой принципиально отличный тип мышления, мы создадим сравнительную психологию. Человек впервые посмотрит на себя со стороны. Во-вторых, взаимное обучение даст мощный толчок науке и технике. Представляете, какой клад попадет в руки философов, кибернетиков, естественников? Плюс непосредственная, практическая поддержка, участие в производстве. Муравьи могут производить тончайшие работы — скажем, собирать какие-нибудь электронные схемы. Затем, они окажут помощь генетикам, селекционерам растений... М-да... там тоже масса тонких операций... Возможно, медицина, микрохирургия... Думаю, сфера применения будет необъятной. Наконец, ведь мы же готовимся рано или поздно встретиться с разумными существами других планет. И коль скоро мы их найдем, вряд ли они окажутся похожими на нас. Общение с Формикой послужит моделью самого немыслимого контакта разумов. Мы многому научимся...

(Из показаний свидетеля, директора стадиона ДСО «Авангард» К. Н. Рубана.)

«Я на эту дачу попал, можно сказать, случайно. И почти всех, кто там был, видел впервые. Хорошо знал только Боба... Бориса Лапшина.

Мы с ним в этот день, двадцать второго августа, договорились после работы пойти посидеть в «Ромашке». Жарища была страшная, асфальт плавился. Между прочим, мало у нас открытых кафе — раз, два, и обчелся... В общем, сидели, пили пиво. Когда жара начала

спадать, Боб открыл новую тему. Потянуло его на приключения. Ну и я тогда был свободен, семейство на юге. Стали думать: кому позвонить, кого вычислить.

И тут, как в сказке, появляются они. Заходят в «Ромашку». Его самого, Павла Ломейко, я когда-то встречал с Лапшиным. Боб электронщик, он у нас новое табло устанавливал. И для Ломейко делал кое-какие схемы. А про Вику... Про Подлесную я даже не слышал. Она меня просто ошарашила. Обычно таких женщин видишь только в кино или в модных журналах. Потом, конечно, начинаешь замечать и мешки под глазами, и все такое. Но первое впечатление — гром. Идет по проходу в белом кружевном платье, высоченная, гибкая... Кто-то за столиком хрюкнул, кто-то зачмокал. Ноль внимания. Привыкла...

...Но что-то в глазах неприятное. И в манерах. Не то змеиное, не то кошачье. Как будто она затаилась и только ищет, в кого бы вцепиться. А Ломейко тащился позади с другой дамой. Тоже неплохая собой, хотя и поскромнее Вики. Ну да, Зоя Нефедова. Они с Подлесной когда-то вместе в Аэрофлоте работали...

Ладно. Боб их пригласил, они подсели. Лапшин тут же повис на Зое, как клещ на собачьем ухе. А мне досталось развлекать Вику, потому что Павел был вне игры. Сейчас объясню... Честно говоря, я ничего не имел против; у меня голова кружилась, когда сидел рядом с ней...

Павел мне, как говорится, вполне чужой. Но, честное слово, мне, как мужчине, было за него стыдно. Она буквально его ни во что не ставила. Обращалась, только чтобы прикрикнуть, одернуть... Знаете, бывают такие глупые, раздражительные мамы, которые все время шпыняют детей. У него прямо волны по лицу пробегали. Однако терпел, стискивал зубы...

«Ромашка» уже скоро должна была закрываться. А Викторину будто бес обуял. Смотрела совсем уже рысьими глазами и повторяла, что надо бы еще «погуса-

рить»... Бедный Павел заикнулся было насчет «домой». Господи, что она на него вылила! И такой он, и сякой, и старый, и скучный, и может убираться куда хочет; и вообще она сейчас позвонит в «одно место», где ее ждут в любой час дня и ночи... И вскочила-таки, и побежала! Зоя едва ее успокоила...

Вот здесь, в некотором роде, перелом событий. Павел потерял голову. Или уж очень хотел угодить Вике. В общем, взял и пригласил нас к себе на дачу. Бика, та сразу вострепелась. Лупить за сорок километров от города на ночь глядя — чем не гусарство? Впервые за вечер начала улыбаться, кокетничать, даже Павлу мурлыкать всякие приятные вещи. Зоя заспорила было для порядка, но за нее взялся Лапшин — и пел соловьем, пока не уболтал. Достали в ресторане вина, поехали...

Что? Почему я согласился? Ну, прежде всего, я не люблю ломать компанию. Куда все, туда и я. Потом... давно на природе не был, спартакиада эта заела. Кроме того, честно признаюсь: мелькали некоторые соображения... насчет Вики. Я уже тогда немножко понял, что она за зверь. Из одного чувства протеста может такое выкинуть...

Между прочим, едва успели на последний автобус. Ехали долго. Вика уснула на плече у Павла. Кстати, я по этому поводу хотел бы рассказать одно свое наблюдение... Во сне у нее было нежное, совсем детское выражение лица. И она так обнимала Павла, так уютно устраивалась... Совершенно другой человек!

Когда доехали, помню, уже тьма стояла кромешная. Павел попросил водителя, чтобы он высадил нас между остановками. Свернули с шоссе на тропинку. Шли сначала через высоченную кукурузу, потом лесом. Ломейко будто нюхом вел, почти бежал впереди. Вика от сонной одури перешла к буйному веселью, на каждое слово хохотала как помешанная. В лесу ночью — это, знаете ли, морозом по коже... Ничего, добрались.

...Понятно, планировку дачи вам описывать не надо.

Я про себя подивился внутренней огаде. К чему бы пол-усадыбы отрезать железной сеткой? Но из деликатности не спросил.

Первых муравьев мы увидели на крыльце, когда Павел зажег лампу над дверью. Рыжие, деловитые. И много их: на двери, на стене целые полчища... Вдруг как ветром их отовсюду сдуло. И чувствую — бегают лапки. По ногам, по груди под рубахой. Это они все разом бросились нас изучать, ощупывать... Мы с Бобом просто остолбенели. Стоишь весь в муравьях и боишься пошевелиться. А Зоя как вскрикнет — и давай крутиться, руками себя обхлопывать... Тут Павел спохватился и что-то сделал — я до сих пор не пойму, что. Этак присел на корточки и начал пальцами перебирать возле пола. И муравьи мигом с нас посползали. Глядим, снова по крыльцу шастают. Что интересно, Вика все время за нами наблюдала с усмешкой. Ее не трогали...

Вы знаете, какое у меня впечатление от дачи Ломейко? По-моему, весь двухэтажный дом — только придаток к чему-то другому; подсобное помещение, что ли. То есть Павлу сугубо наплевать, что отец старался, отделявал жилище... Павел бы и в бараке так же себя вел. Дырявил бы стены, тянул провода и прочее. Мебель изуродована, в ожогах. А запах, боже ты мой! Воздух какой-то прокисший и вместе с тем сладкий. Если палку держать в муравейнике, она будет так пахнуть.

...Кстати, о муравьях. Вот уж кому было привольно в этой берлоге! Кишели повсюду. Не иначе их свет разбудил. На обоях вереницы через всю комнату. Интересовались, в стакан лезли, хлеб усиками трогали. И Павел их уже не гонял. Я даже спросил: почему он тех, на крыльце, шуганул, а этих нет? А он говорит — те, мол, были сторожевые, а эти — фуражиры. За пищей пришли...

Бобу, впрочем, Павлова дача понравилась, да еще как! Он у нас тоже в своем роде гусар. Не успели сесть, поднял тост за хозяина. Дескать, вот настоящий мужик,

без выкрутасов. Вика взвизгнула и в ладоши захлопала, так ей это пришлось по душе. Да... Павел сидел бледный, окостеневший, только улыбался, как манекен. Так она его растормошила и заставила поцеловаться, точно на свадьбе. И заявила, что Павел — ее гордость; и что если он станет похожим на других, она его в пять минут разлюбит... Тут бы нам поддержать настроение. Совет да любовь. А Зою, простую душу, черт дернул за язык. Она от муравьев натерпелась. То есть они сами ей ничего не сделали. Но вот у человека к ним отвращение! Сидела, как на иголках, ни пить, ни есть толком не могла. Пока не сорвалась... Причем, кажется, ведь безобидную вещь сказала. Всего-то навсего, что даже великий ученый должен жить по-людски, а не в таком разгроме. Дескать, не хватает в доме женской руки...

Нет, Вика была не так проста, чтобы откровенно звериться на Павла или, скажем, пустить слезу. Хотя и хотелось ей, я видел... Губы кусала, но пересилила себя. Даже поддакнула Зое и Павлу погрозила этак шутиливо. А уж потом — выместила злобу тем, что всерьез принялась за меня.

...Надеюсь, вы понимаете, что я далеко не святой. Плюс ее красота. Через десять минут меня уже можно было собирать ложками. Мы с ней чокались, пили на брудершафт. Она села ко мне на колени... Стоит ли вдаваться в подробности? Видимо, я вел себя по-свински. Не знаю, что бы я выкинул на месте Павла. А он только делал вид, что слушает болтовню Боба, и уголком глаза следил из-под очков, как она уводит меня по лестнице на второй этаж.

...Мы очутились в захламленной комнатенке за бильярдом. Ну да, в той самой... Признаюсь честно, редко меня так целовали. Отчаянно, что ли... И вдруг резкий переход. Как будто опомнилась: мол, что это я делаю? Оттолкнула, лицо перекошенное... Я, в общем... Она меня завела здорово... Я начал маленько настаивать, упрекать. Может, и допустил... того... маленький нажим.

Так она мне наговорила... Умела быть ядовитой. Я ей чуть пощечину не закатил.

Когда вдруг чую затылком: смотрят. Мы ведь дверь-то не заперли. Оборачиваюсь — на пороге Павел. Белый, точно рыбье брюхо. Я так и остолбенел. Она воспользовалась, меня из комнаты вытолкнула и захлопнула дверь, так что штукатурка посыпалась. И орет оттуда, что ей никто не нужен и все могут убираться. Слышу, бросилась на диван, рыдает...

Я к Павлу — объяснить, извиниться... Какое там! Повернулся, будто меня нет, и размеренно зашагал вниз по лестнице. А, думаю, будьте вы все прокляты! Делайте, что хотите, сходите с ума. Я спать лягу, утром разберемся.

...Бильярдная длинная, как коридор, это вы знаете. В одном конце комнатенка, где Вика заперлась. Посередине лестница на первый этаж, в холл. В другом конце — кушетка. Ну, я там и лег...

Ворочался, конечно, долго — нервы расходились. Но постепенно меня сморило. Просыпаюсь часа в четыре утра. Не сразу понял, отчего. За окном светает. И лапки по мне бегают, щекочут. И шорох кругом. Точно бумагу ворошат, все громче и громче. Я поначалу решил, что ветер в саду.

Смотрю — муравьев на полу видимо-невидимо. Не так, как во время ужина, а сплошь. Под бильярдным столом будто рыжая шкура. И снизу по лестнице валят новые. Поток.

С меня остатки сна как холодной водой смыло. Скоренько обулся, стою — не знаю, что дальше делать. К лестнице даже шагнуть боязно.

...Они меня ощупали и оставили. Я вижу — вливаются под запертую дверь. Кажется, внизу голосила Зоя, Боб меня звал... Не помню наверное. Потому что закричала *она*. И не дай бог мне еще когда-нибудь в жизни услышать такой крик... Я рванул было, хотел сломать замок. Не тут-то было! Муравьиная река глубиной по

щиколотку. И сразу ноги как огнем обожгло — вцепились...

Хорошо все-таки иметь спортивную выучку! Другой бы там остался... бр-р! А я с места сиганул в окно, со второго этажа — в центр клумбы. Поднялся и вижу: рядом проволочная сетка. А за ней... Темновато еще, но разобрать можно. Полянка, сосны. И под ними *это*. Я его принял за стог сена. Потом присмотрелся — что за черт? Купол весь кипит, трава возле него шевелится... Когда понял — дал рывок к воротам.

...Яд, он позже начал действовать. Уже около шоссе. Возле ворот я столкнулся с Лапшиным. Он сам хромал, но волоком тащил Зою. Где был тогда Павел, не имею понятия... Боб ее прижимал к себе правой, а левой держал горящую простыню. Хлопал по земле, по кустам. Сообразил, молодец.

...Водители нас долго не подбирали — все трое в крови, в копоты. Когда у меня ноги отнялись и я упал — тоже объезжали. Думали, пьяный.

...Да, спасибо, мне уже намного легче. Хожу по саду, только еще на жену опираюсь. Но когда ночью за окном палаты громко шелестят листья — извините, не могу спать...

(Из показаний Г. Л. Манохина, кандидата биологических наук, заведующего отделом энтомологии ...го музея природоведения, свидетеля и эксперта по делу Ломейко П. Г.)

«...Мне трудно сказать, что именно и в какой момент натолкнуло Павла на гипотезу свержения. Однажды он принес мне книжку Николая Амосова «Моделирование мышления и психики» и показал несколько строк — уже как подтверждение собственной идеи. Автор, рассуждая о том, что каждая новая ступень организации живой материи сложнее предыдущей, роняет такую пренебрежительную оговорку: «Пожалуй, муравейники и ульи лишь условно можно считать более

усложненными по сравнению с отдельными особями, поскольку по разнообразию они никак не превосходят какое-нибудь высшее млекопитающее». Представляете, какое это было откровение для нашего Ломейко? Во-первых, он узнал, что еще кто-то, кроме него, говорит о муравейнике как о единой, целостной реагирующей системе. Во-вторых, вопреки нелестному эпитету «не превосходят», фраза Амосова обозначает, что муравьиная семья, взятая как *некто*, «умнее» крокодила, орла и даже кенгуру.

Ломейко был убежден, что индивидуальная психика муравья слишком примитивна, чтобы осуществлять благоустройство муравьиного мира. И его нетрудно понять. Территория, подвластная семье того же рыжего лесного «формика руфа», с которым работал Павел, — это целая «техническая цивилизация». Пространство очерчено дорогами, под землей прорыта сеть тоннелей. По законам наилучшего взаимодействия расположены склады и летние навесы, «фермы» тлей, грибные сады, плантации полезных растений, сторожевые посты. А сам купол, с его гениальной архитектурой, водонепроницаемостью, великолепным регулированием климата? Относительно размеров муравья это — сооружение, превосходящее любой наш «Эмпайр билдинг». Так *кто* же хранит в памяти план муравьиной страны? *Кто* направляет строительство, руководит трудом рабочих армий, действующих столь дальновидно и слаженно? Инженеров или администраторов среди муравьев нет, это известно безусловно. Да и неспособен к отвлеченному мышлению крошечный комочек нервного вещества — надглоточный ганглий, заменяющий муравью мозг...

А руководство между тем есть. И еще какое активное, действенное! Ведь муравей всю свою жизнь, самую долгую среди насекомых, занимается делами, абсолютно для него бесполезными. Добывает пищу, которую тут же отдает другим; сражается с врагами, не угрожающими лично ему; строит громады, общий план которых ему

неведом... Это в полном смысле слова живое орудие семьи. К тому же — прирожденный смертник, камикадзе. Любой муравьиный вид готов в случае необходимости засыпать телами ров, мешающий движению; массой трупов погасить огонь...

Конечно, никто не упрекнет в «глупости» и отдельно муравья. Пожалуй, это самое интеллектуальное из насекомых. В большом муравейнике есть десятки «специальностей», для которых требуется изрядная смекалка. Строители, ремонтники, няньки, санитары, наблюдатели, разведчики, охотники, солдаты, фуражиры, сборщики тлиной пади... Среди них есть очень опытные и умелые. Но перенесите самого «грамотного» фуражира на метр в сторону от привычной тропы — и он заблудится... То же и с другими «профессионалами». Муравья легко сбить с толку. У него зачастую сложная, но очень жесткая программа действий. Зато муравьиная семья склонна к творчеству, к волевым актам. Например, она эффективно регулирует свою численность, выбрасывая отводки, то есть выселяя определенное количество муравьев, которые основывают дочерние муравейники. Это звучит фантастично — и все же семьи «думают» о процветании всей популяции. А то и вида в целом. Материнский муравейник с отводками образует колонию. Он продолжает управлять жизнью дочерних гнезд. Между родственными семьями идет постоянный обмен личинками, куколками, рабочими муравьями, чтобы ни одно из гнезд не ослабело и не разрослось чрезмерно... Колонии, в свою очередь, объединяются в федерации. Регулирование «населения» и кормовых зон подчас происходит в масштабах леса. Известна федерация одного из американских видов: полторы тысячи гнезд, каждое около четырех метров в обхвате...

Итак, после многолетних изысканий Ломейко считал почти доказанным, что муравьиная семья — это единый, высокоорганизованный и — если не мыслящий, то по крайней мере способный к планированию теломозг.

Теломозг — термин, изобретенный Павлом. Ведь в муравейнике нет деления на управляющую и исполнительную части. Один и тот же набор относительно автономных «клеток» — насекомых и принимает решения, и осуществляет их. Но, пытаясь установить наличие общесемейной психики, Павел одновременно искал ее материальную основу. То есть, будучи биокибернетиком, пробовал расшифровать «внутренний язык» муравейника; код, объединяющий семью. И преуспел в этом настолько, что я опять, невзирая на все беды, назову его счастливым...

Дело в том, что в муравейнике постоянно происходит общий обмен веществ — трофоллаксис. Ни один фуражир не съедает всю принесенную пищу. Большую часть он отдает рабочим, те несут личинкам или иным опекаемым особям. Но даже съеденную пищу муравей не может полностью израсходовать на себя. Полезные вещества, добытые из еды, выделяются затем специальными железами. Вместе с этим «сверхочищенным» питанием железы производят особые секреты — феромоны. Феромоны несут информацию, они могут обозначать голод или страх, содержать команды, сообщать данные — скажем, о климате в той или иной части муравейника. Муравьи все время облизывают друг друга — значит, с пищей получают химические сигналы. Все это было известно и раньше. Но Павел выяснил, что химическая передача может быть очень емкой, нести огромный набор сведений...

Конечно, муравейник располагает и другими языками, с большим дальностью. И все-таки наиболее развитым, универсальным, цементирующим единство теломозга Ломейко считает обонятельно-вкусовой код. Муравьи непрерывно прикасаются друг к другу язычками и усиками. План любых работ «вычерчивается» сплошной сетью феромонов. Усики (органы обоняния) Павел уподобляет синапсам — местам, где соприкасаются клетки мозга, передавая возбуждение. В структуре большого

муравейника он обнаружил части, сходные с мозговыми долями и даже полушариями; во внутреннем конусе гнезда, там, где идет наиболее интенсивный трофоллаксис, Ломейко видит центр координации... Возможно, там у семьи возникает ощущение собственного Я...»

Следователь. Значит, вы не допускаете, что муравейник мог быть бессознательным орудием в руках Ломейко?

Манохин. Решительно не допускаю... м-да.

Следователь. По-вашему, Формика для этого слишком умна и самостоятельна?

Манохин. Ну, разумеется. Кое в чем она даже превосходит человека.

Следователь. Ну, это вы уже... Нет, серьезно?

Манохин. Как нельзя более.

Следователь. Значит, можно предположить преступное намерение... со стороны самой Формики?! Скажем, она считает человека менее совершенным, какой-то своего рода помехой, и...

Манохин. О-о... Это как раз тот случай, когда следствие может пойти по ложному пути. Нет. Бунт гигантских муравейников невозможен. Преимущество — не в интеллекте... Структура семьи — не такая застывшая, как мозговая. Мы вот с вами не можем создавать добавочные участки коры, выращивать их из нескольких нейронов. А семья это делает совершенно спокойно — с помощью тех же отводков. Нам не дано расширить свой череп, в то время как купол может быть легко надстроен. Наконец, для нас недоступно слияние нескольких мозгов в одну систему, а у муравьев есть колонии и федерации...

Следователь. Ну, ладно. Эту тему мы сняли. Попробуем зайти с другой стороны. Я так понял: Формика разумнее обычного лесного муравейника, может, раз в тысячу. Верно?

Манохин. М-да... Разница примерно такая, как между человеком и кошкой.

Следователь. И в этом заслуга Ломейко?

Манохин. Исключительно его. Он на несколько порядков поднял крупность и сложность семьи. Вывел теломозг из порочного круга, в который загнала его природа: добывание пищи, защита от стихийных бедствий, врагов, вырождения... Изучив код феромонов, сумел химическими сигналами мобилизовать муравейник для нетрадиционной деятельности, обучить, развить интеллект Формики...

Следователь. Значит, у Ломейко были только добрые побуждения?

Манохин. Самые добрые и гуманные. Готов поручиться за это — хоть устно, хоть письменно.

Следователь. Так почему же Формика совершила убийство?

Манохин. А вы не встречали родителей, которые сокрушаются о своем детище: «Мы-де его растили-кормили, учили только хорошему, а он вырос хулиганом... или там мошенником»?

Следователь. Сплошь и рядом. Но я не понимаю, какое отношение...

Манохин. Более чем непосредственное. Очевидно, что вместе с разумом пришла свобода воли. М-да... И Формика встала перед вечной и острейшей человеческой проблемой. Проблемой выбора между добром и злом.

Следователь. Но за каким же... почему она выбрала зло?! Вот до чего я хочу докопаться в конце концов!

Манохин. Вероятно, на чашу зла был подброшен добавочный груз.

Ломейко. Я так понимаю, вы меня осуждаете. Не согласны, значит, что сына моего она окрутить хотела. А чего же она хотела, по-вашему?

Следователь. А вам не приходило в голову, что, может быть, ничего?

Ломейко. Это как же вас понимать?

Следователь. Очень просто. Ничего, и все тут. Любила она его, ясно? Сами же говорите — детдомовская. Ни родных, ни близких. Первый муж — бестолочь, недоразумение, спившийся идиот... В девятнадцать лет осталась одна с грудным. Беззащитная, красивая, во всем нуждавшаяся... Представляете, какие находились «доброхоты»?

Ломейко. Да уж. Повидала девочка...

Следователь. А вы не спешите с приговором-то... «Повидала»... Да, повидала! Обозлилась, конечно, с людьми ужиться не могла. Оттого и работы меняла часто... Потом со вторым мужем осечка. Вроде и неплохой человек, серьезный, но — оказался домашний тиран. Ревнивый, вздорный, грубый...

Ломейко. Скажите пожалуйста! Грубый! А она, значит, святая? Наверное, такое вытворяла...

Следователь. Еще раз прошу, Маргарита Васильевна, — не рубите сплеча. Прошу вас. Мы же разбираемся... Пытаемся понять, что к чему... Ей любить хотелось, а не терпеть! Раз в жизни — любить и быть любимой. Отдать себя без остатка. И тут появляется Павел. Умный, тонкий, ласковый... Казалось бы — вот оно, счастье! Протяни руку и бери. А ему этого не надо. У него на первом плане муравейник. Устал от опытов — позвонил Вике, поиграл в любовь. Может, раз в две недели. Или раз в месяц. Мало, понимаете? Не от хорошей жизни она ему предложение свое сделала. Ой, не от хорошей... Ниточкой, хотя бы тоненькой ниточкой надеялась привязать любимого... А он...

Ломейко. Ага! Стало быть, святая она все-таки? А мы с Павлушей — злодеи... Интересно у вас получается! Да что же я ему сказать-то должна была? Благословляю, сынок, женись?

Следователь. Не знаю я. Не знаю... И осуждать

вас формально не имею права... Но чувствую: не так вы поступили. Опрокинули на человека ведро грязи.

Ломейко. Ох вы какой чуткий да совестливый! Свои-то дети есть, а?

Следователь. Есть, да только я их под крылом не прячу...

Ломейко. А я вот прячу! Хоть убейте меня! Я — наседка? Так всякая мать наседка, дорогой товарищ! У матери глаза велики...

Следователь. Хватит! Довольно! Мне с вами говорить страшно, Маргарита Васильевна. Люди мы, а не наседки. И людьми должны оставаться, людьми!..

Ломейко. Чего уж... Теперь не вернешь...

(Из письма колхозницы В. С. Улетовой в Верховный суд республики.)

«...И еще скажу вам от имени всего нашего колхоза. Муравейник товарища Ломейко П. Г. нам полезный был. Мы тоже сначала боялись, предсельсовета даже согнать хотел. Отдадим ему деньги за дом, и все. А тут совка начала строевой лес бить. Столько гусениц, как никогда. И тов. Ломейко П. Г. пришел на колхозное собрание и сказал, что муравьи у него послушные и могут созку извести. Мы над ним чуть не посмеялись. А утром ребята пошли по грибы и возвращаются с плачем. Мол, полный лес муравьев. Под вечер решили бабы поглядеть — ни муравьев, ни гусениц. И вынесли мы тов. Ломейко П. Г. благодарность. И предсельсовета прощения просил, что раньше не понял, как по науке делается. И потом тов. Ломейко П. Г. нам тоже помогал часто. А что муравьи ту гражданку до смерти заели, так, может, она сама виновата. Полезла не туда или раздражила. Вот молотилка — вещь нужная, никто против не скажет. А сунь в нее руку, оторвет начисто. Не надо руки совать. Когда возле Кочетов машина с зерном опрокинулась и все зерно высыпалось в грязь — муравьи тов. Ломейко П. Г. по нашей к нему просьбе зернышки

до одного собрали. И тлю обобрали на горохе. Вы мне можете не поверить, но я вам правду скажу. Муравьи тов. Ломейко П. Г. даже в комбайне маслопровод прочистили, на то в сельхозтехнике документ есть. А если кто по своей неосторожности, так хорошего человека наказывать не надо. Я понимаю, у самой трое детей. Но думаю, что тов. Ломейко П. Г. еще много добра стране принести может...»

(Из показаний П. Г. Ломейко, доктора биологических наук, заведующего специальной лабораторией биокibernетики.)

«...Никого в жизни я не любил так, как ее. И ни к кому не испытывал таких приступов ненависти. Она приходила ко мне — и уходила, когда ей хотелось. Возможно, встречалась с кем-то другим, потом оставляла...

Мириться — вот что ей нравилось! Заново переживать волнующие дни сближения. Я реагировал с завидным постоянством. Сперва становился в позу — холодный тон, сухая манера обращения. Это ее только поддразнивало. Она пускала в ход все свои чары. И я, понятно, складывал оружие. И, убедившись в моей покорности, она остывала ко мне, выказывала скуку и пренебрежение...

Виктория считала, что выплатила свой долг жизни — детством без родителей, неудачей первого замужества, разочарованиями последующих лет. Она знать не желала никаких обязанностей. Одни права. Больше всего меня оскорбляла ее вечная неблагодарность. Когда Виктория бросала очередную службу, мне приходилось содержать ее и сына, а иногда и помогать ей куда-нибудь устроиться... Впрочем, не в этом дело. Я готов был и не такое терпеть ради нее. Но она принимала все, как должное. За столько лет — ни разу не сказать простого «спасибо»!

...Теперь понимаю — оба были хороши. Она вела себя так от злости, от бессилия. Она чувствовала — я не при-

надлежу ей. Мне следовало доказать обратное. Решительно, по-мужски...

И все-таки она предложила *первая*. Ей не откажешь в чуткости. Понять, какого чудовищного труда стоит тридцатитрехлетнему холостяку, анахорету-ученому сказать «будь моей женой» — на это способна далеко не каждая женщина. Вика сделала за меня девять шагов из требуемых десяти. И я струсил. Я привел себе уйму доводов «против», в том числе и мещанские откровения моей матери.

...Упаси бог, я не ревновал ее к этому бывшему спортсмену. Но такая публичная демонстрация... Месть за мое слюнтяйство? Вне всяких сомнений... И однако же, в те минуты я забыл обо всем. Мне хотелось унижить ее до предела. У меня руки зудели от желания догнать, вцепиться, сбросить с лестницы...

То есть наяву я бы никогда не сделал ничего подобного. Так и перегорело бы все во мне. Но представил с убийственной яркостью. Именно вот как догоняю и...

Возможно, меня это желание и наверх повело. То ли утешить себя намеревался, то ли пуще растравить... Ужаснейшие минуты в моей жизни...

Этот... Константин схватил меня за руки, стал что-то лепетать, объясняться... Мне кажется, я прошел сквозь него, как сквозь воздух.

...Я нередко ходил к ней разговаривать. Даже жаловаться. Она для меня сугубо женского рода. Безликая шелестящая богиня. Я пересек поляну и встал на колени: и она, как всегда, обняла меня. Нежное щекотание лапок и усиков по всему телу, такое дружелюбное... Я плакал и исповедовался. А потом, почему-то уверенный в ее полной поддержке и понимании, сказал слова благодарности — и ушел. Я не мог вернуться в этот дом; для меня он был священным, здесь проходили мои лучшие часы; теперь алтарь осквернили... Бродил по лесу, читал вслух стихи, то проклинал Вику, то оплакивал... испугался чего-то, бросился сквозь чашу напо-

лом; уже совершенно обмирая от ужаса, добрался до шоссе. Мной владела одна мысль: вернуться в город. Шагал по обочине, пока не пришло утро. И навстречу... с сиреной, с проблесковым маяком... милицейские машины. Одна, другая. Потом пожарные — и опять милиция. Разве я мог предположить, хотя бы отдаленно...

...Нелепо думать, что Формика поняла мои слова и взялась отомстить за обиду. Произошло иное. *Феромоны!* Наше дыхание, пот, слезы — это тоже феромоны, химические сигналы. Они рисуют точную картину состояния человека. Мы настолько бездарны, что не умеем читать послания собственных желез. А она научилась за годы общения со мной. И я знал это. Формика великолепно чужала мои желания, даже те, которые и словами нелегко выразить. Забыть о ее сказочной восприимчивости — вот в чем мое преступление! Она трогала меня сотнями тысяч своих шустрых «клеток»; и в ее сознании складывался образ. Кормилец в опасности. Он хочет, но не может справиться с врагом. Враг в доме. Кормильца надо спасать. Не знаю — из дружеских ли побуждений, но уж наверняка для того, чтобы не лишиться ухода и основного источника пищи... Я мог молчать — химия моего организма кричала «убей!». И Формика выполнила команду. С той обстоятельностью и усердием, которые свойственны муравьиным семьям.

...Адвокат разъяснил мне: скорее всего я буду оправдан — за отсутствием состава преступления. Можно осудить и наказать за умышленное убийство... или за убийство при превышении предела необходимой обороны. За убийство по неосторожности... за соучастие, подстрекательство, пособничество... Я — юридически чист. Нет меры наказания за преступные мысли... за агрессивность, гнездящуюся где-то в мозговых подвалах. Все это так. Но что мне делать с собой, если я снова и снова представляю... как они кусали ее глаза, врывались в уши, в горло...

Я представляю также Формику, молчаливо ждущую в ночи. И рядом, за тонкой стеной, — нас, разгоряченных, нетрезвых, сводящих копеечные счета друг с другом. Мы не должны были допустить это. В наших руках сосредоточена такая мощь, что скоро придется контролировать каждое смутное движение души...

...Вика моя, бедная моя девочка, Вика!..

СОБАЧЬЯ СВАДЬБА

Компания подобралась третья. Олег Краев, естественно, был ее центром. Алечка, Алевтиночка, райская птица — казалась вроде бы поживописней и хохотала, нарочито оголяя зубы. Но ее центром никто не считал, несмотря на умопомрачительный кожаный плащ до земли, и мешковатый комбинезон нежнейшего цвета сакуры, и звенящее тонкое золото в ушах. Алечка была попросту глянцевою обложкой Краева. Второй мужчина, Гарик Халзан, также имел при себе ходячую выставку — сметанно-белую, рыхлую Надюху. Но, хотя ее ленивые двадцатилетние тела и стискивал атлас пополам с лайкой, и украшали все нужные ярлыки, — разбор тут был пониже. Остальные сегодняшние спутники вообще в счет не шли. Прихлебатель, добровольный шут с необычайно подвижной физиономией, корчившей из себя анекдотического одессита. И с ним — две какие-то худые, тщательно встрепанные девицы, отчаянно робевшие рядом с валютной богиней Алечкой.

Компания явилась сюда избывать тоску, навеянную гадкой ноябрьской погодой. За окнами уныло шумел дождь. Расплывались в черноте фонари с паутинными нимбами голых освещенных веток. Отрешенно пролетали по лужам чужие, золотящиеся изнутри машины. Город нахохлился, погружаясь в холодный потоп ночи.

Это был один из самых старых и почтенных городских ресторанов, с тремя залами: главным, верхним и боковым. В главном взрывывал ансамбль, равнодушно от-

рабатывая обязательную программу. Было тесно и слишком светло; сидели офицеры с покрасневшими хохочущими дамами, осовелые командированные. Навстречу уже лавировал метрдотель, обметая столики хвостом фрака, — итальянский мрачный красавец, изрядно тронутый нездоровой жизнью. Краева с компанией отвели по ковровой лесенке в верхний зал, который был собственно не зал, а широкий балкон вокруг проема в полу. Стол явился, словно в сказке сивка-бурка, — длинный, заранее накрытый. Из масляных розеточек подмигивала икра, мелкими слезами плакал балык, и крахмальные салфетки стояли почетным караулом вокруг таблички с надписью: «Стол заказан». Может быть, ожидали здесь какую-нибудь новорожденную семью. Или, скажем, дюжину сотрудниц планового отдела, провожающих на покой старшего экономиста. Все может быть. Но слишком уж хорошо стоял стол — в глубине балкона, у окна, где не так слышны динамики ансамбля. Потому и завладел им внезапно явившийся Краев...

...Все шло раз навсегда заведенным чередом. Сырая, промозглая ночь за стеклами не располагала к выдумке или особому веселью. Халзан и Краев вели коммерческую беседу, столь же мало понятную непосвященным, как диалог двух мастеров масонской логи. Алечка, повернув напоказ гордый профиль южноамериканской ламы, слушала бестолковый Надюхин лепет и порою, как положено королеве, роняла скупое презрительное словцо. Прихлебателю, корчившему одессита, удалось-таки ненадолго завладеть вниманием стола. Однако его притча о неграмотном миллионере оказалась многословной, и снова закрутились частные разговорчики, и Надюха под шумок расстегнула узкие сапоги. Только встрепанные девицы были совершенно счастливы, молча истребляя семгу и салаты.

Так бы они и кисли до конца вечера. Ну разве что, приняв пару-тройку рюмок, вывел бы Краев Алечку потанцевать, пустить пыль в глаза командированной шу-

шере; бесом запрыгал бы Халзан вокруг Надюхи, сверкая припомаженными прядями на ранней плечи. Потом, изгнав случайную публику, подсел бы к ним метрдотель, человек глубоко деловой и не праздный. С ним сейчас вел переговоры Краев, задумавший разориться на японский видеоманитофон с приличным набором кассет. Но все случилось иначе.

Чувствительным кончиком уха Олег поймал чей-то упорный взгляд. Обернулся. Напротив, через проем, только что пристроился за столиком посетитель. Из тех, кого едва замечают официанты, — усталый, самоуглубленный, забежавший перекусить и расслабиться в тепле под музыку после трудов праведных. Лысеющий сорокалетний блондин в роговых очках, с лицом, обведенным пшеничной бородкой, вообще — самой безобидной внешности. И этот блондин, боком поглядывая на Краева, вдруг еле заметно поднял уголки рта.

— Да это же Грин Хорунжий! — сказал, вглядываясь, Олег. — Ну, Гриня, Гриша... Помнишь, я тебе рассказывал? Грин Хорунжий. Вся наша бражка... Ну, «Парус»!..

— А-а, — протянула Алечка, не обнаружив большой радости.

Олег со скрежетом отодвинул кресло и пошел вокруг проема — в широком замшевом пиджаке, большой, уверенный. Блондин встал ему навстречу, они обнялись. Алечка дернула плечом, будто от холода. Ей бы хотелось властвовать и над прошлым мужа.

Близорукие глаза Хорунжего с какой-то обидной наивностью бегали по тяжелой фигуре Краева, задерживаясь на нелестных подробностях. Олег невольно подобрал живот, выпиравший поверх ремня, и бодро сказал:

— Не молодеем, брат. Да-а... Сколько это мы уже с тобой? Лет пять... или больше?

— Считай, все десять! — как бы с изумлении покачал головой блондин. Олег заподозрил было издевку, от-

странился. Но так младенчески невинно тарашился старый друг, что тут же отпало подозрение...

— Ты уже заказал?

— Да нет, не подходит никто.

Олег повернулся всем своим массивным корпусом и уже руку поднял, чтобы снять с орбиты пролетавшего официанта. Вдруг его осенила другая мысль:

— Слушай, Гриня, пошли к нам, а? С женой познакомлю, с ребятами. Народ легкий, не пожалеешь. И полезный, между прочим...

Хорунжий будто заколебался. Олег умел быть настойчивым. Покуда шел обряд знакомства, официант, только что в упор не видевший скромнягу блондина, уже заботился о приборе для него, другой фрачный герой-любовник тащил рыбное ассорти. Алевтина привычно, как учили в Доме моделей, оголяла свой великолепный жевательный аппарат. Когда новенький пристроился и, чокнувшись, выпил, Краев неожиданно принялся дразнить Алечку:

— Представляешь, когда это было? Ты что тогда делала, спутница жизни, — стыдно сказать, правда? Одних пеленок на тебя столько изводили...

— И не смешно вовсе, Алик, ну Алик же! — куксилась королева; но Краева уже трудно было унять:

— Вот она, моя судьба, друг ситный! Ее тогда, может, от соски отучали, — а мы с тобой что? Поскребем по карманам, насобираем рублишко — и в «Парус». По бокалу сухого, по чашке кофе — и хорошо нам, и не надо больше ничего на свете... А, Грин?

— М-да, конечно... Давно, давненько... — бормотал Хорунжий, светлым взором поверх очков оглядывая стол, и непонятно было: то ли он робеет, то ли присматривается... Прочие молчали. Олег не обращал внимания на тишину за столом, на Алечкины надутые губы. Расходившись, хохотал, обнимал за плечи вновь обретенного Грина...

Чтобы снять напряжение, Надюха спросила жеман-

ным голосом, постаравшись открыть пошире щелочки припухших глаз:

— А можно узнать, чем вы занимаетесь... Гриша?

«Таких вопросов не задают», — сказал щипок многоопытного Халзана, и Надюша спряталась под ресницами.

Хорунжий помедлил, вертя гриб на вилке, словно решил — как именно объявить этим людям о своем занятии.

— Я... э... видите ли, математик. Э... кибернетик.

Наскоро прожевав, одна из девиц сначала убедилась, что на руке Хорунжего нет обручального кольца, а затем подняла бесстыжие зеленые глаза:

— Доктор наук?

— Куда нам... Кандидат, — скромно усмехнулся Григорий.

— Знакомая контора, — прохрипел Халзан, таращась и утирая обильный пот. Он был полнокровен и мигом раскалялся, как паровой котел. — Пока дождешься человеческих денег, они уже только на лекарства и понадобятся...

Решив, что пришло его время, воспрянул мнимый одессит:

— Нет, чтоб я так жил! Это же кибернетика. Они могут вычислить наперед, какие цифры выигрывают в Спортлото. И никакой зарплаты вообще не надо. Профессор, или я не прав?

Краев не ударил по столу, просто увесисто положил ладонь. И обстрел новичка сразу кончился. И официант принялся расставлять горячее, несказанно обрадовав девиц.

— А где эти... Орест... и Кира? — подлив Хорунжему нарзана, дрогнувшим голосом спросил Олег.

— М-м... — промычал с полным ртом кибернетик. — Он уже членкор, у него восемьсот человек в отделе. Кира недавно защитила докторскую, сейчас в Японии...

— А... — начал было Краев и словно поперхнулся. Ему вдруг захотелось выбежать вон, на улицу, в объ-

тия острой свежести, подальше от спертго воздуха и запахов жратвы.

— Действует, — догадавшись, кивнул Хорунжий. С непривычки к спиртному его зрачки уже расширились под стеклами.

Одoleвая себя, Олег зажмурился, мотнул тяжелой головой. Когда раскрыл глаза, в них стояла угрожающая пустота. Он налил себе бокал пива и опрокинул, лязгнув зубами о стекло. Бросив отбивную и Надюхины парикмахерские сплетни, с ужасом глядела на него фарфоровая Алечка. В такие секунды слетала с Алечки тысячная шелуха, заемный лоск — и оставалась перепуганная девчонка из райцентра, славного поножовщиной на танцплощадке...

...Тогда, во времена «Паруса», Краев был совсем другим, похожим на себя нынешнего не более, чем шустрый малек на сытого взрослого сома.

Однажды город охватила лихорадка. Точно из спор, занесенных сырым апрельским ветром, стали вырастать молодежные кафе-клубы. В отличие от мигающих вспышками стробоскопа, на погибель глазам, аэродромно грохочущих дискотек — о них тогда не слыхивали и на Западе, — то были заведения технически скромные. Годилась любая столовая с подобием эстрады.

Люди одинокие, остро нуждавшиеся в общении, в самоутверждении и бог знает в чем еще; скрытые властолюбцы, деятели устрашающей энергии, коим жизнь не уготовила более широкого поприща; женщины в поисках спутника жизни; добрые компании, которым надо было где-то поколобродить, не входя в тяжкий расход; снобы, мечтающие о «Стойле Пегаса», — вся эта пестрая публика оседала в залах и подвальных чихах, под двойной властью «Общепита» и райкомов комсомола. В советах кафе-клубов можно было встретить как благороднейших энтузиастов-бессребреников, так и суровых деляг, наде-

явшихся погреть руки около платных билетов (дельцы, кстати, позднее и провалили движение). «Парус» стоял в самом центре, на тихой старой улице, в романтической тени кафедрального собора. Через несколько лет его совет распался из-за денежных махинаций председателя; «Общепит» с радостью затоптал пепелище клуба, и снова в кафе начали горланить свадьбы. Но в период расцвета «Парус» считался престижным местом. Туда ходили слушать хороший джаз. Там устраивали «капустники» молодые актеры драмы и студенты театрального. Наконец, в «Парусе» шаманили поэты-любители. Поэтов в те годы тоже уродило, как одуванчиков под весенним солнцем. Одним из наиболее талантливых и скандальных прослыл Олег Краев.

В неопишуемой кожаной куртке, лопнувшей и зашитой под рукавами, в брезентовых китайских брюках «Дружба», тощий, неуклюжий и развинченный, словно Петрушка, появлялся у микрофона Краев, и воцарялась настороженная тишина. Он читал, не зная, куда девать руки, горбясь, глядя от смущения поверх голов, на вентиляторную отдушину. Он то бормотал свои бредовые, тревожные строки, как темное заклинание, то выкрикивал их, словно беспомощный и дерзкий вызов. Многие были заимствованным. Умами тогда владела московская знаменитость — скандалист союзного масштаба, автор хлестких неожиданных образов. Стихи москвича переполняла научная терминология. На них лежал отсвет ядерных взрывов. Мэтр вкраплял в текст математические формулы и куски прозы, был божественно небрежен с рифмой. Олег верил во всю эту магию с пылом новообращенного. Заумь ряской покрывала чистый ключ его дарования. Однако сквозь наносы подчас побрызгивало такое свое, свежее, первородное! По залу тянуло озоном, как после удара молнии.

В «Парусе» за чтением стихов обязательно следовало обсуждение. По поводу Олега оно зачастую принимало характер словесного побоища. «Вы очень хотели всем

испортить настроение, но вам это не удалось! Вы просто позер, пустышка!» — кричала от своего столика особа, обойденная красотой и любовью. Поводом послужили Олеговы откровения: «Корчит лириков голубоглазых от моей динамитной ненависти... Я брожу по улицам в кожанке, я в кино нахожу приют; говорят мне девушки колкости и не знают, что я — плюю...» Особа, похожая на разъяренного удода, еще что-то оскорбительное пыталась выкрикнуть, но ее оборвал свирепый приземистый усач из Олеговой компании: «Да кому ты нужна! Еще настроение тебе портить...» — «Я с вами свиней не пасла!» — отрезала неукротимая. Из углов загыкали, ахнул разбитый бокал. Краев стоял со слезами на глазах, ноздри его раздувались. Цветные огни под потолком рябили, как фейерверк в честь поэта.

Позже он спускался по лестнице к гардеробу. По правую руку от него шел верный молчаливый Грин Хорунжий, уже тогда до безумия влюбленный в свою кибернетику, человек не от мира сего; по левую руку шел малорослый усач, распахивая людей. Внизу плотная масса народа толкалась у стойки, наотмашь вырывая свои пальто. Ледяными очками блеснул из-за лохматого красного воротника обиженный удода. Расступились. Выскочила наперед девушка с заячьими зубами, с пучком ранних крымских фиалок: «Победителю сегодняшнего вечера!» Олег машинально ткнулся губами куда-то ей за ухо. Хорунжий распахнул тяжелую дверь. С улицы ударила звездным холодом, остудила лица ночь.

Черные голые силуэты деревьев, громада собора, ярко освещенные окна — все плыло перед Олегом в стуже бушующей крови. Он слушал, не понимая, отвечал, не слыша себя, смеялся невпопад. Его крепко вели с двух сторон под руки. Видимо, чтобы спасти беззащитную душу Краева, пришло отрешение. Сущего не стало.словно отделенные толстым стеклом, двигались и разговаривали друзья. Приближались к Олегу до черточки знакомые и почему-то неузнаваемые лица...

Чувство реальности понемногу вернулось лишь в квартире друзей Хорунжего, под действием тепла и мастерски заваренного чая...

... — Аля, — сказал Краев, из-под набрякших век уставившись в синие, точно нарисованные на фарфоре глаза жены. — Птица ты моя... Птица счастья завтрашнего дня... — Мотнув головой, нехорошо осклабился, двумя пальцами поднял рюмочку: — Давай-ка... За нашего с Грином третьего... старого друга, которого здесь нет и быть не может!

По лицу Алевтины прошла страдальческая дрожь. Этого она больше всего боялась в Олеге — огромном, сильном звере. Внезапной волчьей тоски...

— Он что, умер?

— Жив, — вертя перед собой бокал и блаженно жуясь на переливы хрусталя, пропел Хорунжий. — Живехонек...

— А... почему не может? Что он, больной? Или...

— Или, — перебил Олег. И добавил — тихо, отчетливо и горестно: — Дура.

Алевтина прикусила губы, мигом отвернулась. За столом сделали вид, что жадно слушают очередную одесситову байку.

— Не пьет он, друг наш ситный! — опять пришел в мрачное веселье Краев. — Не пьет, не курит и, к большому своему счастью, не любит женщин.

— Нет, отчего же! — все так же изучая бокал и ни на что более не отвлекаясь, рассеянно возразил Гриня. — Любит, просто не так, как мы. Иначе он любит... иначе...

— А как? Как иначе? — сгорая от любопытства, подскочила на месте Надюха.

— Молча, — процедил сонный Халзан.

— Отойдем, — внезапно решил Олег. И, отшвырнув кресло, всей своей глыбистой фигурой вознесся над сто-

лом. Краев был здесь своим и трижды своим человеком, и поэтому преспокойно увел Хорунжего в официантскую подсобку. Более того — повинуясь его жесту, из комнаты мигом убрался отдыхающий фрачник, пошел курить на ковровую лестницу. Олег взял старого товарища за лацканы, притянул к себе, опалил дыханием:

— Ну, давай, выкладывай...

Григорий в упор взглянул на Олега, и тот впервые за вечер понял, каким страшным лукавством полны эти выцветшие глазенки.

— Удивительные происходят вещи. Как нарочно, три дня назад он вспомнил собачью свадьбу. Я записал. Прочесть? — Он полез во внутренний карман, приговаривая: — Представляешь, совсем академический сделался слог, не тот, что был. Идет, идет там какая-то эволюция — знать бы, какая!

...Друзья Хорунжего были кибернетики, супружеская пара за тридцать, Орест и Кира. Бездетные, жили открытым домом, принимали гостей в любое время суток. В огромной комнате — стеллажи до потолка, книги, точно каменная кладка; тусклое золото на дубленых корешках. Старая бронза — черный Меркурий с отброшенной назад крылатой ногой, нагие наяды, держащие абажур. Квартира принадлежала академику, покойному отцу Кире. На доме была мемориальная доска в память о нем.

Орест был немногословен, курил трубку. Коллекция трубок стояла у него в выдолбленном пне, туда же насыпался табак. Короткую, покрывавшую все лицо бороду он подстригал вровень с жесткими волосами ежиком. Тогда считалось престижным для интеллектуала походить на геолога-таежника, таскать грубый верблюжий свитер... Кира, очень полная, с белыми финскими ресницами, ходила распустехой и умела этим кокетничать. Ее называли не иначе как «баба Кира» и «мамочка».

Орест привычно постелил на полу лист фанеры, на-

бросал подушек. Сели по-восточному; иные разлеглись. Посуда для чая была некомплектная — кружки, стаканы, неожиданно нарядные чашки. Гости немилосердно били сервизы.

Краев снова читал стихи. Орест повторил, будто пробуя на вкус, несколько слов, пожал плечами и сказал: «По-моему, это гениально». — «А у тебя было что-нибудь гениальное в восемнадцать лет?» — спросил усатый Олегов поклонник (он со всеми немедленно переходил на «ты»). «Нет». — «А сейчас есть?» — «Да. Жена».

Грин успел сообщить по дороге, что хозяин занимается моделированием психических процессов. Его лаборатория ведет несколько тем, в том числе и закрытых. У него есть машины собственной конструкции, конечно же, не серийные. Высшее начальство почти не требует от Ореста прикладных результатов. Он — признанный разведчик неведомого. Один из немногих, кому дано право неспешно размышлять, ставить опыты, никому в них не отчитываясь. Кира готовила математическое обеспечение для машин по заданиям мужа.

Олег робел перед такими людьми, сам себе казался пустым местом. Рос он без отца. Мать билась, выстраивая шаткое благополучие. Краев работал фотолаборантом, тяготился бедностью, материнскими попреками, ролью мальчика на побегушках. После триумфа в «Парусе», подобных сегодняшнему, было особенно больно и стыдно окунаться в суету будня, глотать нагоняи от старших, терпеть пренебрежительное обращение. Хозяин спросил Олега — что тот собирается делать дальше. Олег сказал правду: в торгово-экономический, куда толкают родители, ему соваться вторично неохота, он и первый-то раз пошел из-под палки. О Литинституте Горького даже думать боязно. Ну как вернуть его вирши с такой рецензией, что потом вообще головы не поднимешь, всю жизнь будешь ходить как оплеванный?..

«Талант должен быть смелым, — сказала одна из девушек, пришедших с ними, — иначе не пробьешься.

Подумаешь, рецензии! Пушкина и то ругали. На всякий вкус не угодишь». — «Настоящий поэт — штука хрупкая, от удара может и сломаться», — возразил Орест, в круге света из-под абажура пылливо рассматривавший Краева. «Со сложностью растет хрупкость. Это машина не знает ни страха, ни колебаний. А человек, особенно художник...» — «Пробьешься, не пробьешься... Мещанство чистой воды! — возмутился усатый. — Да на кой ляд ему куда-то пробиваться? Мандельштам, что ли, пробивался? Или Хлебников, со стихами в наволочке? Если стихи чего-нибудь стоят, они до людей дойдут. Хоть через пятьдесят лет, хоть через сто...»

Уже, гневно сверкая взором, подобралась для достойной отповеди девушка, говорившая о смелости. Уже закипала крутая, в лучшем духе «Паруса» перебранка. Но тут вмешалась мудрая баба Кира. И сказала с серьезностью, которая совсем не шла к ее линиям халата и толстым коленям: «Пустословите, дети мои. Все суета. Не слушай их, мой милый поэт. И меня не слушай. И вообще никого, кроме себя. Если для того, чтобы рождалось у тебя зрелое слово, нужны тебе уединение и безвестность — уйди в темноту. Если вдохновляют тебя полные залы и камеры телевидения — и в том нет позора, добивайся. Только и себя не слушай, когда вдруг захочется все бросить и отсидеться в теплой дыре. Тебе надо писать. Умирай, но пиши стихи. Невыполненное предназначение взрывает человека изнутри. Погибший дар отравит тебя трупным ядом; ты станешь выплескивать душевную муть на ближних, и будет тошно даже в золотых хоробах. И никто не поможет...»

Наступило молчание. Орест сосал трубку, сидя в позе «лотоса», и все так же колкими зрачками ощупывал Краева. К мужу присоединилась Кира, обходившая гостей с чайником. Глядела пристально, цепко, словно что-то очень важное решалось в эту минуту. Чувствуя себя, как мышь перед парой полозов, Олег облизнул пересохшие губы, скомканно засмеялся. Лишь бы что-нибудь

сказать, похвалил заварку. Минута прошла, не уронив чудесного плода. Супруги переглянулись с видом некоторого разочарования, и Кира спросила: «Хочешь спать? Я постелю...»

То была правда. Он безумно хотел спать. Ему сворачивало челюсти зевотой. Но лечь в чужой квартире не хотелось. И так предстоял душеспасительный разговор с матерью... Олег поблагодарил и отказался. Хозяин, сквозь слои табачного дыма подходя к окну, отдернул толстую штору с помпонами — вероятно, тоже наследство тестя-академика — и остро прищурился на встречу оловянному рассвету.

...Когда сонная братия вразброд, похохатывая друг над другом и рассеянно толкаясь, уже выкатывалась на просторную лестницу, Орест придержал Хорунжего и шепнул ему несколько слов. «Чего это он?» — погодя спросил Краев, смекнув, что речь шла о нем. «Да так... Приглашает нас с тобой в свою лабораторию. Пойдем?» — Олег кивнул; его внимание было уже привлечено другим.

Вдоль горбатой, мощенной булыжником улицы, мимо разужоренных фасадов бывших домов в стиле «модерн-рюс» трусцой бежала собачья свадьба. По пустынной, еще мокрой, дымящейся мостовой. Минуя глубокие черные подьезды, где дворники гремели ящиками, готовясь к приходу мусоровоза. Некрасиво бежала, именно по-собачьи: уронив головы, работая тощими лопатками; сиротливо поджав хвосты. Восемь, десять, двенадцать собак, рослых и мелких, темных и пестрой масти, носивших на себе печать определенной породы — или чудовищных помесей. Несмотря на все различия, в глазах и побеге читалось одно. Они следовали предназначению. Весна гнала их, как перелетных птиц, как рыбы косяки на нерест. Зов, записанный на бобине кровообращения во времена Лесной Стаи, заставляя их прикипать к асфальту, и вынюхивать путь в каменной чашобе, и, увернувшись от грузовика, как предки — от разъяренного

тура, снова собираться вереницей. Пробегая мимо загудевших юнцов, собаки не оборачивались, только скашивали глаза. Дико блестели их белки.

Внезапно Краев ощутил некое дивное родство с этими неприкаянными существами. Быть может, то душевное созвучие, которое заставляло первобытного человека избирать себе тотем, зверя-покровителя. Бессознательно желая освободиться, Олег замахал, заулюлюкал вслед. Его поддержали. Псы уже совсем по-волчьи пустились размашистой рысью, озираясь и прижимая уши...

Через несколько дней Григорий привел Олега в лабораторию Ореста. Краев никогда не был в подобных местах, разве что читал или видел по телевизору. Ему показалось скучным и зловещим нагромождение приборов, похожих на радиоприемники с вывернутым нутром. Он сторонился грубо сваренных стеллажей и каркасов, месива разноцветных проводов. Мерещились внезапные разряды, ожоги. Пахло паленой резиной и канифолью. Здесь должны были обитать страшные металлические крысы с красными глазами-лампами: грызть по ночам изоляцию, глодать медь...

Относительно жилым выглядел только один угол за шкафами магнитной памяти. Там стояло дедовское кожаное кресло. В таких особенно ладно думалось о судьбах русской интеллигенции. Впрочем, и сей обломок старого, докибернетического мира оформили в общем духе. Над сиденьем свешивался с никелированной штанги обруч на шнуре. Из-за спинки выползали, прихотливо змеясь, десятки проводов с присосками на концах.

Разговор на квартире у Ореста слегка подготовил Олега к тому, что должно было произойти. Не выходили из памяти якобы случайные Орестовы слова о машине, не знающей страха и колебаний. Исполненными особого смысла казались речи Киры. И тот многозначительный взгляд был, конечно, немым экзаменом: что скажешь, самолюбивый мальчишка? Достанет ли у тебя воли и

упорства — не ослабеть, не пошатнуться на крутой тропе под грузом собственного призвания?..

Кое-что прояснилось благодаря Хорунжему. Он и пачку стихотворений выпросил у Олега, не скрыв, что это для Ореста; и по дороге в институт ронял намеки, интриговал, подзадоривал... Железо пугало обилием и жесткостью; встреча была похожа на прием у врача, чего Краев терпеть не мог. Вместе с тем сладко щемило на сердце. Он приглашен участвовать в опыте, быть может, равном по смелости космическому полету.

Олегу велели раздеться до трусов. Орест с Хорунжим усадили его в кресло, короновали обручем. В грязных прожженных халатах, полные рабочей злости, приятели казались чужими. Под обруч вокруг головы Краева насовали электродов. Это было знакомо: год назад в больнице по направлению военкомата с Олега снимали энцефалограмму. Кровяное давление ему тоже мерили; он знал тугой до боли браслет на мышцах. Но вот присосок по всему телу никогда не налепляли...

Орест что-то включал, перебегая по комнате. Щелкал тумблерами. Давал непонятные команды Грину. У того однажды с треском заискрило под руками; Олег почувствовал животный ужас, чуть было не вскочил, пообрывав все путы. Несколько раз ему почудились блуждающие боли, зуд в ладонях и подошвах. Орест попросил Краева посчитать в уме, произвести арифметические действия, затем вспомнить «о самом приятном». «А теперь — о чем-нибудь очень неприятном...» Наконец, предложил сочинить стихотворение. Хотя бы четыре строки. Олег напрягся — и скоро выдал четверостишие, довольно складное, с точными рифмами, но, пожалуй, сомнительной метафорой. Да, метафора была дрянь. Но оба экспериментатора смотрели на какие-то датчики, и, кажется, остались довольны...

Через час все окончилось. С Олега сняли сбрую, помогли подняться. Он помассировал перед маленьким зеркалом лоб с красными вмятинами от электродов. За-

помнилась манекенная гладкость актерских лиц рядом с зеркалом, журнальные фото: Баталов в «Девяти днях одного года». Одри Хепберн, вовсе юная Савельева в бальном платье Наташи... Тем временем за его спиной опять щелкали, переключали, прокручивали магнитные ленты. И вдруг словно само собой ожило, панически застучало печатающее устройство. Краев ошеломленно смотрел, как ползает вправо-влево каретка, оставляя на бумажной ленте строки неравной длины. Его, Краева, ломаные строки. Но не те, которые он уже написал, а другие. Те, что он создаст завтра — или через год. Если «накатит». Если забьется, запульсирует особый ток в кончиках-пальцев: «Не могу не писать!» Если, если... Да вот же они, готовые, до последней буквочки — его! По ритму, строю фразы, плоти, цвету, запаху. Егообороты, и высокая невинтица посвященного, и детское заигрывание с читателем. «В зеленях под шквалом корчусь я, скаля рот луной ущербною...» И даже пижонская эта неравномерность длины, в лад московскому метру... Олегу нравилось чисто зрительно, когда вслед за коротенькими строчками вдруг разворачивалась длиннющая, поперек всей страницы.

...Он испытал тогда ни с чем не сравнимые ощущения. С одной стороны, рассудок говорил, что машина пишет стихи точно так, как он бы это сделал сам. С другой — строки, которые не наносила на бумагу его рука, воспринимались как чужие. Глядя на ленту, выползавшую из щели с весьма приличной скоростью (он бы в жизни так быстро не сумел!), Олег пытался предсказать: какая будет следующая строка. Пару раз ему это удалось. Чаще не угадывал. Но, прочитав только что отстуканное, признавал вариант наилучшим. Единственно возможным. Он достаточно слышал об электронных «мозгах», чтобы сообразить: все неудачные попытки, все черновики (возможно, тысячи или даже миллионы проб) бесследно сгорают в недрах процессора, возникают и распадаются легчайшей зыбью импульсов. Машине лег-

че. У нее преимущества: скорость и неумение уставать. И никаких страхов и колебаний.

Остальное объяснили Орест с Хорунжим.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы в машинной памяти был записан и жил полноценной жизнью двойник Краева. Нет. «Мышление без сознания» — так выразился Орест. Нечто вроде очень усеченной, схваченной в определенном состоянии «сочиняющей» личности Олега. Да, собственно, какой там личности! Ведь у этого слепка с Олеговой психики, мерцающего в переплетениях плат, нет ничего подобного человеческому «я». Это вдвойне хорошо — для качества стихов. Во-первых, творящий островок, снабженный всем богатством ассоциаций Краева, но оторванный от текущего опыта, от игры настроений и состояний, — прочен. Ближе всего он подобен душе в глубоком бреде, в режиме постоянного вдохновения, когда окружающий мир перестает существовать. То, что для живого Краева — высший взлет, редкая степень самоотдачи, для машины всего лишь норма, «уровень внутреннего интеллекта». Значит, стихи всегда будут сравнимы с лучшими краевскими. Во-вторых, уединенность слепка, обрыв всех связей с настоящей жизнью — залог того, что у машины-стихотворца никогда не появятся мучительные сомнения и невольные вопросы «кто я и откуда». И не будет несомненной конечной трагедии; потому что, поселись там полный двойник Краева, страдал бы он невероятно от отсутствия тела, света, звуков и не о стихах бы думал, а о самоубийстве. А так — работа хоть круглые сутки. И никаких страхов и колебаний.

Явится ли подобный усеченный «поэт», вернее — сгусток сочинительства долгоживущим? Не исчерпает ли он себя, с молниеносной скоростью проиграв все наличные сочетания фактов и образов? Чтобы этого не произошло, кибернетики собирались «кормить» машину разнородными сведениями. От древней истории до

сюжетов пьес; от газетных передовиц до описаний погоды за окном. И тот, предельно углубленный в работу, живущий только стихом псевдо-Краев, вечно восемнадцатилетний, никогда не устающий, конечно же, переработает все, что найдет увлекательным, волнующим...

Однажды Олегу пришло в голову: а может быть, в защищенности слепка — не сила, а слабость? Не рождается ли поэзия *именно* сомнениями, и вопросами типа «кто я и откуда?», и личными трагедиями, и кружевом мимолетных настроений, вызванных изменчивостью мира? Что, если задохнется электронный поэт, перестанет лепить образы — несмотря на поток сообщений извне? Не живет ли он за счет совсем другого — чувственного богатства, накопленного Краевым к моменту перезаписи? Человеческое будет израсходовано, как наследство; новые чувства не озарят мертвый слепок. Придет конец; замрет печатающее устройство или начнет гордить рифмованную чушь.

Краева успокоили. Безусловно, живой поэт (наряду с неудачами и рядовым стихом) мог бы выдать гигантский скачок качества. Скажем — пережив несчастную любовь, или пострадав телесно, или попросту хорошенько отдохнув у моря. В общем, после встряски. Но ведь и слепку могли устроить какой-нибудь перепад электрического напряжения. Купно с очередной порцией сведений это, вероятно, также привело бы к оживлению творчества. Или не привело бы. Однако человек столь же мало предсказуем. Кроме того, если станет скудеть наследство, можно опять приложить электроды к черепу Краева, снять изменившуюся картину биотоков...

Первое время Олег частенько забегал в лабораторию. Любопытствовал — как живет слепок, выпрашивал куски лент со свежими стихами. Пробовал соревноваться. Скажем, брал начальное четверостишие, сделанное машиной, уносил его домой и пытался развить

тому. Затем — сличал с машинным продолжением. Кое-что обязательно совпадало. Но в основном слепок, строго придерживаясь краевской манеры, работал лучше, чем сам Олег. Добросовестнее, плотнее укладывал слова, был суровее к форме, тоньше и умнее... Ни следа спешки, неряшливости, пощады к себе. То была очень облагороженная ипостась Краева. Орест пошучивал, что когда-нибудь издаст полное собрание сочинений слепка под своим именем. А если всерьез — так опыт рассчитан на много лет, и бог весть, чем он окончится...

Затем случились большие перемены. Олег ушел в армию, служил в Прибалтике. Фоторемеслом овладел досконально. Незадолго до окончания службы встретил местную девушку. Женился, осел в том же чистеньком, как музейный зал, тесном городке. Работал в ателье; пробавлялся также, щелкая туристов на морской набережной, перед воротами замка ливонских рыцарей. Приобрел хватку. Знал, как поставить или усадить клиента, какое выражение придать его лицу и фигуре. Скоро основал собственный «бизнес»: снимал на свадьбах, на выпусках школ и училищ; ездил по селам, где наловчился поярче раскрашивать розовым фото младенцев и портреты для Досок почета. Надоели ограничения. Стал жаден до денег, удовольствий, роскоши. Через пару-тройку лет мог гордиться счетом в сберкассе. Тогда потянуло домой, к родительским пенатам. Жена воспротивилась. Он с легкостью разорвал ненужный уже брак, переехал в родной город. Здесь развернулся еще шире — освоил фотогравюры, снимки на фарфор, на мрамор надгробий. Первое время жил у матери, потом построил хоромы. Сделался шикарен, купил профессорскую дачу, «Волгу» и манекенщицу Алевтину. Ну а стихи... Всеу свое время. Кончились мечты, началась жизнь. Что бы подумала Алечка, видевшая в муже могучего добытчика, или тот же битый, хищный Халзан — стоматолог с огромной подпольной практикой, или иные трезвые,

предприимчивые друзья Краева, — что бы они подумали, если бы Олег снова предался словесному блуду, и носил свои творения в разные журналы, и в этом птичьем занятии находил свое счастье?.. О Хорунжем, об Оресте, об их диковинном опыте он почти не вспоминал. Неудобно как-то, нелепо после стольких лет отсутствия вдруг появиться: вот он я! К тому же, поди, давно уже вытерли магнитную память. Мало у них забот — учить машину кропать подражательные вирши с неравной длиной строки...

...— Слушай, — сказал Хорунжий, присаживаясь на грязную скатерть и вынимая желтую записную книжку с тисненым узором. — Вот, это последнее. Мы не знаем, что делать. Орест беспокоится. Хотели вообще все стереть — да побоялись. Будет вроде убийства...

— Убийства? — глухо переспросил Краев, не зная — как некогда у Ореста и Киры, — что говорить и делать дальше.

— Убийства, — кивнул Грин, и огонь лампы отчужденно скользнул по стеклам очков. — Нам кажется, что он все-таки постепенно обретает нечто вроде собственного «я». Или уже...

— Читай, — сказал Олег. Вдруг представилось ему, что сегодняшнюю встречу Хорунжий подстроил нарочно. Выследил. Сел на виду, со своими лукаво-близорукими глазами. И книжка в кармане. Пришел издеваться, мучить, напоминать: не выдержал экзамен Краев, не оправдал, не оправдал!.. Ничего. Вот осознаёт себя ваш слепок личностью, тогда посмóтрите... Ни страха, ни колебаний...

— Читай же, чего ждешь! — повысил голос Олег. Тот зыркнул из-под роговой оправы — и начал:

Вы встречали собачью свадьбу?
Словно лес им кругом, кудлатым...
По изъезженному асфальту
Волчьим клином бегут куда-то,

Деловиты. Носы в работе.
От колес уклоняясь ловко,
Устремляются к подворотне
Разномастные внуки Волка...

...Вспыхивали озарения, одно другого нелепее — и корчились, сгорая... Что же, убийство, так убийство... За чем ему этот призрак? Тень, шепчущая за спиной? К черту видеоманитофон! Десять, двадцать тысяч — все деньги до копейки готов отдать Олег, лишь бы стерли проклятую запись. Сожгли машину. Ну бывает же там... Электрик даст слишком высокое напряжение... Может быть, и начать с электрика? Фу, чушь какая...

...Что-то ищут в дожде, в метели,
На заре подвывая остро,
Будто предками был утерян
Развеселый Собачий Остров...

Олег делал огромные усилия, чтобы не сорваться. Вот он чего ждет, змий-искуситель! Срыва. Раскаяния. Загубил-де редкостный дар, променял право первородства на чечевичную похлебку. Поймите, простите... Не дождешься. Дудки. Жирно с тебя... Он кусал губы, вонзая ногти в ладонь. Все же слабеть стали нервишки, вон как разбирает... Старость?

И, встряхнув медали и бляхи,
На своем поводке коротком
Дог какой-нибудь вдруг запляшет,
Из собачьих Рориков родом;

Заскулит шалопай хозяйский,
О причинах тоски не зная,

А в глазах — дремучая зависть,
А в глазах — глухомань лесная...

Олег издал короткий горловой звук — и вдруг, как слепой, пошел на Хорунжего. Тот едва успел соскочить со стола. Отлетела в угол записная книжка. Через несколько секунд уже висел на левой руке Краева перепуганный официант: в правую — вцепилась Алечка; перед лицом лопотал что-то, заговаривал зубы Халзан. Григорий, стоя на несколько ступеней ниже, с красными пятнами на лице, судорожно протирает очки; Надюха отчаянно махала ему, чтобы убирался...

ХОЗЯЕВА НОЧИ

I

«Здесь», — сказал Василий и хорошо поставленным «командирским» голосом гаркнул водителю, чтобы тот остановился. Зоя сразу проснулась, подняла с Юриного плеча щеку, на которой отпечатались звездочки погона.

Народу в автобусе было немного: пять-шесть закутанных баб возвращались из райцентра, с рынка. В проходе навалом стояли их пустые корзины. Одна из баб держала на коленях швейную машину, должно быть, вымененную за полпуда картошки — еще дореволюционный, однако блестящий и ухоженный «зингер». Пробираясь к выходу, Галя глаз не сводила с машины. Ей бы такую — подрабатывать шитьем...

Наконец они ступили на землю, откуда родом был Василий.

Галя познакомились с ним месяца два назад, когда красивый, а главное — с полным набором рук и ног пехотный лейтенант впервые пришел в офицерскую столовую, где она работала на раздаче. Вечером, провожая ее домой, Василек сразу же завздыхал о родном селе, о материнском доме. Прадед построил его под самым бором и целый клин леса обнес оградой.

...Один был у рано овдовевшей матери Василек; один был у Василька близкий человек — мать. Отчаянно переживал солдат все годы войны, ни на день не мог успокоиться: а вдруг замучили маму нелюди, захватившие село; надругались над нею за то, что сын на фрон-

те?.. Но случилось чудо. В мясорубке мировой бойни уцелели оба — и сын, и мать. Даже не раненный, вернулся домой лейтенант. Почти не постаревшая встретила его Горпина Федоровна. И дом, как стоял возле сосен опушки, так и остался: кряжистый, с небольшими окошками в толще оплывших от возраста стен, с высокой, точно папаха, кровлей. Только солома на крыше была взлохмачена: пришлось поободрать ее в прошлую весну — на корм подыхавшей от голода колхозной скотине. И еще — заколотила хозяйка колодец. Не могла брать из него воду с тех пор, как пьяные немецкие солдаты утопили там соседского парнишку, пытавшегося стащить гранату...

Горпина Федоровна вышла встречать гостей в сад. Оказалась она по-девичьи стройной, легкой в движениях и опрятной, точно кошка. Темные запавшие глаза почти не отражали света. Галя поразилась было, как моложавая мать Василька, но потом вспомнила, что вдове едва за сорок.

Ужин, конечно, был нехитрый: картошка «в мундирах», кислое молоко да компот из сушеных яблок. О мясе здесь пока не мечтали. На селе после немецкого постоя даже козленка не уцелело, а ферму только-только возобновили. Правда, коров, довольно пожилых, председатель «выбил» для колхоза еще год назад. Но минувшим летом бедные буренки, кормленные соломой с крыш, таскали плуги — другой тягловой силы не было. Теперь же председатель, дай бог ему здоровья, привез из района волов, и коровы потихоньку нагуливают мясо. Корма для них заготавливают всем селом; вот и Горпина Федоровна накосила полный чердак сена...

Обо всем этом хозяйка повествовала по-крестьянски монотонно, ровной скороговоркой, в то же время суетясь вокруг стола. Как бы невзначай она просила Галю то помочь расстелить скатерть, то протереть старинные, толстого стекла стаканы. Эти «проверки» лишь умиляли гостью. В конце концов она решила, что возможная

свекровь — человек незлой и даже наивный, несмотря на удары, нанесенные жизнью.

После компота настал черед гостинцев. Тут уж вдову чуть ли не силой усадили за стол. Оба лейтенанта ловко раскладывали по тарелкам шоколад, печенье, конфеты в нарядных обертках. Затем фронтовой друг Василька, Юра, взялся заваривать индийский чай из жестянки, формой напоминавшей розу, с нарисованными пальмами и слонами. Горпина Федоровна ела и пила понемногу, храня достоинство. Подбирая сухой ладонью крошки от галет, сообщала: хоть и нелегка наша жизнь, однако понемногу встаем на ноги. Уже и свадьбы играем. Вон Косачев Ромка расписался с Оксаной Троцюк, той, что еще недавно лазала по чужим огородам с мальчишками...

«Жалеешь, что я себе у соседей не нашел?» — смеялся Василий, с чувством прихлебывая янтарный чай. Мать ударилась в дипломатию: да ну, какие на селе после войны невесты! Вдовы, перестарки или соплячки вроде Оксаны. Другое дело городские: ладные, самостоятельные, и глянуть на них приятно.

Это был явный комплимент гостям, и Зоя, действительно эффектная в своем белом шелковом платье с черными горохами, завитая и причесанная «под Марику Рокк»*, искренне ему обрадовалась. Юра тоже был из сельских, встреча с его родителями Зое только предстояла...

В это время произошло нечто странное. Чуткой Гале давно уже казалось, что к уютным звукам застолья — звяканью посуды, говору, смеху, к мелодичному гудению печи примешивается непонятный шумок. И вот — совершенно точно: зашуршало над головами, за беленым потолком; протопало быстрой побегой. Поскребло около дымохода — и бегом обратно...

Кажется, никто, кроме Гали, не обратил внимания на

* Марика Рокк — известная немецкая киноактриса 40-х годов, которую советские зрители увидели в трофейных фильмах.

возню шустрого чердачного жителя. Она же пристально смотрела вверх, пока не ощутила на себе упорный взгляд хозяйки. Горпина Федоровна придирчиво изучала девушку, но морщинки у губ выдавали одобрение. Точно вдове нравилось, что именно будущая невестка различила скрытую жизнь дома.

Не задав вопроса, готового сорваться, Галя отвернулась к раскрытому окну. Совсем близко качались крылья сосен, и вечерний сумрак уже разливался между стволами, словно чернила, выпущенные в воду. Дом был необыкновенно спокоен — основательный, внушающий чувство безопасности, с убаюкивающим бормотанием ходиков, с пирамидой подушек на семейной кровати, с жаркой печью, громадной и сложной, будто еще одно здание внутри наружного — около нее на потолочной балке сушились пучки зверобоя, материнки, полыни... Галя неожиданно подумала, что сюда, на огонек доброго жилья, в оазис покоя, столь редкостного для времен военного безумия, должны были приходиться из леса звери и птицы. Спасаться от снарядов и бомбежки, от ломающих чащу, безразличных к лесной живности бронированных машин... Вот и до сих пор обитает кто-то на чердаке. Интересно, кто?..

Мало-помалу сосны стали черными силуэтами на густо-синем; затем лес сделался непроницаем, словно монолит. Пришло время отправляться на боковую. Не то чтобы хозяйка сказала об этом прямо — нет, она продолжала бодро сидеть за столом, только уже не вскакивала за тем, за другим и совсем потемневшими глазами смотрела в одну точку, так что делалось тоскливо. И парни явно притомились, начали прятать зевки, хотя и подкидывали в затухающий огонь разговора порох солдатских шуточек. Наконец Зоя, как самая избалованная, откровенно потянулась и заявила, что хочет баиньки.

Тотчас Горпина Федоровна, сбросив оцепенение, вскочила, заметалась кошкой; стала приговаривать, что,

мол, девчат она приткнет на кровати, кавалерам постелет на полу... Но здесь решительно поднялся Василий и заявил, что по причине на редкость теплой для сентября ночи он сам и его друзья будут спать на сеновале. «Я этим четыре года бредил!» — шумел лейтенант. Юра принялся пылко вторить и рассказал про случай, когда он выпался на стоге возле города Веймара. И сено-то было прошлогоднее, выдохшееся, и трава не наша — немецкая, но все равно красота!.. Зоя заикнулась было насчет пыли и колючих травинок; ее дуэтом пристыдили.

«Я вам все же тут постелю. Мало ли что — может, еще вернуться захотите!» — вздохнув, покорно сказала вдова. Она не перечила, не пыталась отговаривать, но Галя вдруг отчетливо поняла; хозяйка не хочет, чтобы они ночевали на чердаке. Холодок тронул плечи гости. Однако Василий уже взял ее за руку...

Светя фонариком, Юра первым взобрался по лестнице. Никто, кроме Гали, не заметил: луч скользнул по алюминиевой миске с остатками каши... А дальше громоздилась гигантская залежь сена. Василек помог девушке забраться поглубже в дурманный запах и шелест; шепнул ей «ложись здесь», поцеловал и отполз.

Спать на сеновале оказалось не таким уж простым делом. О да, было и душисто и мягко; но травинки действительно кололись, и оседала на потную кожу сенная труха, и будто бы даже насекомые пробегали по ногам, по шее «Горожанка я, горожанка!» — сокрушенно думала Галя, ворочаясь с боку на бок.

Наконец ей удалось забыться... Но вдруг всплыла тревога, неся ненужную, бессонную ясность. Кого же все-таки прикармливает тут вдова? Лису, зайца, барсука? Не дай бог, рысь? Ну нет, хозяйка просто не пустила бы их всех на сеновал. А так — обошлась вздохами и темным намеком... Почему? Им ли, гостям, кто-то может здесь помешать, или наоборот — они кому-то?..

...И настала минута, когда вконец измученная бессонницей девушка вообразила, что ей душно, и решила перебраться поближе к окну. Она поползла туда — и внезапно очутилась в хорошо утоптанном, продолговатом углублении. Словно кто-то, постоянно ночуя здесь, обмял сено, сделал себе уютную лежанку.

Голова уже не была чистой; Галя больше не вспоминала о загадочном питомце вдовы. Смутно порадовавшись находке, свернулась калачиком. Неизвестно почему дивный покой царил в этом любовно устроенном местечке... Являлись Гале лица знакомых; брови Василия, похожие на ласточку, нарисованную тушью; трагические глаза вдовы. И все это на радостном фоне желтых пляжей, синей воды. Она присела на корточки и стала играть с ласковым речным прибоем, но оступилась, и пальцы ушли в мокрый песок...

Галя проснулась толчком, мир сразу стал отчетлив. В квадратный колодец маленького окна уже набегала бледная вода рассвета. Девушка лежала ничком. Правая рука ее, выброшенная в сторону, действительно касалась чего-то влажного, похожего на слипшуюся шерсть. Галя невольно пощупала — то было нечто округлое, живое, дышащее... «Ой, что это, что?!» — в сонном испуге вскинулась от Галиного крика Зоя. И сразу же вспыхнул, точно осветительная ракета, слепящий круг Юриного фонарика. Мигом пробудившись, оба фронтовика уже стояли на ногах, готовые броситься на помощь.

И они увидели — всего на несколько секунд увидели, как застыл рядом с Галей маленький, ростом не более годовалого ребенка, подобный сгустку мрака, будто бы с рожками на круглой голове; сидел столбиком и в ужасе тарачил зелено-красные глазища, поболее совиных, заменявшие ему лицо.

А потом с непостижимой ловкостью извернулся и бесшумно нырнул в сено, как рыба в омут.

Люди, впервые попавшие в кабинет Вадима Алексеевича Заборского, сразу же чувствовали, что в этой большой, обклеенной синтетической пленкой «под орех», освещаемой кондиционером комнате не хватает чего-то очень существенного. «Чего же, в самом деле?!» — думал посетитель, порою путаясь в первых фразах. Но рано или поздно соображая: стола! Того самого письменного стола, без которого до сих пор не обходились ни бюрократ, ни ярый борец с бюрократией. «А как же он работает? — мучился посетитель. — А папки, бумаги разные где хранит?..»

Если кто-нибудь решался задавать подобные вопросы вслух, главный архитектор города охотно отвечал. Он считал свое рабочее место образцом для подражания. Как он работает? Очень просто. Видите вон этот, дальний угол кабинета, осененный листьями громадной бегонии, увитый комнатными «лианами»? Там стоит тройка мохнатых кресел, а рядом на изящной подставке — блок аппаратуры. С краю находится диктофон. Вадим Алексеевич не пишет, а наговаривает кассету. Чтобы обрабатывать текст, у него есть секретарь-машинистка с дипломом филолога... Где он хранит бумаги? А их здесь вообще нет. Рядом с магнитофоном — аппарат, похожий на телевизор, стоящий на другом, плоском радиоприборе. Это микрокомпьютер «Роботрон». Записи, расчеты, чертежи сберегаются в его памяти. Ряд завершает телефон-селектор с разноцветными трубками. С его помощью (и только так!) главный архитектор проводит совещания... Так зачем же Заборскому стол — анекдотический предмет, неразлучный на карикатурах с тупой физиономией «столоначальника»?

Секретаршу свою, немолодую женщину с чудовищной работоспособностью, Вадим Алексеевич ценил и попусту не тревожил. Ей не вменялось в обязанности лично заходить в кабинет и докладывать, кто просит приема.

Мелодичный сигнал; по динамику внутренней связи звучит низковатый голос Ксении Прокофьевны. Говорит она немного манерно, нараспев, как актриса, играющая светскую даму:

— Э-э... Вадим Алексеевич? К ва-ам, я бы сказа-ала, несколько необы-ычная посетительница. Я предлага-ала ей обратиться в один из отде-елов, но она такая насты-ырная... говорит, что ей подходите только вы-ы!

Заборский предельно вежлив, но столь же краток в речах.

— Пожалуйста, точнее, Ксения Прокофьевна. Откуда посетительница? В чем необычность?

— М-м... Я бы сказала, в ее крайней ю-уности. Это школьница, ученица седьмого... ах, простите, восьмого класса, и зовут ее И-ира, Ира Гребенникова. Так ей можно войти?

В идеально организованном уме Вадима Алексеевича складывается привычная схема. «Школьница — будет приглашать — какой-нибудь клуб интересных встреч — рассказать о будущем города, о генплане — то же, что в последний раз по телевидению — отказать, огорчатся — почему бы и не выступить — общение с молодыми помогает сохранять форму — возьму цветные слайды...»

— Пусть войдет.

Тонкая звуконепроницаемая дверь кабинета бесшумно отъехала вбок, послушная нажатую детской руки, и перед Вадимом Алексеевичем предстала посетительница.

Заборский сделал несколько шагов вперед, подал руку:

— Здравствуйте, Ирина. Проходите, пожалуйста.

Почти беззвучный ответ, почти неосязаемое пожатие. Она не удивилась отсутствию стола — нет опыта хождения по кабинетам. Кто для нее хозяин — сухощавый, высокий, благородно седеющий, по общему признанию здорово похожий на актера Григори Пека? Воплощение

солидности и власти? Или у этой шуплой Иры, с ее бледным большеротым личиком, с печальными не по возрасту черными глазами, иная шкала ценностей?..

Вадим Алексеевич с обычной для него ненавязчивой галантностью, точно взрослою, проводил девочку до кресла под бегонией, сам сел напротив. Ира никак не решалась начать разговор — смотрела исподлобья, пальчиками с обкусанными ногтями потирала линялые джинсы на коленке. Заборский попытался помочь:

— Насколько я понимаю, то, что привело вас ко мне, связано с моей работой?

— Да, — выдавила она и заторопилась, словно боясь, что не сумеет заставить себя начать вторично. — Я слушала вас по телевизору, когда вы рассказывали о генеральном плане... и там про Шалашовку, что там построят двадцатизэтажные дома и... и...

Она снова умолкла, насупилась, опустила глаза.

— Вы, наверное, хотите узнать подробнее, что будет на месте вашего дома?

— Да... если можно!

«Проявим чуткость — не станем ей портить мнение о старших — одноклассники вряд ли последуют ее примеру — минут десять уделю».

Заборский коснулся клавишей «Роботрона»:

— Вам как показать, в планиметрии или в стерео... ну, в общем, вид сверху или в объеме?

— Я понимаю, — нервно сглотнув, закивала Ира. — Покажите в планиметрии, пожалуйста.

Повинуясь уверенным движениям архитекторских пальцев, на телеэкране возник нарисованный зелеными светящимися линиями, ювелирно подробный чертеж. Его основу составляли извилистые контуры высот. Словно пень распилили поперек годовых колец и половинки развернули закруглениями друг к другу — два холма сжали в долине бывшее село Шалашовку. Мозаика усадеб раскинулась по склонам. Сверху наискось ее пересекал,

не считаясь с рельефом; проспект Дружбы, проложенный по искусственной насыпи.

— Это как сейчас, да?

— Точно. А теперь заглянем в будущее.

На сеть сплошных линий лег пунктирный геометрический рисунок. Вместо уютных изгибов улиц, возникших, может быть, еще на месте древних охотничьих троп, — гигантские трапеции, лучи, многоугольники. Долина будет засыпана сотнями тысяч тонн песка, склоны исчезнут, и там, где нарисовано нечто вроде шестерен, встанут подоблачные башни.

— Вот так... Где ваш дом? О нет, нет, не пальцем! У нас все на мировом уровне. Прошу! — Вадим Алексеевич подал Ире нечто вроде толстой авторучки на проводе. — Это электронный карандаш. Можете пометить крестиком или обвести...

Дрожащей рукой поведив около экрана, девочка неуверенно нарисовала колечко, и оно тут же налилось фосфорической зеленью.

— Ага... Значит, улица Грабовского?

— Да-да... Номер тридцать четыре! — Ира подняла умоляющие глаза. — Так вы его... его...

— Увы, не только его, но и практически всю улицу Грабовского. Как видите, на ее месте будет площадь с бассейном, универсам... — Заборский вызвал на экран бегающую стрелку-указку. — Дальше — летний ресторан, спортплощадки, городок аттракционов. Сейчас там всякие овраги, сорные заросли; мы их тоже уберем, конечно.

— А сносить... дома и все прочее... вы скоро начнете?

— Бойтесь, что вас переселят в худшую квартиру? Или куда-нибудь далеко от друзей? Но мы тут, увы, бесильны. Это решает горжилуправление...

— Нет, — твердо проговорила девочка. — Я сказала вам неправду. Мой дом новый, на проспекте Дружбы, его трогать не будут...

— Так в чем же проблема? — суше, чем до сих пор,

спросил главный архитектор и красноречиво посмотрел на часы.

— Извините меня, пожалуйста! — сказала Ира, сложив ладони перед грудью. — Мне надо знать только одно: скоро ли... когда...

— Мы возьмемся за Грабовского? («Что за черт — влюблена она, что ли? — и предмет живет именно там — нет, пора гнать — хватит изображать доброго дядю!») Могу сказать... Простите, одну минуту!

Заскакала игривая электронная мелодия, будто щипал паутинные струны оркестр гномов. Так звучал тут звонок телефона. Заборский снял одну из трубок — красную. Звонили из столицы. Его зимняя поездка в Австралию решена. К антиподам, шутит хорошо знакомый ответственный работник. Походим вниз головой, отвечает Вадим Алексеевич. Еще несколько фраз по делу, взаимные вопросы о здоровье, о семье... Гномы дают серебристый отбой.

Вернувшись под бегонию, Вадим Алексеевич не сразу вспомнил — зачем тут эта черноглазая, глядящая на него с жадным ожиданием?.. Ах, да! Был вопрос, и он обещал ответить...

— Нулевой цикл универсама мы закладываем в сентябре. Значит, через месяц начнем валить. У вас все? Ко мне сейчас должны прийти...

— Нельзя, — сказала она, медленно вставая с кресла, со страшно расширенными зрачками. — Нельзя трогать тридцать четвертый номер по улице Грабовского!..

Главному архитектору на миг померещилось, что он и в самом деле совершает какое-то преступление... но Вадим Алексеевич отогнал это странное чувство и тоже встал. Заговорил отрывисто, резко, не скрывая, что беседа тяготит его:

— Почему нельзя? Что это, охраняемый объект? Памятник архитектуры? Если охраняемый, его и так не тронут... Вот — на той же Шалашовке, между прочим! —

реставрируем монастырь Козьмы и Дамиана, триста тысяч отпущено... А? В чем дело?

— А вы поверите, — задыхаясь от волнения, почти шепотом спросила Ира, — вы поверите, — если... я скажу, что там... может быть... живут пришельцы с другой планеты?

«Ну все, приехали — начиталась фантастики — раньше в старых домах водились привидения, теперь инопланетяне — к психиатру ее, что ли? — сейчас начнет плакать — надо все спустить на тормозах — и вон ее отсюда, вон сию же минуту!»

— Слушайте, — сказал Заборский, усилием воли придавая тону доброжелательность. — Допустим даже, что я вам поверю. Но... Вы представляете себе, что значит — изменить план застройки, разработанный десятками архитекторов, утвержденный всеми инстанциями?! В конце концов обратитесь в Академию наук. Пусть соберут комиссию, проверят... Будет соответствующий акт комиссии — сами возьмем вашу развалюху под стеклянный колпак... Договорились? Ну, всего хорошего.

Ударили по паутинным струнам, заплясали гномы. Вадим Алексеевич с облегчением шагнул к телефону.

III

— Ой, что это?! — вскинулась Натаха, нетерпеливым жестом велев Олегу замолчать. Отсветы пламени из открытой вьюшки жутковато изменяли ее толстошее, вполне заурядное лицо.

Снизу, из-под пыльного, заваленного известкой пола, донесся неясный звук. Будто кто-то в недрах дома пробовал хриплую дудку. Не играл, даже не пытался сложить простенькую мелодию — просто дул то сильнее, то слабее, с неравными промежутками.

Ира, как и все, сидевшая с поджатыми ногами на разложенных газетах, торжественно выпрямилась и свы-

сока поглядела на ошарашенного маменькиного сынка Олега.

— Это, наверное, под лестницей, там, где дырки! — нервно икнув, сказал Виталик. — Или нет, под крыльцом!..

— Неважно, где, — назидательно ответила Ира. — Важно, на чем они играют!..

— Ой, а на чем-о? — дрожа от возбуждения, заскулила Натаха.

Ира молчала, вслушивалась...

Желтый двухэтажный особняк по улице академика Грабовского, 34, был построен еще до революции, очевидно, каким-нибудь толстосумом, слышавшим, что есть на свете классицизм *. Широкие, будто во храм ведущие ступени крыльца; несколько пузатые колонны, точно приплюснутые «греческим» портиком, слишком пышным для небольшого дома... Стоял он во втором ряду зданий; некогда перед фасадом был разбит сквер, потом на его место воткнули неказистое строение, где размещались почта и продмаг. От сквера уцелели два-три старых дерева. Зато неоштукатуренный тыл особняка выходил прямо в лес. То, что Вадим Алексеевич Заборский презрительно называл «сорными зарослями», оплетало голые кирпичные стены диким виноградом, лезло в окна ветвями лип и акаций, осенью подступало к заколоченным дверям прибоем огненных листьев...

До войны жили в особняке какие-то скромные учреждения. Мирное время встретил он ничейным и заброшенным. Городу, крепко пострадавшему во время оккупации, было не до ремонта столетней развалюхи на окраине. Проходили годы; особняк ветшал, однако новые хозяева не находились.

В конце пятидесятых годов пустой дом открыли для себя ребята Шалашовки. При тогдашней скудности раз-

* Классицизм — здесь: архитектурный стиль, строгий и торжественный, с элементами подражания античному зодчеству.

влечений, при полном отсутствии подростковых клубов, игротек, спортзалов — двести квадратных метров под частично провалившейся, но все же крышей были роскошным подарком!

Внутренняя планировка особняка, с виду небольшого, оказалась изрядно сложной. За крыльцом был вестибюль с полом, затейливо выложенным из осколков мрамора. Оттуда вела на второй этаж певучая деревянная лестница, кое-где подгнившая и оттого еще более заманчивая. И внизу, и наверху за пустыми дверными проемами начинались заросшие паутиной лабиринты. Наверное, каждая из контор, живших тут до войны, пыталась перестраивать свои владения. К настоящим стенам были приткнуты дощатые и фанерные перегородки, почти все покоробленные, со щелями и проломами. Путь чужаков, кладовушек, закутков и коридорчиков обещала великолепные игры. Просторных комнат оказалось немного. Разве что бывший актовый зал на втором этаже с уцелевшей изразцовой печью...

Ребята подрастали в ту нелегкую и своеобразную пору, когда нужда сочеталась с почти безграничной свободой; более того — порождала эту свободу. Нет худа без добра! Шалашовские не могли носить дорогие пальто, импортные сапоги или платья, которыми в наши дни гордятся друг перед другом не столько дети, сколько их не в меру тщеславные родители. Зато — ребят не наказывали за дыру на штанах или рубаху, вымазанную грязью. Можно было сколько угодно лазать по заборам, устраивать плотины на ручьях, воевать с соседними улицами: в худшем случае мать вздыхала, зашивая или отстирывая — «все на тебе горит», чем и подтверждала законные права возраста.

Особняк сделался вотчиной подростков от двенадцати до четырнадцати лет. Младших братишек и сестренки не пускали туда, где они рисковали провалиться сквозь трухлявые доски, порезаться битым стеклом и т. п. Старшие парни и девушки больше интересовались друг дру-

гом, чем захламленным домом сего детскими «тайнами». Поэтому здание попало в руки самых неугомонных, предприимчивых, бесшабашных... Здесь играли в прятки; устраивали цирк, причем публики не было вовсе, зато вопил и кувыркался сразу десяток «клоунов»; переворачивали оба этажа и все доступные подвалы, затеяв войну. В ход шли самые разные виды «оружия»; особенно ценились хорошо сделанные арбалеты и катапульты для метания камней... Разлетались последние оконницы, гибли перегородки. Матери не успевали залечивать раны и ссадины. Наиболее строгие отцы воскресили порку. Директор школы шумел в райисполкоме, призывая отремонтировать особняк и вселить в него учреждение... или хотя бы забить наглухо все окна и двери. Возможно, он и добился бы своего — если бы не случилось одно событие...

Ребячье блаженство состояло не только в буйных играх. Дождавшись темноты, «хозяева» дома собирались в маленьком актовом зале, садились на пол, разжигали огонь в угловой печи, облицованной бело-синими старинными изразцами с изображением парусников и пышных кавалеров... и до одури пичкали друг друга жуткими историями. В ход шли и волшебные сказки, и кочевавшие по городу обывательские слухи о колдовстве цыган, гадалках или ведьмах; и собственные щедрые измышления с оживающими мертвецами, зачарованнымикладами, нечистой силой... Эти разговоры, доставлявшие их участникам острое, ни с чем не сравнимое наслаждение, продолжались за полночь, а то и до рассвета. Ни искать своих отпрысков, ни карать их за позднее возвращение родители тогда не считали нужным: «куда он(она) денется: добро бы что путное, а это несчастье не пропадет...»

Должно быть, в одну из таких ночей, когда пацаны и девчонки, слушая очередную, тут же родившуюся небылицу о вампирах и черной руке, которая стучится в окно, вздрагивали от каждого шороха, от каждого трепета

бликов и теней, от каждого волнения парусов паутины в углах под потолком, — в одну из таких ночей и произошло то самое.

Увы, никого из свидетелей ни на улице академика Грабовского, ни в окрестных кварталах уже не найдешь. Жизнь раскидала по свету. А их друзья детства, папы и мамы нынешних ребят Шалашовки, знают о невероятном событии лишь по пересказам.

То ли сверкнули в дверном проеме круглые, поболее совиных, глаза; то ли кто-то ловкий, темный нечеловечьими мягкими прыжками пронесся через комнату, а может быть, и одно произошло, и другое, и еще что-нибудь особенно жуткое третье — но только предрассветную Шалашовку огласили дикие ребячьи вопли. Участники собрания посыпались прямо со второго этажа, и будущий помощник прокурора республики Петр Приходько, не разбирая дороги, проломил забор чужой усадьбы, застрял и барахтался, трубно ревя, пока его не освободил и не выдрал хворостиной разбуженный домо-владелец.

С тех пор прекратились баталии в особняке. Дети больше не приносили оттуда ссадины или расквашенные носы; родители успокоились; директор школы не распи-нался перед районным начальством — о доме напрочь забыли.

А между тем тридцать четвертый номер, как никогда, приковывал внимание подростков. Стало ясно даже самым легкомысленным: там обитают таинственные существа! В этом сходились все; но мнения по поводу природы страшилищ были самые разные. Некому эрудированному старшекласснику удалось убедить многих, что домом завладели морлоки — полуразумные твари-людоеды из романа Уэллса «Машина времени». Все вроде бы соответствовало: ночной образ жизни, огромные глаза, ловкость, бесшумные движения... Наверное, писатель не просто выдумал их, а видел или хотя бы слышал о таких! Трусливые перестали и приближаться к особняку.

Из числа смелых выделилась группа «охотников», решивших во что бы то ни стало поймать живого морлока. Они сутками пропадали в особняке, расставляя силки и самодельные капканы.

С «охотниками» чуть было не вступили в сильную вражду приверженцы другого мнения. Часть ребят, должно быть, нетвердых в атеизме, объявила глазастых прыгунов... выходцами из преисподней. Такой поворот игры (впрочем, давно уже более чем игры!) делал жизнь захватывающей, каждый вечер — сказочным. Едва дождавшись сумерек, прокрасться в актовый зал; мелом на чертить «магический» круг, расписать пол диковинными знаками — и сидеть до зари при свечах, бормоча заклинания, частично вычитанные из книг, главным образом придуманные... А вдруг явятся? Больше того, станут покорны и выполнят любое желание?..

Не являлись. Не было ничего, кроме гудения дров в печи, кроме поскрипываний и потрескиваний рассохшегося дерева, кроме вздохов ветра в щелях и пляски искаженных силуэтов на стене. И уходили, разочаровавшись, заклинатели демонов. И, взрослея, сами над собой смеялись охотники на морлоков. И объявляли лгунами участников той, первой, уже легендарной встречи...

Но оставалась еще одна группа — может быть, наиболее верных легенде, настойчивых и вместе с тем бережных посетителей дома. Они не пытались ловить чудо капканами или опутывать заклинаниями. Боже упаси! Только благоговейно собираться, доказывать свое миролюбие — и ждать. Ждать бесконечно, неустанно: не покажутся ли? Когда-нибудь, как величайшую награду, получить сигнал, весточку. И, может быть, в отдаленном будущем — предел мечты! — наладить подлинный контакт.

...Сначала предполагаемых инопланетян называли по старинке — марсиане. Потом, с ростом потока фантастики, стали именовать пришельцами. Но кто они? Тайный

исследовательский десант? Потерпевшие катастрофу? Разведка агрессоров, намеренных завоевать Землю?..

Последняя точка зрения вроде бы подтвердилась в середине шестидесятых годов. Город наконец-то вспомнил о доме-пасынке, наскоро подремонтировал его (впрочем, краска начала отваливаться уже через несколько дней) и вселил туда два учреждения. Первый этаж был занят пошивочным цехом облдрамтеатра; на втором разместились подготовительные курсы торгового техникума. Но, поскольку и штукатурка, видимо, не превосходила качеством краску, и крыша после ремонта не обрела герметичности, — после одного из хороших летних ливней потолки второго этажа рухнули по всей площади. Через некоторое время, когда дожди размыли перекрытие и струи грязной воды стали орошать то плащ Гамлета, то хитон царя Эдипа, проклиная разгильдяев-ремонтников, съехал пошивочный цех. Особняк вновь опустел. «Агрессия началась!» — вопили те из «посвященных», кто опасался войны миров. Им обоснованно возражали: «Ничего подобного! Потолки обвалились ночью, когда в доме никого не было. Они не хотели жертв. Им надо было только выжить обе конторы. И вообще какие же они были бы разумные существа, если бы не могли постоять за себя...»

Споры продолжались долго. Однако спустя еще десяток лет, в течение которых особняк стоял сирым и бесхозным, неожиданно и вроде бы окончательно восторжествовала совсем иная версия.

Некая Светлана, достигнув двенадцати лет и получив право посещать собрания искателей контакта, решила отпраздновать свой день рождения в актовом зале особняка. Друзья-приятели натащили с собой хлеба, колбасы, домашних салатиков... и, конечно же, сладостей. Девчонки, как положено, не удержались и начали с шоколада и пирожных; аппетит был испорчен, большая часть еды осталась нетронутой. Решив «догулять» завтра, сло-

жили припасы в одной из фанерных комнатух, в стеной шкаф с уцелевшим засовом. Не то чтобы кого-нибудь опасались, а так, для порядка... Когда же снова собрались в доме, нашли шкаф распахнутым и порожним. Только пустые тарелки, похоже, тщательно вылизанные, стояли на полках да ток воздуха шевелил оберточную бумагу. И еще — сиротливо ютилась в углу, как бы подтверждая нелюдскую природу похитителей, запечатанная банка с маслинами. Ее и не вскрыли, и не унесли с собой.

К чести устроителей вечеринки, никто даже не подумал обижаться на «пришельцев». И — немедленно потеснил все остальные варианты катастрофы звездолета. Ну, конечно, специально устроенную базу, мирную или военную, обеспечили бы всем необходимым!..

Искатели контакта мигом превратились в спасателей. Все, кто был на дне рождения Светланы, а затем и многие другие стали втихомолку таскать в особняк еду. Причем не только остатки своих завтраков и обедов, но и — не будем скрывать — продукты из родительских холодильников...

Вера в голодающих пришельцев держалась оттого, что приношения неизменно исчезали. Кто-то (и, несомненно, не сами ребята!) аккуратно очищал миски с супом и кашей, обгладывал кости или вареную кукурузу. Лишь консервы по-прежнему оставались неоткрытыми — «инструментов у них нет, что ли?» Напрасны были попытки отдельных скептиков свалить все на крыс. Ребячья компания, вырастая, подхватывали эстафету... Так продолжалось много-много лет, пока не начался ропот: да когда же наконец эти чудища соизволят ответить на столь долгую заботу?! По всем правилам фантастики, они должны были бы уже давно выйти на свет и подать нам руку... или что там у них вместо рук? Нехорошо получается, а еще братья по разуму!.. Число кормильцев постепенно сократилось. Более того: воскресло мнение о хищных, завоевательских целях инопланетян. Мол, су-

ществам с хорошими намерениями незачем так долго прятаться...

В конце концов осталось лишь четверо непоколебимо веривших: день встречи разумов настанет, и все отступники, насмешники, разочарованные будут грызть себе пальцы от зависти. А если еще точнее — осталась Ира Гребенникова. Натаха во всем копировала обожаемую подругу; Виталик «ходил» за Натахой, маменькин сынок Олег таскался в особняк от безделья и одиночества — никто с ним не дружил, ибо был Олег себялюбив и капризен.

Правда, позднее у пришельцев внезапно нашелся еще один рьяный защитник. Он был свято убежден: большеглазые ночные зверюшки, о которых порою шушукались старший брат и его одноклассники (все из бывших «спасателей»), не могут быть злыми. И они наверняка проголодались, если им уже так давно почти не носят пищи. Звали эту чистую душу Виктором, или по-домашнему Витюлей, и было Витюле от роду шесть лет.

Малец нарушил негласный запрет, открывавший доступ в «гнездо вампиров» (уже и так окрестили ветхий дом!) только лицам, достигшим вдвое более почтенного возраста. Выпросив у матери мелочи, Витюля купил ириски, мужественно воздержался от их съедения и, чуть стемнело, понес кулек в актовый зал. Сверх того, шестилетний мудрец сделал то, до чего за тридцать лет не додумалось ни одно поколение охотников за морлоками, заклинателей демонов или искателей контакта. Он позаботился о духовной жизни глазастиков, то есть притащил им вместе с конфетами свою любимейшую обмусоленную дудочку. Скучно столько времени прятаться в темноте. Пусть хоть поиграют...

Совершив сей славный подвиг, Витюля не утаил его от старшего брата, за что и получил трепку. Но, наказав малыша в воспитательных целях, брат втайне преисполнился восхищения и поведал друзьям-приятелям о мудрости «пузыря».

И теперь Ира Гребенникова с лучшей своей подругой Натахой, с Виталиком, который по школьному определению считался Натахой «пусечкой и лялечкой», а также с маменькиным сынком Олегом — у изразцовой печи, где огонь был разведен скорее для романтики, чем для тепла, слушала Ира хриплые нестройные звуки, доносившиеся из-под пола. Звуки детской дудочки.

IV

«СЛ — смешанно-лесная зоогеографическая провинция. Полесский зоогеографический округ...» Фу, передохнем... Так, поехали дальше. «СЛ-1 — западный район, СЛ-2 — центральный район, СЛ-3 — восточный район». Чудненко. А кто же у нас там водится? Богдан аккуратно стряхнул с пера лишнюю каплю туши, заглянул в машинописный текст и принялся вырисовывать: «Копытные: лось, олень благородный, косуля, свинья дикая...» Он вспомнил, какие у дикой свиньи забавные полосатые детеныши, точь-в-точь арбузы на ножках, и потихоньку засмеялся.

От работы над подписями и большой карты млекопитающих республики Богдана оторвала Леночка, секретарша директора музея:

— Нестеренко, на ковер!

Леночка была юная и беспечная, как щенок охотничьей собаки; она бодро вышагивала впереди по длинному коридору, раскачивая широкой голубой юбкой с накладными белыми карманами, а Богдан плелся за ней, и у него неприятно посасывало под ложечкой. О нет, Яков Матвеевич был совсем неплохим начальником: не давил своим действительно немалым научным авторитетом, не был тираном или педантом. Наоборот: ко всем сотрудникам, независимо от ранга, директор относился отечески, не загружая пустой работой, был щедр на шутки и улыбки. И все же, несмотря на молодость и недо-

статок жизненного опыта, Богдан бессознательно не доверял вечному благодущию Якова Матвеевича.

Директор встретил лаборанта в своем обычном духе: с прибаутками насчет того, какой большой стал Нестеренко и не собирается ли он жениться; похлопал парня по плечу, указал на истертое кожаное кресло. В тесноватом кабинете царил вполне домашний беспорядок, лишавший визиты к «самому» последнего оттенка официальности. Наваленные на подоконники подшивки газет; чучела птиц и лягушки в банках, оставленные чуть ли не основателем музея, чудаковатым помещиком гоголевских времен; штабеля книг; клетка с канарейкой, навивно полуприкрытая цветастым ситчиком — и, конечно же, пласты застоявшегося табачного дыма...

Устроив Богдана и привычным жестом подвинув к нему пепельницу, хотя тот не курил, Яков Матвеевич плюхнулся по другую сторону стола и с полминуты молча смотрел на гостя, комично вытаращив глаза под круглыми очками. Наконец, сказал:

— Н-да-а-а... Что же это ты, Богданчик, голубь ты мой сизый? Оперился, значит? В полет рвешься, новые теории выдумываешь? Ну, дай бог нашему теляти... Думать — это хорошо, брат, это здорово! Только надо иногда и со старшими советоваться, не такие мы уж глупые...

Если до настоящего момента была еще у Богдана робкая надежда, что вызвал его директор из-за какой-нибудь малоприятной, но все же мелочи, то теперь даже в горле пересохло от огорчения. Донесли! Доложили, причем явно в постыдном, карикатурном виде. Та же Лелюшка небось и постаралась...

Точно. Яков Михайлович зажег очередной «Беломор», уселся поудобнее и вполне дружеским тоном попросил:

— Давай, брат, просвети-ка меня, старого, что это там за неизвестных науке животных ты открыл... в чулане у тети Клавды?

— Какая тетя Клава, почему тетя Клава? — вскрикнул от неожиданности Богдан.

— Ну, сторожиха наша... Это я для юмора, извини. Катай свою теорию, не бойся, может, еще и статью опубликуем в «Зоологическом журнале»!..

Делать было нечего, Богдан начал рассказывать. Кенарь время от времени принимался возиться, прыгать в клетке, требовательно посвистывать — директор шикал на него и снова впивался глазами в лаборанта. Давно уже не было у Богдана столь внимательного слушателя... А может, еще пронесет грозу и удастся хоть частично убедить Якова Матвеевича — он ведь все-таки ученый?..

Прежде всего Нестеренко пересказал, как умел, случай со своей бабушкой, имевший место году в сорок шестом или сорок седьмом. Бабушка вместе со своим женихом, будущим Богдановым дедушкой, а тогда демобилизованным молоденьким лейтенантом, поехала в село к будущей, опять-таки, свекрови, Богдановой прабабушке. И там, ночуя на сеновале, бабушка видела престранную ночную тварь, мохнатую и большеглазую; судя по всему, это существо постоянно жило под крышей хаты, хозяйка подкармливала его. Более того: шустрого глазастика успел рассмотреть при свете карманного фонаря и дедушка, и его фронтовой друг дядя Юра, который теперь генерал и живет в Москве, и дяди Юрина жена, то есть тогда еще не жена, в общем — тетя Зоя...

— Дружочек, — кротко сказал Яков Матвеевич, выпуская струю дыма в невысокий потолок. — Ей-богу, твоим родством и знакомством мы займемся в другой раз. Ближе к делу.

Богдан постарался сократить. Когда после встречи с чердачным жителем вся компания, чуть не переломав себе ноги, посыпалась по лестнице в хату — а было уже часа четыре утра, — хозяйка Горпина как ни в чем не бывало вышла к ним и стала укладывать кого на полу, кого на кровати. На все охи

и ахи ею были сказано одно: «Домовик это, дети, домовик; живет там с незапамятных времен; мы его не обижаем, и он нас не тревожит»*. Буднично так это сообщила женщина, простенько, словно прибилась к дому обыкновенная куница или дикая утка свила себе гнездо на сеновале...

Зоологией Нестеренко увлекался еще в младших классах. Услышав о «домовике», решил, что у диковинного создания, конечно же, есть плоть и кровь... только оно еще не описано учеными, как, например, снежный человек или живые динозавры, которых кто-то видел в болотах Африки. Стал осторожно расспрашивать людей. Из кучи выдумок, вранья и явного бреда психопатов постепенно отобрал с десятков свидетельств, мало-мальски заслуживающих доверия. «Домовики» встречались и в глуши таежной, и в столичных городах. Кое-кто мельком видел их; чаще — по косвенным признакам распознавали присутствие чудовищно ловких и скрытных тварей. Картина постепенно складывалась. К тому же Нестеренко усердно штудировал литературу — как сказочно-мифологическую, так и сугубо научную...

— В домовых верят по всей Земле и везде описывают их почти одинаково. Как правило, домовый ведет ночной образ жизни; он мал ростом, волосат, у него большие светящиеся глаза. Правда, кое-где в Европе его изображают человеком, чаще всего старичком низенького роста; но это, наверное, просто путаница, отголоски другого цикла легенд — о гномах, эльфах... — Яков Матвеевич слушал, порою ободряюще кивая; Богдан невольно увлекался все больше и больше.

— Есть очень интересные славянские предания. Вот, например... — Он выудил из внутреннего кармана записную книжку, распухшую от вложенных клочков бу-

* Случай, описанный в главе I настоящей повести и здесь, был буквально в таких подробностях рассказан автору киевлянкой Ниной Г., участницей этого события.

маги и перетянутую резиновым колечком. — Карел Яромир Эрбен. «Баллады, стихи, сказки». Это замечательный чешский поэт, собиратель фольклора... Здесь есть большая сказка, которая так и называется — «Домовые». Там, конечно, масса всякой мистики, но попадаются вещи очень даже несказочные. Можно, я прочту кое-что? Я вас не задерживаю?..

— Читай, голубы! — промурлыкал директор, подпирая рукой щеку. — Хоть отвлекусь ненадолго от бумаг своих треклятых... Давай!

У лаборанта снова заняло сердце — был, был в этом потакании здоровенный подвох! Но Богдан все же откашлялся и начал читать:

— «В Либеницах, в овчарне, тоже жил домовый, здесь его звали Шетек. На вид это был маленький мальчишка, только на руках и ногах у него коготки. О нем рассказывали много забавных историй. Шетек любил дразнить собак, кошек и индюков, любил насолить пастухам и батрачкам». И дальше. Одна девушка обварила домового кипятком, так он ей отомстил: «Однажды она лезла по стремянке на чердак, а Шетек взял да и запутал ее в стремянке так, что ей пришлось звать на помощь, чтобы ее выпростали». Затем Шетек, тоже в порядке мести, вплел сено в волосы одного пастуха, и тот был вынужден остричься наголо; разорвал туфли служанки, и все в подобном роде. Наконец хозяйка решила выгнать домового и позвала человека, который умел это делать. «Человек пришел, велел всюду насыпать муки и начал заговаривать домового. Шетек вопил так, что слушать было страшно; не хотелось ему уходить, но пришлось. На муке были видны следы, словно собачьи лапы...» Вы еще не замечаете во всем этом... ничего знакомого?

— Занятно, — сказал Яков Матвеевич, раздавил окурки в пепельнице и поскреб пятерней седую макушку. — Обезьяньи повадки, что ли? Ну да, точно, обезьяна. Зловредная такая, пакостная!..

— Вот именно, обезьяна... или что-то очень на нее похожее, предельно реальное! Хотя этот Шетек у Эрбена еще и разговаривает и делает всякие волшебные вещи, можно легко отделить правду от украшений, обычных для фольклора... Если позволите, еще пару отрывков. Вот... Действие происходит в средневековой Литве. — Богдан торопливо перелистал записную книжку. — «Повелел князь креститься, я и окрестился, повелел Христу бить поклоны, я и бью, но чего же мне старой нечисти творожку жалеть, не кинуть ей печеной репы, пены не плеснуть с пива? Не сделаешь этого, лошади падут или коровы опаршивеют, молоко станут с кровью давать, а то и урожай пропадет... В старину этой нечисти лучше жилось... А нынче леса повырублены, есть нечего, по городам в колокола звонят, вот вся нечисть и зарылась в самых дремучих борах да и воет там с тоски. Пойдет литвин в лес, так там его то один, то другой божок за полу кожуха дергает: «Дай!», говорит...» Это — из «Крестоносцев» Генриха Сенкевича. Ну чем не экологическая картина? Антропогенное* воздействие на природу, вид в экстремальных условиях... И еще маленький фрагментик. Из книги «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири», составил фольклорист Валерий Зиновьев. Это быличка — «свидетельское показание», основанное на народном веровании. Об одной крестьянке: «Однажды она опять осталась одна. Видит, кто-то вышел мохнатый... Зыбку качает с ребенком. И хохочет, и хохочет! Лицо белое-белое, а сам весь чернуший. Вот так покачает зыбку и исчезнет...» Рассказывает другая сибирячка: «А наутро-то в баню пошла, светло уж, все на работу идут, а я, говорит, баню открыла, а он — в дверях. Он меня в баню не пускает, стоит, а морда обезьянья».

— Лихо, брат! — восхитился директор — пожалуй, слишком шумно, чтобы казаться искренним. — Ну и

* Антропогенное — исходящее от человека.

что же это, по-твоему, за обезьяны такие, что при человеке кормятся? Может, ты уже и вид определял, Карл Линней?.. *

— Нет, вид пока не определил, — смущенно сказал Богдан. — Но семейство, пожалуй, знаю.

— Да ну?! Кто ж такие?

— Вы почти угадали с обезьяной, Яков Матвеевич. Подотряд полуобезьян, семейство лемуруобразных, подсемейство... ну, наверное, лемуриновых, точнее сказать не могу. Да, именно лемуры! Мне это пришло в голову еще классе в пятом-шестом, когда я впервые прочел о мадагаскарских лемурах и понял, какое у них великолепное сходство с нашими домовиками! У мальгашей ** лемуры окружены суеверным страхом и почти религиозным поклонением. Они якобы могут превращаться в людей. Духи малагасийской мифологии выглядят так же, как лемуры. Это карлики, сплошь покрытые волосами, являющиеся ночью в дома: злые — калануру и добрые — вазимба; тем и другим надо жертвовать едой... совершенно как нашим домовикам!..

— Молодец, — покровительственно кивнул Яков Матвеевич. — Кстати, а ты знаешь, что один близкий родственник лемура, филиппинский долгопят, так и называется...

— ...«Тарзиус спектрум», то есть долгопят-привидение, он же «кобольдмаки», или маки-домовой! — бойко подхватил лаборант.

— Ну-у, брат! — совсем расцвел директор. — Вот это да! Моим бы аспирантам такое знание материала, сукиным детям... Значит, по-твоему, некий вид лемуринов, живущий, можно сказать, по всему свету, с давних времен научился почти незаметно сосуществовать с челове-

* Карл Линней — великий шведский ученый XVIII столетия, создатель классификации животных и растений.

** Мальгашаи (малагасийцы) — коренное население острова Мадагаскар.

ком, кормиться за его счет... и везде его окружали легендами, поверьями?

— В общем, так, — сказал Богдан, опять внутренне съезживаясь. Вот оно, начинается... Директор, очевидно, не только из чистого любопытства столь терпеливо слушавший его, мало-помалу берет разговор в свои руки.

— А откуда же все-таки все эти предрассудки взялись? Как ты там читал — молоко будет с кровью, урожай пропадет?.. Может, это не простые лемуры, а с какими-нибудь там... экстрасенсорными свойствами?

«Ловит, — отчетливо понял Богдан. — Хочет ушучить на идеализме». Ответил, стараясь говорить логично, продуманно... и чтобы не изменял голос:

— Да нет, никаких таких свойств у них нету... Чтобы понять суеверных... скажем, крестьян, надо просто поменять местами причину и следствие. Считалось: если домовый доволен хозяевами — в доме уют и достаток, если домового разозлить и он покинет жилище — начнутся всякие беды. А на самом деле все наоборот: где благополучно — там домовый, то есть лемур, охотно селится, где нищета и разорение — туда его не заманишь, там просто есть нечего... Впрочем, если домовика избаловать подачками, а потом вдруг лишить их, он, наверное, может стать зловеще активным, как те литовские «божки» у Сенкевича: например, примется воровать или пугать хозяев, чтобы кормили.

— Да ты, брат оказывается, еще и эколог!..

Пропустив мимо ушей эту ехидную реплику, Богдан продолжал:

— У нас, на Руси, верили, что домовый, разгневавшись, может душить людей во сне, особенно маленьких детей. Было даже такое интересное поверье. В семью, где есть незамужняя дочь, приходили сваты. Когда девушка отказывала им, она заявляла об этом откровенно: не пойду за вашего жениха, и все. Но если сватовство принималось, невеста подавала условный знак: становилась у печи и как бы в смущении молча скребла паль-

цем штукатурку. Объяснение следующее: «Чтобы не узнал домовый...» Я все это понимаю так. Устоявшийся быт позволяет ночному животному чувствовать себя спокойнее. Оно точно знает, когда кто из хозяев встает, когда ложится спать; кто в какое время выходит из дому, когда семья садится есть, и прочее... Значит, можно строить свою жизнь, не рискуя попасться кому-нибудь на глаза, привлечь к себе лишнее внимание. А если, скажем, дочь выходит замуж, покидает семью или того хуже — приводит мужа в дом, — система поведения домочадцев меняется, надо срочно перестраиваться, ломать привычки. Лемуры волнуются, злятся, начинают делать пакости. Вот девушка и скрывает свое согласие; царапает побелку, указывая, что там, мол, за печкой, — он, тот, который ничего не должен знать... В случае же появления ребенка — совсем плохо: младенец кричит по ночам, всех будит, день и ночь перепутаны... Наверное, потому они в деревнях иногда и придушивали детей... вряд ли насмерть, но пытались!

— Ага, ага, чудненько... — Директор вдруг поднялся из-за стола — невысокий, с большим животом, — закурил новую папиросу и стал ходить взад-вперед, заслоняя свет в окне. — А тебе не кажется, что современные лемуры... как бы это сказать точнее... немного глуповаты для такой сложной роли, для таких почти разумных действий? Тут нужен развитый интеллект; а полуобезьяны очень примитивны, во многом близки к низшим млекопитающим. У тех же долгопятов мозг просто задавлен их огромными глазными яблоками...

Слава богу, с этой стороны Нестеренко был готов к ответу:

— Нет, Яков Матвеевич, лично я думаю, что домовые — это не современные лемуры, а уцелевшая ветвь ископаемых. Вы же знаете, были вымершие виды с большим черепом, с крупным и сложным мозгом — мегалапис, например, или хадропитек...

— На Мадагаскаре, — как бы невзначай уронил собеседник.

— Необязательно! Кости древних приматов найдены и в Азии, и в Северной Америке. Наверное, какая-нибудь группа лемуров прибилась к первобытному человеку... шла за кочевьем, подбирала объедки... но, в отличие от собак или кошек, не дала себя приручить, не попала в зависимость. Вероятно, это самый удивительный в природе способ выживания. Стать нашей тенью; постоянными, но незаметными нахлебниками... Страхи крестьян были им исключительно на руку. Никто даже не пытался искать, преследовать... Потом, видимо, лемуры проникли и в города.

— Скажи, пожалуйста! А где же они тут прячутся?

— Ну, мало ли мест!.. Здесь это даже легче, чем в лесу. Парки, чердаки, подвалы, склады, коммуникации, дома, откуда выселены жильцы, цеха и конторы в нерабочее время, новостройки... И с кормежкой нет проблем. Одни наши мусорники чего стоят, сколько съестного выбрасываем!

— И все-таки, Богданчик, как же их до сих пор так толком и не видели? За тысячи-то лет?

— Отчего же, видели! Достаточно часто, чтобы сочинять легенды, и недостаточно — чтобы считать обычными животными...

— Ладненько. Ну а, скажем, трупы? Они ведь когда-нибудь умирают, лемуры твои? Куда они девают мертвых? Почему никем ни разу не найдены шкуры, скелеты, хотя бы отдельные кости?..

У Богдана, чувствовавшего себя, как под обстрелом, мелькнула слабая надежда — если не доказать директору свою правоту, то хотя бы отступить с честью... чтобы все-таки Яков Матвеевич не считал его помешанным, а относился с некоторым уважением: мол, парень со странностями, но толковый!.. И он ответил по возможности без запинки:

— У многих животных есть укромные места, куда

они уходят, почуяв приближение смерти. Например, у слонов. Тем более легко устраивать тайные кладбища лемурам, с их невероятной ловкостью, со способностью проникать куда угодно... Кроме того, такие «конспираторы», как они, могли разработать и свои... так сказать, способы ликвидации умерших. Например, обычные похороны, закапывание в землю. А может быть, и пожирание. Природа наших условностей не знает...

— Бр-р... страсти какие! — помотал головой Яков Матвеевич. И вдруг, остановившись, сказал — как прежде, улыбаясь, ласково, только выцветшие глазенки колюче сузились: — Тогда уж проще предложить кремацию. Сжигать-то надежнее всего, а? Может, они у тебя еще и огнем владеют, Богданчик?

Его словно кипятком обварило, вспотели пальцы на подлокотниках кресла. Вот оно! Ничего не скажешь, долгую артподготовку провел старик; теперь, значит, идет в атаку... Богдан неуверенно попытался возмутиться; но директор, вернувшись в кресло, только рукой махнул: молчи, мол, хватит болтовни! И заговорил сам, уже без напускного дружелюбия, отчеканивая каждое слово.

— Вот что, друг любезный! Слушал я тебя внимательно, да... хотел как следует разобраться, чтобы больше мы с тобой не возвращались к этой теме. Теперь ты меня послушай. Первое, что я тебе скажу, — жаль мне твоих усилий. Времени, что ты потратил... господи, сколько материала перевернул, сочинил целую диссертацию. Твою бы энергию да в мирных целях... — Яков Матвеевич приглашающе усмехнулся, но, не увидев ответного веселья, нахмурил брови и продолжал жестче прежнего: — У тебя, брат, извини меня, не гипотеза, а байка для младших школьников! Шутка ли — неизвестный науке вид высшего млекопитающего, примата; да еще живет не где-нибудь в джунглях Амазонки, а чуть ли не в каждом доме! Да ведь если бы оно так было, уже все музеи были бы забиты костями твоих ле-

муrow! Пусть они друг друга хоронят, поедают, что угодно, но если они тут обитают, как ты говоришь, с первобытных времен, то хоть какие-нибудь остатки мы бы выкапывали вместе с мамонтами, с ледниковой и послеледниковой фауной... как тех же тобой упомянутых хадропитеков находят на Мадагаскаре!

— Может быть, здешняя популяция* как раз очень маленькая... — попытался вставить слово Богдан, но лишь навлек на себя новые громы:

— Маленькая? А кто тут только что говорил, что в домовых верят по всей Земле? Почему не только у нас — нигде не найдено ничего похожего, ни в каких слоях? Но если даже маленькая популяция, особенно если маленькая, — как ты себе представляешь ее выживание? Вы генетику там, у себя на факультете, учите? Что-то верится с трудом... У известных лемуров — в каком количестве рождаются детеныши? Ну-ка, скажи, знаток!

— У разных видов по-разному, — обреченно сказал Богдан, уже зная, какую мину подводит директор. — Но, в основном, один-два детеныша, не больше.

— Ну так неужели непонятно, что при таком слабом, медленном воспроизведении популяция должна быть огромной, многочисленной? Иначе возникает инбридинг** — выбирать-то не из кого! Наследственность будет испорчена; начнется вырождение, вымирание — дошло наконец?

— Дошло... — сдерживая подступающие слезы, ответил Нестеренко. — А может быть, у них как раз такая наследственность... как результат эволюции, приспособления... что они могут заключать браки внутри

* Популяция — совокупность особей одного вида, постоянно занимающая определенное пространство.

** Инбридинг — скрещивание близкородственных организмов; у животных часто приводит к возникновению уродств, снижению жизнеспособности и гибели потомства.

семьи, между братьями и сестрами, и не вырождаются?..

Яков Матвеевич презрительно выпятил губу:

— Смелее, смелее надо фантазировать, дружок, если уж взялся! Как тебе, например, такой вариант: домовые живут по сто тысяч лет и раз в десять тысяч рожают одного детеныша? Потому и костей их не находят, — все живы, — и вырождение еще не успело произойти... А? И никаких проблем!

— А почему бы и нет!.. — на свое горе брякнул Богдан. Ответом был крепкий удар директорской ладони по старинному, красного дерева столу. Наверху заметался, посыпал труху из клетки взлохотенный кенарь.

— Ну, все! Порезвились, и хватит! — Лицо Якова Матвеевича окончательно стало злым, углы рта опустились. — Запомни раз и навсегда: здесь научное учреждение, а не клуб любителей фантастики! И вот что еще... обижайся, не обижайся... будешь засорять головы ребятам своими домовиками, суевериями этими старушечьими — выгоню! — Директор перевел дух, раздавил очередной окурок и сказал хриплым, но уже почти спокойным голосом: — Ну, иди, работай. Когда-нибудь мне же спасибо скажешь за то, что не дал тебе чепуху болтать и на чушь время тратить. Ученый, брат, из тебя все-таки получится, теперь, как ни странно, я в это верю... Иди-иди, свободен!

▼

После многих дней дождя, унылых и промозглых, точно мокрые подвалы, солнце вернуло земле свою ласку; наступила благодатная пора, завершение лета.

Вадим Алексеевич неторопливо брел по центральной аллее парка. Близился закат, день поминутно терял яркость; так раскаленный добела металл, остывая, подергивается краснотой. Свободных мест на скамейках

не было. За оградой детской площадки взрослая пара каталась на доске с лошадками; доска тупо стучалась оземь, и девушка всякий раз кокетливо взвизгивала. Дальше начиналась дикая зона, обреченная Заборским на уничтожение, — путаница кустарников и мелколесья. Оттуда тянуло запахом стоячей воды.

Свернув по боковой дорожке, он скоро вышел на улицу. Здесь начался частный сектор, еще не тронутый градостроительными реформами. Сквозь густую листву садов поблескивали, отражая вечернее зарево, будто игрушечные стеклышки в белых рамах; аляповатые георгины и тигровые лилии пестрели на дворовых клумбах. Горбатая булыжная мостовая, прихотливо сворачивая, вела все круче вниз. Теперь прогулка Вадима Алексеевича уже не казалась бесцельной. Ускоряя шаг, спускался он в долину. Редкие прохожие попадались навстречу. Из-под железных ворот выбегал ручей, должно быть, от испорченного крана; двое-трое ребятишек у обочины самозабвенно пускали щепки по воде и бежали за ними...

Неподалеку отсюда он побывал днем. Солнце, нестерпимое для глаз, радужным пузырем всплывало к зениту. Серая «Волга» главного архитектора медленно катилась по горячей пыльной улице, мимо глубоких заборов и облупленных корпусов старого завода, который также подлежал сносу. Посреди площади, где раньше разворачивался маршрутный автобус, стоял багроволицый коренастый прораб. При появлении Вадима Алексеевича он почтительно приподнял сетчатую шляпу; лоб опоясывала глубоко отпечатанная борозда.

Ограда ближайшей усадьбы была свалена. Посреди двора на разъезженных остатках клумбы серым носорогом топтался бульдозер. Наискось вверх от него натянутой струной шел трос, зацепленный за простенок второго, деревянного этажа дома, — низ был кирпичный. Натужно взревев и выплюнув струю дыма, машина пошла вперед. Дом пошатнулся, затряс балконом

с вырезанными перилами. Затем фасадная стена угрожающе накренилась вслед бульдозеру и рухнула; брусья верха смешались с кирпичным обвалом, брызнули стекла, двор заволокла пыль.

Заборский не сводил глаз с картины разгрома, и неожиданные мысли явились ему. Вот перед ним это жилище, человеческое гнездо, где рождались и умирали поколения... уже приговоренное к гибели, но еще почти целое, лишь непривычно открытое взорам. То, что было спрятано от посторонних — уют гостиной, святилище спальни, уединенный мирок детской, — обнажилось, точно внутренности организма, когда упала стена. Комнаты над комнатами, оклеенные обоями разного цвета и рисунка; артерии труб, нервы проводов, зубчатый позвоночник лестницы, белая челюсть уцелевшего умывальника...

Рабочие снова зацепляли наверху трос — валить другую стену. В соседней усадьбе тоже трещало и рушилось, там второй бульдозер воевал с сараями. Солнце, отразившись от какой-то блестящей штуки за кустами, ослепило Заборского. Он отвернулся.

Что-то нервы некстати разыгрались. Отчего бы это?

...Непроницаемо темные, тоскливые, умоляющие глаза на бледном большеротом личике. Ира. Ира Гребенникова.

— ...Сегодня только с краю отщипнем, — перекрикивая шум, радостно сообщил прораб. — А завтра, значит, раскатаем до самой генерала Панфилова!..

Неопределенно кивнув, Вадим Алексеевич полез обратно в машину. «Волга» задним ходом выползла прочь с укатанной площади, вокруг которой были лязг и скрежет и вставали дымные столбы, словно на поле боя.

...Он еще побывал и у себя в кабинете, и в строительном-монтажном управлении, и на заводе железобетонных конструкций. Но в конце дня, позвонив домой,

чтобы скоро не ждали, велел водителю ехать к окраинному парку. Сам от себя пытался скрыть, что хочет не просто побродить среди зелени, развеять нервную усталость, но оказаться ближе к обреченной Шалашовке. И вот сейчас, шагая в закатном червонном золоте по разбитому асфальту тихой улицы Грабовского, Вадим Алексеевич переживал странное, тревожное состояние. Он знал совершенно однозначно, что должен сделать дальше, и знал, что сделает это, — вроде бы и не слишком важное дело, просто даже незначительное, но сделает непременно, выполнит, как некий долг... Долг перед собой — или перед кем-то другим? Уж не перед парой ли непроницаемо темных глаз? Чушь, неужели Заборский стал сентиментален?.. Он выдавил из себя смех, диковато прозвучавший в пустынных кварталах, но с пути не свернул и шага не замедлил, покуда за унылой коробкой, откуда уже выселили и почту, и продтовары, не открылся желтый особняк, сильно тронутый разрушением, с пузатыми, словно горшки, колоннами.

Когда Заборский всходил по истертым ступеням крыльца, свет низко висевшего солнца внезапно померк. Рваные, быстро несущиеся полосы, будто тени хищных птиц, пересекли разбухший тусклый диск. Впервые за весь ленивый знойный день в пыльных кронах шевельнулся ветер.

Вадим Алексеевич вошел, и его разом охватила банная духота. Дом, за дождливые недели напитавшийся, как губка, влагой, а затем разогретый жаркими погодами, теперь выпускал пар. Нестерпимо пахло прелым тряпьем, котами, затхлостью нежилых углов.

Повинуясь бессознательному любопытству, Заборский тронулся наверх. Доски лестницы подавались под ногами, точно клавиши. На дворе опять захлопотал ветер, ему ответили гулкие вздохи и посвисты в недрах особняка, заколыхались под потолком клочья паутины. Вадим Алексеевич сделал еще шаг — и вдруг

ступень, которой он едва коснулся подошвой, провалилась. Канула вниз, словно нарочно подпиленная.

Левая нога Заборского скользнула в пустоту; присев, он удержался судорожно стиснутыми пальцами за хлипкие перила. Пришло жгучее чувство реальности. Боже мой, да зачем он здесь — ответственный работник, отец семейства, интеллигентный, уважаемый человек сорока шести лет от роду?! Если бы дочь-студентка, которую он вечно бранит за разгильдяйство, увидела его в таком положении, или, скажем, кто-нибудь из подчиненных, или наоборот — из партийного руководства полюбовался, как главный архитектор огромного города висит на гнилой лестнице в пяти метрах от пола, опасаясь шагнуть вверх или начать спуск!..

Неужели все дело именно в его дочери, в Насте? Немногие знают, какая боль постоянно гложет подтянутого, респектабельного Заборского, какая обида на судьбу... Это так страшно, когда твое дитя, плоть твоя, которую совсем недавно держал ты на руках крошечной и беспомощной, вдруг становится чуждым, враждебным созданием, опрокидывает все надежды... Настя, Настенька... Вот с той бы, с черноглазой гулять по набережной, кормить ее шоколадом, беседовать на всякие отвлеченные темы — о Вселенной, о прошлом, о будущем... Говорят, не выбирают родителей; получается, увы, что детей тоже не выбирают.

Вадим Алексеевич медленно вытянул ногу из пролома, носком туфли попробовал следующую доску. Как будто надежно... Почему же он все-таки не возвращается, почему столь упорно стремиться наверх? Только ли ради того, чтобы очистить совесть перед полужнакомой школьницей Ирой? Да нет, разумеется. Не только. С незапамятных (а впрочем, по ощущению — вчерашних) мальчишеских времен Заборский привык действовать наперекор собственной слабости. Должно быть, потому и выбился в люди. Например, доказывал, что ничего не боится — ни завтрашней контрольной

по математике, ни темноты, ни вечно пьяного полуидиота из соседнего двора по прозвищу Билли Бонс. Доказывал всем окружающим... но прежде всего себе. И сейчас тоже — себе. Если он поддастся слабости, раздражению, уйдет, не осмотрев дом полностью, — останется в душе саднящая точка. Стыд.

Поднявшись наконец на площадку, Вадим Алексеевич увидел справа дверную раму, а за ней — комнаты, сплошь заваленные рухнувшей штукатуркой. Тут да не тянуло. Зато справа обреталась дверь почти целая, только с дырой на месте замка и плотно притворенная — а что же возбуждает исследователя больше, чем закрытая дверь?..

Заборский не без волнения отворил — и очутился в коридорчике меж двух фанерных перегородок. Здесь когда-то разделили часть зала на клетушки. Но дальше расстилалось пространство потемневшего паркета, на котором тоже хватало штукатурки, однако больше было старых газет. Слежавшаяся пресса образовывала толстое одеяло перед устьем большой, до потолка, изразцовой печи в углу. («Черт — отличные изразцы, прошлый век — надо бы их ободрать отсюда, прежде чем рушить!..») Зоркий глаз архитектора сразу отметил под печью с полдюжины еще не покрывшихся пылью лимонадных бутылок. Очевидно, здесь собирались.

Косоугольники света на полу погасли, будто кто-то разом заслонил оба больших, вдребезги разбитых окна. Уже не отдельные пряди туч неслись через небо — победно разворачивалось тяжелое знамя грозы. Вадим Алексеевич подумал, что обвалившиеся потолки — плохая защита от ливня. «Зря я отпустил машину, — вспомнить, что ли, юные годы? — в «Авангарде» я тянул на первый взрослый — рвануть кросс до автобусной остановки? — дыхания, пожалуй, хватит, — а скорости? — сейчас разверзнутся хляби!..»

К Заборскому возвращалась его привычная ироническая трезвость. Да нет, пожалуй, жгучая досада,

такая, что впору заплакать. Обманула Ира. Безжалостно обманула та, которую он только что любовно представлял на месте своей дочери. Конечно, раз она с дружками устраивает здесь тайные пиршества, ей никак не желательно, чтобы дом сносили. Но выдумать ради этого целый фантастический сюжет, явиться к главному архитектору! Ах, скверная девчонка, врунья, дрянь, дрянь... Купился, старый дурак, — вот тебе!

Он решительно повернулся уходить, но помешкал, вспомнив о предательской лестнице. Что ж, отступить некуда... Заборский сделал шаг — и замер. За спиной тихонько звякнуло. Еще раз, еще... Похоже, что две стоящие рядом бутылки ударяются боками. Подземные толчки? Да нет, он бы почувствовал.

Вадим Алексеевич снова поглядел в сторону печи, разрисованной по белому тысячами затейливых синих фигурок. Понятно, рядом с печью никого не было. Плотную закрытую чугунную дверцу покрывал слой пыли. Больше не звенели бутылки; зато наступил черед иных, еще более загадочных звуков. Казалось, что дом кряхтит и почесывается, пронизанный некими токами в преддверии разгула стихий. Шелестело, скреблось, шуршало и взвизгивало то в одном конце зала, то в другом, то за стенкой, то под самыми ногами...

Заворчав, электрически полыхнуло небо. Что-то мягко упало в печи и завозилось, трясая изнутри дверцу. Главный архитектор пятился, боясь оказаться спиной к залу. За ним проскрежетало и громко щелкнуло...

Вадим Алексеевич обернулся прыжком, лицо его искажилось. Дверь в конце коридорчика, через которую он вошел сюда, не прикрыв ее, стояла захлопнутая. Издав нечто вроде короткого храпа, Заборский рванул на себя ручку — но дверь, лишенная замка, держалась крепко, словно взятая на ключ.

И тогда главный архитектор города побежал — не чувствуя ног, ринулся обратно мимо перегородок, на-

искось через шепчущий, бормочущий пустой зал к лишенному стекол окну.

Он успел еще услышать, как визжит на несмазанных петлях, отворяясь, заслонка печи.

Если бы в окрестных домах оставались жители и кто-нибудь из них выглянул полюбоваться вечерней грозой — он увидел бы незабываемое зрелище. Сквозь оконную раму во втором этаже особняка вымахнул, не удержавшись затем на ногах, мужчина в отличном светлом костюме, с лицом перепачканным и обезумевшим. А если бы наблюдатель еще и знал в подробностях историю «поисков контакта» — он, безусловно, отметил бы, что беглец воспользовался именно тем окном, в котором лет тридцать пять назад, спасаясь от ночного ужаса, собственным телом высадил стекла нынешний помощник прокурора республики Петр Приходько.

VI

«Директору ...го областного краеведческого музея доктору сельскохозяйственных наук

Гордейчуку Я. М.

от лаборанта отдела зоологии и палеонтологии Нестеренко Б. Г.

Заявление

Прошу освободить меня от занимаемой должности по собственному желанию».

Все. Остается лишь поставить число и подпись. Два дня он мучился, прежде чем принять это решение; но теперь оно бесповоротно. Мама, конечно, расстроится: ей так нравилось, что Богдан «пошел в науку». Но ничего. Она поймет, что сын больше не может оставаться там, где его жестоко оскорбили...

— Нестеренко, на ковер!

Не сразу обернувшись на голос беспечной секретарши Леночки, он подумал, что так даже лучше. Старик и рта не успеет раскрыть, чтобы выложить порцию обидных слов, — а тут Богдан хлоп ему на стол бумагу! Это будет хорошая пощечина. Пусть не считает себя всесильным... Богдан быстро подписался, черкнул дату и, взяв листок, вышел вслед за Леной. На секунду ему стало жаль расставаться со своим отделом, с привычной за два года работы большой темноватой комнатой; с товарищами в застиранных синих халатах — каждый колдует за своим столом; да и стола родного стало жаль, такого обжитого, где он и писал, и рисовал, и препарировал... Поборов себя, Богдан твердо закрыл дверь.

Войдя в кабинет директора, он увидел там своего заведомом, Павловского. Рыхловатый, рано облысевший, Роман Викторович скромно сидел в углу, и виду у него был такой, точно Павловского внезапно разбудили и он еще не успел прийти в себя. Более того — растерянность читалась в поведении Якова Матвеевича. Директор явно не знал, как начать разговор.

Походив взад-вперед с папиросой и зачем-то поправив стеклянную поилку кенаря, Яков Матвеевич наконец выдал из себя:

— Такие дела, брат... Получается, что мы с тобой опять должны вернуться к старой теме, к твоим домовикам!

— А я не хочу к ней больше возвращаться! — удивившись собственной смелости, громко сказал Богдан. Против ожидания, Яков Матвеевич лишь дернул седой бровью и примирительно ответил:

— Ладно, ладно! Знаешь, кто старое помянет... — Он взял со стола бумагу, протянул ее мятежному лаборанту. — Вот... Как снег на голову — заинтересовались твоими зверушками серьезные люди. То есть не именно твоими и не благодаря тебе, но чем-то очень похожим. Почитай-ка...

Это было письмо, отпечатанное на машинке; обычный лист, не казенный бланк, но подпись внушала легкий трепет: «П. К. Приходько, помощник прокурора республики». Высокопоставленный юрист писал, что к нему на прием явилась школьница, специально приехавшая из областного центра, откуда был родом сам Приходько. Девочка, оказывается, знает понаслышке о некоем детском приключении прокурора, а именно о том, как лет тридцать пять тому назад в старом нежилом доме Приходько столкнулся с весьма странными и скорее всего неизвестными науке ночными животными. Школьница и ее друзья, как бы приняв эстафету от сверстников юриста, «опекают» этот дом, так и оставшийся незаселенным. По ее сообщению, неведомые существа продолжают тем или иным образом обнаруживать свое присутствие. Поскольку особняк в самом близком будущем подлежит сносу, Приходько просит сотрудников краеведческого музея произвести тщательное исследование. Адрес: улица академика Грабовского, 34.

В груди Богдана точно лопнула глухая перегородка, мешавшая сердцу биться свободно. Слезы навернулись на глаза. И даже директор вдруг показался не столь уж неприятным: ну, погорячился человек, с кем не бывает... Лаборант незаметно скомкал за спиной свое заявление.

...То был вторник; а в пятницу они с Романом Викторовичем, руководившим «экспедицией», выехали на улицу Грабовского. Всей исследовательской техники был у них потрепанный УАЗ—469 — музей никакой поисковой аппаратурой не располагал. Правда, Богдан заикнулся, что надо бы-де попросить у военных прибор инфракрасного видения; но Роман Викторович объяснил, что на согласование и получение допуска к такому прибору уйдет не один месяц, а до сноса особняка осталось не больше недели...

Лаборант заранее разыскал по телефону Иру Гре-

бенникову (разумеется, это она ездила в столицу к Приходько). Когда «уазик» вкатился во двор тридцать четвертого номера, там уже ожидала небольшая группа ребят, среди которых Богдан как-то сразу выделил щуплую девчушку в линялых джинсах и голубой ветровке. Поразили ее глаза — непрозрачные, пугающе темные, особенно по контрасту с бескровным некрасивым личиком. Были в них недетская тоска и страстное ожидание... чего? Разгадки чуда?.. Остальные выглядели вполне буднично: щекастая румяная вертушка, которую товарищи именовали Натахой; робкий Виталий, из числа тех стремительно растущих, хрупких ребят, которым всегда коротки рукава и брюки; подозрительно глядящий исподлобья, надутый, капризного вида бутуз, по имени Олег.

Богдан, конечно, ожидал, что их посвятит в тайны дома черноглазая Ира, но на деле случилось иначе. Его и Павловского буквально потащила за собой шустрая Натаха. От нее не отставал верный паж Виталик; Олег плелся по пятам, делая вид, что все ему трин-трава, но на самом деле сгорая от любопытства; и лишь зачинщица держалась поодаль. На все, что делали зоологи, она поглядывала даже с некоторой неприязнью... И уж наверняка с великим недоверием.

Однако больше всего поразило Богдана поведение Романа Викторовича. Шеф бродил по особняку ленивыми медлительными шагами, качая головой, слушая непрерывную трескотню Натахи... и ничего не делал. Даже под ноги смотрел главным образом для того, чтобы не споткнуться и не выпачкаться. В то время, как Богдан излазил все паутинные углы, заглянул и посветил фонариком во все дыры, измазался по уши, дважды чуть не покалечился, разыскивая любые, хотя бы минимальные «вещественные доказательства» — клочки шерсти, остатки пищи, экскременты, — Павловский с явной брезгливостью обходил грязные места, груды штукатурки и не скрывал, что торопится окон-

чить осмотр. Скоро он даже начал подгонять лаборанта: мол, есть неотложные дела в музее...

Наконец, Натаха подвела их к самому «таинственному» месту в доме — тому, где, по мнению «искателей контакта», начинался путь к обиталищу ночных ловкачей. В стене под лестницей зияли два отверстия размером с книгу — выводы неведомых труб или стоков; кто теперь разберет, для чего они были сделаны? Оттуда глядела темнота, полная и неоспоримая, хоть режь ее ножом, пахло чем-то сладковатым, дурманящим.

Роман Викторович остановился перед одним из проемов, не выпуская изо рта сигареты, и сказал, что не видит реальной возможности исследовать их глубину. Виталик, начитавшийся фантастики, возбужденно забормотал что-то насчет тележки с маленькой видеокамерой. «Ну, брат, таких штук у нас нет и быть не может!» — подражая директору, развел руками Павловский. Молчавший до сих пор Олег, мрачно сопя, предложил закачать в «норы» воду через шланг или бросить по дымовой шашке. Мгновенно перейдя от созерцания к ярости, Ира зашипела на опешившего бутуза: «Сначала я тебя туда самого засуну!» Ее глаза на меловом лице расширились так жутко, что Богдана пробрал озноб, будто от встречи с теми...

Павловский поспешно согласился с Ирой: конечно же, такие варварские методы не подходят, да и вряд ли что-нибудь дадут! Он цеплялся за любой предлог, чтобы поскорее свернуть поиски. Тем более что все усердие Богдана оказалось тщетным. Единственными животными, чье присутствие в заброшенном доме не вызывало сомнений, были бродячие кошки...

По дороге в музей Роман Викторович клевал носом и только один раз очнулся от сонной одури, чтобы воскликнуть: «Ну, цирк! Ну, кино!..» Богдан стиснул зубы, удерживаясь от грубого ответа. Он мучил себя, лихорадочно перебирая варианты: что делать, какие еще

исследования можно провести в старом доме при их полной приборной нищете и бессилии? Тем более что от вечно дремлющего, ко всему безразличного Павловского никакой помощи ожидать не приходится. Всей энергии шефа хватит лишь на то, чтобы сегодня же накатать письмо об отрицательном результате осмотра; Яков Матвеевич, злорадно посмеиваясь и отпуская шуточки насчет того, что не у одних лаборантов бывают мозги набекрень, это письмо подмахнет и отправит в столицу; бедняга прокурор вздохнет и распрощается с детскими фантазиями; а дом снесут. Что же все-таки еще можно предпринять... в одиночку?

Или не в одиночку?

Вечером следующего дня Богдан позвонил Ире Гребенниковой.

...Они гуляли по проспекту Дружбы, ели мороженое из вафельных стаканчиков и приглушенно беседовали. Если бы прохожие могли услышать этот разговор, они наверняка усомнились бы в душевном здоровье нескладного, сутулого, рукастого молодца, еще сохранявшего мальчишескую развинченность движений, и его бледной большеротой спутницы.

— Так ты, значит, предполагала заранее, что у нас ничего не выйдет?

— Не предполагала, а знала.

— Зачем же ездила к прокурору?

— Я еще раньше к Заборскому ходила, главному архитектору города... — Ира задумалась; прошла несколько шагов молча, стараясь ступить в ногу с Богданом, потом пожала плечами: — Ну, надеялась на что-то. Что, скажем, мне поверят и дом не станут сносить.

— Просто так поверят, на слово? Без доказательств? А с виду вроде умная девочка!..

— Значит, только с виду, — покорно вздохнула Ира.

— Но откуда же ты все-таки взяла, что мы... никого не найдем? А если б Роман не сачковал и у нас было бы оборудование?

— Они могут только сами выйти, — сразу став серьезной, объяснила Ира. — Когда захотят. Их нельзя найти никаким оборудованием, или поймать в ловушку, или выманить. Только сами!

— Постой-постой! — Богдан возмущенно нахмурил брови, похожие на ласточку, нарисованную тушью. Он только что растолковал Ире свою гипотезу о лемурах — нахлебниках цивилизации, и не сомневался, что девочка убеждена полностью. Теперь авторское самолюбие было задето. — Что это еще за мистика? Ты что, до сих пор веришь в инопланетян?

— Нет, я уже давно поняла, что там все... ну, не так, как в книгах! — Гребенникова доела размокший стаканчик, аккуратно вытерла пальцы платочком. — Нет, они не пришельцы... и... ты меня, извини, конечно... но, наверное, и не лемуры... не просто животные. У Виталика... ну, ты его помнишь, с Натахой... у него есть одна идея. Сказать?

— Скажи, — без особой охоты буркнул Богдан.

— Он, понимаешь, у нас Эйнштейн...

— Кто-кто?!

— Ну, вундеркинд. В физическом кружке и все такое. С академиком переписывается, так тот его на «вы» и по отчеству: «Виталий Павлович, ваш вывод относительно стабилизации квантовых систем представляется интересным...» — Не выдержав «академического» тона, хихикнула. — Во память, а? А говорят — девичья... В общем, Виталька считает, что они — это неизвестные науке существа, у которых атомы и электроны — ну, частицы, из которых они состоят... свободно движутся между нашими частицами. Они могут хоть сквозь стенку пройти, хоть сквозь гору. Потому что, значит, нам только кажется, что вещество плотное, камень там, или дерево, или мы сами... а на самом деле это рой частиц, и другой рой может спокойно через него просочиться. Виталик тебе лучше объяснит, если захочешь.

— Ага! — воскликнул лаборант, все еще обиженный за лемунов. — Просочиться! А кто колбасу и пирожные жрет, кто на дудочке играет?! Для этого же надо плотными быть, из обычной материи! Эйнштейны...

Она покорно кивнула:

— Да, мы об этом тоже говорили. Виталик сам еще толком не разобрался, но думает, что они... дальше нас ушли, что ли; вот мы можем быть только такими, как мы есть, а те превращаются, делаются то такими, как мы, то... понимаешь?

— Это слишком сложно, чтобы быть истинным! — козырнул Богдан где-то подхваченной фразой. Затем, видя, что Ира подавлена его хлестким ответом, он решил усугубить торжество, издали метнув остатки мороженого в урну; но мороженое лягнулось на откидной верх детской коляски. Пришлось опять пускаться в ход платок и просить прощения у молодой разгневанной мамы. После этого девочка покровительственно взяла нового друга под руку и повела, не давая более встревать в неприятности...

Ира с Богданом так никогда и не узнали, что в то самое время, когда они, позабыв обо всем на свете, брели по жаркому людному проспекту и все вокруг было нереальным, точно цветные тени на киноэкране — прохожие, троллейбусы, клумбы с пыльными привядшими гладиолусами, толкотня у весов, где продавала яблоки толстая крикливая продавщица, — в это время по заброшенному особняку, отчаянно трусая, пробирался маменькин сынок Олег. На поводке за собой он волок молоденькую таксу. Бутуз слышал, что такие собаки умеют вытаскивать из нор всяких лисиц и барсуков, и взял «напрокат» у одноклассника длинную, совершенно лишенную лап, но невероятно умную Джульку. Он помог чуткой, нервной, все время тянувшей ноздрями воздух и вздрагивавшей собаке протиснуться в одно из загадочных стенных отверстий... и едва

успел отскочить, потому что такса снарядам вылетела обратно. «Джюлька-а!..» Куда там! Неизвестно чем ошарашенная гусеница цвета горчицы проложила себе путь среди мусора, мелькнула в траве двора... и, судя по скорости, лап у нее оказалось даже слишком много.

VII

— Ей-богу, не знаем, что и делать, Вадим Алексеевич! Милицию звать как-то неудобно...

Прораб умоляюще смотрел снизу вверх на Заборского, сняв шляпу и промакая платком обильно вспотевшую лысину.

Двигатели обоих бульдозеров были выключены, чтобы даром не переводить топливо; бульдозеристы курили, сидя на порыжелом газоне, и перебрасывались ленивыми репликами.

Желтый особняк со своими пузатыми облупившимися колоннами, с лепным карнизом, нависающим, будто козырек фуражки, над подбородком крыльца, насупился, точь-в-точь старик, которого и чудесное сентябрьское солнце не может прогреть до костей. Слева, у боковой стены, собрался десяток взрослых, а вокруг них суетилась и галдела целая толпа ребят. Все смотрели или показывали пальцами на окна второго этажа. Смеха не было слышно — происходившее носило тревожный, аварийный характер.

Вдруг одна из женщин пронзительно закричала, приложив ладони рупором ко рту:

— Наташа! Наташечка-а!..

Стоявший рядом мужчина обнял женщину за плечи, она уткнулась головой ему в грудь. Из окон не доносилось ни звука.

— Были бы мои — честное слово, выволок бы и так надавал по одному месту! — кипятился прораб.

— Ну, попробуйте! Вы что, летать умеете? — раздраженно ответил Заборский. Несмотря на то, что эти

чертенята мешали работе и родители волновались все сильнее, главному архитектору вовсе не хотелось начинать решительные действия. Можно было бы, конечно, вызвать машину с телескопической вышкой... Но — снова и снова вставали перед Вадимом Алексеевичем черные, недетски тоскливые глаза на худеньком стеариновом личике. Значит, и ее будут ловить по углам, может быть — применять силу, выкручивать руки...

Да, бедной Ире могло прийти туго. Женщина, звавшая Наташечку, надсадно рыдала в плечо своего спутника. Плотный мужчина с бородой-норвежкой, кажется, отец Виталика Кравчука, отделился от прочих и крабом забегал из стороны в сторону, явно ища, где бы влезть на стену... Сейчас они наколют дров.

Не дослушав очередной гневной реплики прораба, Вадим Алексеевич заложил руки за спину и пошел прямо к дверям особняка. Народ вокруг дома замер, даже дети приумолкли. В осанке Заборского, в том, как он шагал через двор, чувствовались воля и власть. Прораб последовал было за шефом, но тот нетерпеливо отмахнулся.

Он остановился в сумраке прихожей, у деревянной лестницы. Внизу ступени держались на своих местах, но выше зиял провал: несколько досок было нарочно выломано, чтобы никто не смог подняться наверх.

— Ира! — сказал главный архитектор — сначала тихо, затем в полный голос: — Ира Гребенникова! Подойдите сюда, пожалуйста, — это я, Заборский!

Прошли минута и другая, в течение которых Вадим Алексеевич с удивлением ощущал, как сильно бьется его сердце. Наконец над изуродованной лестницей появилась знакомая угловато-изящная фигурка в джинсах с белыми пятнами на коленях, в розовой майке, присела... Заборскому снова стало отчаянно жаль, что его разгильдяйка-дочь, ныне мотающаяся вместе со своими косматыми и бородатыми друзьями где-то по Средней Азии, ничем не похожа на эту девочку. Ах, ка-

кая же Ира живая, целеустремленная, настоящая, непохожая на тех, напичканных индийской мистикой, старательно уходящих от жизни (надо же, получают дипломы и работают ночными сторожами — не дай бог, моя Настя выкинет такое...)!

Слабо, как-то обреченно прозвучал сверху ее голосок:

— Слушаю вас, Вадим Алексеевич!

— Ирочка, — начал он, едва справляясь с волнением (господи, что это с ним — так робеть перед ребенком!) — честное слово, я не буду говорить о том, что вам уже сегодня вдалбливали много раз: как волнуются ваши родители (хотя они, конечно, просто с ума сходят, и надо бы их пожалеть!) или что комсомольцы так не поступают. Вы девочка умная, я обращаюсь к вашей логике. Ученые обследовали дом и ничего там не нашли — вернее, никаких следов! (Заборский вдруг запнулся, вспомнив, как кто-то мягко шлепнулся в печь из дымохода и затряс изнутри дверцу.)

— Они не хотели искать по-настоящему. Вернее, один из них, главный! — сказал голосок. — Но это все равно, потому что найти очень трудно... или совсем невозможно!

— Вот видите — невозможно! — подчеркнул Заборский, обретая надежду уговорить. — А нам что делать прикажете? У нас на руках акт экспертизы. Нет юридических оснований отменять снос дома, понимаете — нет! Чего вы намерены добиться, отсиживаясь там? В конце концов не я (я этого не сделаю), так кто-нибудь другой вызовет милицию... или пожарную команду... будет скандал, Ира, а я совсем не хочу, чтобы вас тащили, как преступницу! Ей-богу! Спускайтесь оттуда, это будет самое правильное...

— Нет, — после некоторого колебания ответила Ира, повернувшись и исчезла.

— Подумайте! Вернитесь! Это просто глупо! — теряя самообладание, крикнул Заборский. Ответа не

было. Душные, жаркие сумерки стояли в доме; где-то потрескивало, сыпалась труха.

Вадим Алексеевич вернулся во двор, к своей «Волге». Ему было неловко встречаться глазами с водителем, с прорабом, с кейфовавшими на газоне бульдозеристами. Захотелось немедленно уехать, держать связь по телефону. Нет, нельзя: может быть, придется еще вмешиваться, защищать Иру...

Прораб, общавшийся с местным населением, почти-тельным шепотом сообщил, что приехала директриса школы, где учатся «чертовы дети». Сама директриса, полная величественная дама с высоко взбитыми соломенными волосами, одетая в теплый не по погоде драповый костюм, уже беседовала с родителями, утешала плачущую женщину. Затем она прошествовала к дверям и скрылась. Скоро из дома донеслись раскаты внушительно грудного голоса; слов было не разобрать. Потом наступила долгая пауза. (Вадим Алексеевич внутренне злорадствовал.)

Во дворе приумолкли, насторожились. Наконец дама выплыла, ведя за руку чумазого плачущего бутуза. Не выдержал маменькин сынок Олег. К нему тут же бросилась целая куча народу, в том числе не менее двух бабушек; отшлепали, зацеловали и мгновенно утащили с собой. Стало быть, теперь в доме трое. Из-за них стоят бульдозеры; откладывается снос последнего здания, уцелевшего на полностью разоренной улице Грабовского...

Выведа Олега, директриса словно что-то сдвинула в забуксовавшем механизме событий. Вконец остервеневший Кравчук-старший, отец «Эйнштейна», успел сбегать куда-то в частный сектор и теперь возвращался, неся, точно муравей не по росту длинную соломинку, грубую садовую лестницу. Приставив ее к стене, Кравчук вскарабкался с тяжеловесной ловкостью гориллы и прыгнул в окно. Грохот был изрядный. Кто-то из взрослых засмеялся, дети забили в ладоши — наступило

быстрое и безусловное облегчение. На втором этаже трещало, топало, яростно завопил Кравчук, точно его укусили, потом раздался девичий визг. (Заборского так и дернуло к приставной лестнице; едва сдержался.) Минут через десять на подоконник вылез и стал спускаться долгоногий неуклюжий Виталик. Очевидно, его страх перед отцом был посильнее, чем привязанность к Натахе.

Истощенные крики разлетелись из окна по всему двору. О нет, Ира так вопить не могла — не позволила бы себе даже под пыткой, это Вадим Алексеевич понимал... Виталик, маячивший в сторонке, даже не поднял повинную голову; маловато было в нем мужского... Раскрасневшийся, перемазанный пылью Кравчук явился на подоконник, неся перед собой отчаянно отбивающуюся Натаху. Из-за ее беспорядочных рывков оба чуть не свалились вниз. Мать заметалась, кудахча уже совершенно по-куриному; мужчины бросились на помощь, дети с победными воплями облепили лестницу — в общем, Кравчука с его «добычей» буквально снесли на руках...

Более часа по всему особняку искали Иру Гребенникову. Даже директриса не вытерпела и отбыла в своей служебной машине, посулив «этой негодяйке» все мыслимые школьные кары. Кравчук, снова взобравшись наверх, втащил туда же отца Иры, малорослого bruneta, похожего на итальянца; за ним влезло пять-шесть мальчишек. Вся эта компания шастала по комнатам, по отгороженным фанерой закуткам, гроыхала разболтанными дверьми, даже шарила в печи, с которой рабочие заблаговременно содрали бело-синие столетние изразцы... Поиски были тщетны. («Ну, молодец девчонка — хотя и пороть ее надо — переняла кое-что у своих инопланетян, или кто они там — вон как прячется — господи, а кто же там обитает, в самом деле? — я ведь сам слышал — не ветер же это все?...»)

— Что делать-то будем, а? — уже не впервые спро-

сил истомившийся прораб. Бульдозеристов давным-давно не было на газоне — то ли обедать пошли, то ли завалились подремать где-нибудь в перепутанном красными виноградными гирляндами «сорном» лесу.

— То есть как что делать? — строго-удивленным тоном переспросил Заборский. — Сворачиваться! И без того целый день потеряли!

— А... э-э...

— Завтра, завтра, завтра! — с нажимом сказал Вадим Алексеевич, садясь в серую «Волгу».

Прораб, обрадовавшись хоть какой-то определенности, побежал искать своих людей.

Отъезжая, Заборский бросил последний взгляд на злополучный желтый дом. Он почему-то не беспокоился за Иру — знал, что с девочкой ничего не случится. Больше того: Вадиму Алексеевичу казалось, что Ира была бы им довольна. Он правильно сделал, что отменил запланированное на сегодня разрушение особняка. Почему это правильно — Заборский и сам не знал; но душа ликовала, как будто главный архитектор совершил важное и доброе дело...

Была глухая ночь, когда Ира Гребенникова наконец покинула свое убежище. Все-таки она лучше других знала старый дом и сумела найти закуток, мимо которого прошли и добровольные сыщики во главе с Кравчуком, и вызванная под вечер милиция...

Сначала она лишь осторожно, опасаясь засады, выглянула. Но не было кругом ни огня, ни шороха; полная тьма и тишина, словно сомкнулся над головой стоячий пруд. Запасливая Ира, всегда имевшая в кармане джинсов спички, на ощупь отодрала клочок обоев и зажгла его; при свете быстро догоревшего «факела» убежала в актовый зал. Ее мучила жажда; она разыскала возле печи недопитую бутылку теплого, выдохшегося лимонада... Затем вступил в свои права голод, но куски хлеба, оставленные здесь несколько дней назад, были давно съедены теми и... «И на здоровье», — подумала

Ира, боясь даже в мыслях обидеть хозяев дома, которые сейчас, ночью, конечно же, были всесильны.

Бумага обожгла пальцы; Ира поспешно бросила ее и затоптала. В большой комнате было достаточно светло от луны, половиной сырного круга висевшей за разбитым окном. Она подошла поближе — туда, где в зазубренной осколками стекол раме лежало пепельное освещенное поле развалин. На месте улицы Грабовского вправо и влево, открывая глазам скат в глубокую долину и близкие огни проспекта Дружбы, простирался теперь сплошной пустырь, заваленный горами кирпича. Кое-где остатки стен еще сохраняли план здания; стоял, точно косой парус, наполовину обрушенный торец, и тянулась от него четкая лунная тень по обломкам и рывинам, пересекая гусеничные колеи.

И вот услышала Ира, как проскрипела, отворяясь, печная дверца, звякнули пустые бутылки... Она обернулась — мгновенно похолодевшая, с перехваченным дыханием. И успела увидеть, как по белому, точно снежная поляна, ковром слежавшихся газет метнулся к противоположному окну некто серый, почти неуловимый взглядом из-за молниеносных движений. На секунду... какое там — на долю секунды присел среди широкого подоконника — пушистая спина дугой, ушки-рожки на круглой кошачьей голове — и бесшумно канул вниз.

Ира бросилась через комнату вслед за ним.

Серо-серебристое небо было заслонено неподвижными массаами листьев, у корней лежала на истоптанной земле причудливая теневая сеть. Еле различимые, внизу длинными, как бы в замедленной кинопроекции, нечеловечьими и незвериными прыжками промчались двое — а может быть, то лишь почудилось? Но нет: еще один вымахнул из окна, расположенного прямо под тем, в которое смотрела Ира. Словно птица скользнула, сложив крылья...

Он уже сидел под деревом. Неправдоподобно, за спину оборотилась мохнатая голова; прямо в глаза Ире

внимательно и осмысленно глянули красно-зеленые глазища... Исчез. По-прежнему печально было кругом, прозрачно-светло и безлюдно.

И только в доме что-то изменилось. Утихли последние скрипы, шелесты, уютные стариковские потрескивания. И, всеми нервами ощутив, что особняк только что умер, Ира бессильно опустила на пол, на зашуршавшие ветхие газеты.

...Утром заиграли веселые гномы на компьютерном столике Заборского; главный архитектор города, сняв трубку, услышал будто за тридевять земель слабый высокий голосок:

— Вадим Алексеевич! Он и ушли, совсем ушли... Можете сносить!

VIII

По новой дороге мимо рыбных и хлорелловых прудов, сквозь бетонное ущелье в холме, по крутой эстакаде автомашины быстро поднялись к центру села. Отсюда, с площади перед культурным комплексом, похожим на друзу дымчатого хрусталя, распахивался чудесный вид. За пластиковыми крышами, за белой пеной майских садов вставляли подковой приречные горы в темной зелени сосен. У их подножия ползали по исчерченной каналами, нежно-салатовой равнине разноцветные яркие жуки, стрекотали деловито и забавно. То селяне на своих микротракторах обрабатывали семейные участки.

Здесь приезжие свернули на проселок и, осторожно съезжая по косогору вдоль клубничных гряд, где уже краснели огоньки первых ягод, скоро достигли ворот искомой усадьбы. Точнее, прохода между двумя колышками из числа многих, патриархально соединенных проволокой. За этой условной оградой цвел небольшой фруктовый сад. Обнимая его с трех сторон, толпились громадные тяжелокрылые сосны старого бора.

Дом, притаившийся на опушке, нисколько не был похож на обновленные жилища села, с их пластиковыми крышами — накопителями солнечной энергии. Сто раз беленный, с давно потерявшими форму углами, он подслеповато шурился маленькими окошками из-под низко надвинутой соломенной шапки.

Перламутрово-розовый автомобиль — машина, сжигающая в двигателе водород, — с музыкальным гудением поднял обе дверцы. Первым на траву выпрыгнул Василек. Он уже бывал у прабабушки и потому уверенно пустился бежать по дорожке к дому, мимо корявых яблонь в крупном белом цвету. Старшая сестра Василька, Алена, вышла степенно и важно: во-первых, потому, что была она как-никак дипломированным кибернетиком-экологом и, по сути, возглавляла нынешнюю «экспедицию»; во-вторых, из-за того, что явно не по-походному надела белоснежный, очень маркий костюм (в моду вернулись классические «тройки»).

Наконец и сам отец семейства оставил руль, вылез, присел разок-другой, чтобы размять затекшие ноги. В свои пятьдесят пять выглядел он на редкость молодо, даже волосы не поредели. Ну а что был доктор биологии здорово сутул, так он и в юности этим отличался.

Тем временем оголил свое нутро болотно-зеленый обтекаемый автобус, прибывший вслед за автомобилем. Автобус выглядел престранно: лишенный окон (кроме, разумеется, кабины), он напоминал торпеду. Дверец не было, оболочка по всей длине складывалась, точно жалюзи. Из салона, забитого электронной аппаратурой, водитель и двое молоденьких техников выносили приборы на треногах, выматывали кабель.

Прабабушку Василек нашел за домом — она окапывала смородину и крыжовник. Немножко застеснявшись своих испачканных землей рук и резинового передника, старуха поздоровалась издали и бросилась приводить себя в порядок.

Впрочем, когда гости переступили порог, хозяйка оказалась изрядным деспотом. Она не позволила и двух слов сказать о деле, покуда все прибывшие не пообедали досыта за почернелым от бесчисленных лет столом и не напились чаю с домашней выпечкой. «На себя» прабабушка готовила весьма скромно; но сегодня, предупрежденная по телефону, буквально сотворила чудеса. Даже Василек, нередко огорчавший своих родителей пренебрежительным отношением к еде, ничего не оставил в тарелке; а уж водитель автобуса и техники просто соревновались между собой, наяривая ложками и вилками, запивая обед четырьмя сортами домашних наливок и заедая необычайно пышным и мягким ржаным хлебом, выпеченным сегодня тут же, в похожей на белый дворец печи. Алена, хотя и удержалась от массового истребления супа, бигоса, рассыпчатой картошки со свиными шкварками — диета! — но, увидев свежую сдобу и пирожки с вареньем, махнула рукой: «пропадай, моя талия!» — и далеко обошла техников.

Все это время старуха, суетясь от печи к столу и обратно, повествовала о нехитрых радостях и горестях своей жизни, а также о местных новостях. Горожанка по рождению, к тому же — человек со странностями, она так и не стала полностью «своей» в селе — однако, будучи небезразличной к людям, всегда входила в заботы односельчан. Гости узнали, что в этом году ожидается хороший урожай сорго и бразильской быстрорастущей травы, зато хлорелла в прудах-репродукторах вяло набирает белок; как и везде по области, пшеницу здорово потеснила рожь — кажется, никому больше не надобно белой булки, постаралась телепропаганда; председатель животноводческого кооператива собирается привезти из центрального питомника партию антилоп канна, у них молоко раз в десять жирнее коровьего; старый Геннадий Троцюк приобрел радиоуправляемую сенокосилку и в первый же день угробил ее, направив прямо на улья пасеки; соседка, баба Стелла, выписала

журнал всесоюзного общества овощеводов, заказала по почте семена и посеяла на своих грядках двадцать три сорта капусты — пока что ни одного ростка... Но вместо того, чтобы винить себя в бестолковом обращении с семенами, Стелла вздумала коситься на соседку, бормотать какие-то дурацкие угрозы и трепаться по всему селу, что-де «чужачка», «колдунья» навела порчу на ее посевы... «Меня тут давно колдуньей окрестили, кто в шутку, а кто и так!» — виновато смеялась не по годам подвижная хозяйка.

Пообедав под этот успокоительный говорок, вся компания была вынуждена принять участие еще в одном ритуале: рассматривании пухлого, красной кожи с вытертым золотом семейного альбома. Первые фотографии изображали хозяйкиных родителей и ее — с бантиками, в школьной форме, еще до Великой войны... Через несколько страниц доктор биологии шумно вздохнул: на желто-коричневом, будто залитом йодом снимке красовался его дед, орел орлом, чернобровый, грудь навыва-те, в лейтенантской форме с боевыми медалями. Памятный в семье дед Василий, в честь которого назван вот этот сладко дремлющий правнук... Далее на страницах альбома пестрела сельская дедова родня; главное место принадлежало его матери, Горпине Федоровне.

Каждый раз, когда доктор биологии видел фото бабы Горпины, его поражало одно обстоятельство. Потрясающее внешнее сходство давно умершей старухи с его, доктора, женой, матерью Алены и Василька. То же угловато-изящное, хрупкое тело; та же матовая бледность впалого большеногого лица... но прежде всего — глаза. Непрозрачно-темные, как полированная яшма, никогда не улыбающиеся; глаза человека, который знает тайну, но не вправе ее рассказывать... И это при полном отсутствии кровного родства — просто чертовщина какая-то! Особенно похожа была Ира на покойную Горпину Федоровну лет тридцать назад, когда они только что поженились. Теперь, конечно, супруга выглядит вполне со-

лидно, даже барственно... положение обязывает — как-никак главный редактор республиканского экологического ежегодника! С годами Ирина становилась все увереннее, эффектнее, и угловатость ее как-то слиняла. Если и было теперь в пятидесятилетней, европейского облика даме что-либо кошачье, так только от холеной пантеры. А бедная баба Горпина (будущий доктор биологии родился уже после ее смерти) никогда в жизни себя не берегла, за внешностью не следила, на мировые конгрессы ее не приглашали — вот и осталась до конца дней щуплой и несолидной, точно девчонка...

Альбом продолжался фотографиями деда Василия в гражданском, красиво седеющего с висков; нынешней хозяйки дома, которую возраст щадил меньше, чем ее красавца мужа; их детей, в том числе Марии — матери доктора биологии, все свои силы положившей, «чтобы сын пошел в науку»; затем самого доктора в обличье дошкольном, пионерском, студенческом и т. д.; жены его Ирины, в девичестве Гребенниковой; наконец, снимками представителей пятого после Горпины Федоровны поколения, несмышленишей Аленки и Василька... Алена надулась и запротестовала, когда другие гости увидели ее голенькой и орущей во весь беззубый рот. Рядом была вставлена красочная открытка, расписанная мнимо-объемными золотыми буквами: «С Новым годом, с новым тысячелетием!» Ее послали накануне 2001-го года в село к родоначальнице, и Аленка нацарапала на открытке младенческие иероглифы...

Внезапно она перестала шутить и кокетничать. Еще судачили гости над альбомом; еще ныл проснувшийся Василек, желая выпросить открытку, — а чуткий слух Алены уже настроился на совсем другие звуки. За балками потолка, к которым были привешены пучки душистых трав, послышалась быстрая, осторожная побежка. Кто-то поскребся у дымохода и заспешил обратно... Алена опустила настороженный взгляд. На нее пристально, доброжелательно смотрела прабабушка Галя.

Уголки старческих губ сложились в некую намекающую полуулыбку: мол, мы с тобой кое-что знаем, а не скажем!

...Алена до сих пор не понимала старшую в семье. Овдовела довольно молодой, сорока лет... вполне могла бы еще найти мужа... и уж наверняка — остаться в городе! Так нет же: вырастив детей и дождавшись внуков, отправляется жить в село, в хату покойной свекрови Горпины Федоровны... для того и хату заранее переписала на себя после смерти деда Василия! И обитает там в одиночестве чуть ли не до ста лет... Правда, приняла в столице курс гормонального омоложения — да это папа настоял, просто силой вытащил. Зачем она так поступила? Почему? Набожность ли это, внезапно проснувшаяся у довоенной комсомолки и твердой атеистки; или какой-нибудь никому не понятный «обет посмертной верности», или просто... душевная болезнь?

Не понимала этого до нынешнего приезда энергичная, честолюбивая Алена. И вдруг сейчас, после странных шорохов на чердаке, после тайного лукавого обмена взглядами... не то чтобы постигла до конца, но смутно почувствовала причину полувекового отшельничества вдовы. Что-то роднило прабабушку Галю с незаметными, истовыми тружениками, «на которых земля держится»: лесниками, пасечниками, огородниками, агрономами-полеводами; геологами, всю жизнь ищущими в дебрях заветную руду; селекционерами, бесконечно терпеливо лепящими искомый злак или плод... То, к чему стремилась одинокая старая женщина (поначалу, быть может, и бессознательно), чего она достигла своим «сидением» в дряхлом доме у края сказочного бора, — не опишешь в научной статье, но оттого результат не менее важен. Некогда утерянное людьми, а теперь вновь великими трудами обретаемое чувство единства с природой. Осмысление тончайших связей всего со всем: времен года с ростом деревьев, тока ручьев с развитием муравейников, суточного пробега солнца с поведением цветов

или птиц... человека, его жилища, его духовной жизни — со всем живым! Пусть прабабушка Галя даже не сумеет рассказать связно, *зачем* она покинула мир людей, — разве от этого ниже ценность ее тихого, кроткого дела?..

А впрочем, собственно, почему не сумеет?

Может быть, она очень даже хорошо знает, с какой целью здесь... почему жутковатой и вовсе не современной славой пользуется в сверхобновленном селе — сама же вот смеялась за обедом?.. Языческая жрица, ведунья... Зря, что ли, папа добивался, чтобы сюда пригнали набитый самой лучшей аппаратурой автобус из экокцентра?

Алену зазнобило: она ощущала на себе незлой, но пронзительный взгляд старухи и не могла поднять голову.

— Ну что же, бабуся, — сказал доктор биологии, решительно захлопывая альбом и отодвигая очередную допитую чашку. — Солнышко низко, вечер уже близко, — будем начинать! — Он встал, одернул просторную куртку. — Эх, жаль, Иры нет, так и не успела приехать... Ну, пусть ей там икнется, в Монреале! Ладно. Ребята!..

Чепуха, чепуха, ничего не выйдет! Электроника, нейтрино... Самообман, трескучий и дорогостоящий. Баба Галя со времен диковинного ее приключения восемьдесят лет назад на сеновале этого дома силится добротой и терпением постигнуть природу тех, живущих за печкой... Но не сами ли мы порождаем их? Не есть ли эта непостижимая суета большеглазых призраков — некоей вторичной, отраженной, абиологической жизнью вокруг человека? Фантомы, созданные воображением многих народов и многих поколений, под действием совокупной нашей воли обрели плоть. Может быть, такого же происхождения и не найденные до сих пор «снежные люди», и африканские динозавры, и пресловутые НЛО? А мы разыскиваем овеществленные сказки по норам, будто

экзотическую породу крыс. Отменить, что ли, весь бал-маскарад?..

Но уже вскочили, разом стряхнув сытую дремоту, водитель и оба техника, готовые тащить в дом немислимую, сверхчуткую свою аппаратуру: рентгеновские пушки и инфракрасные искатели; приемник-усилитель биоизлучения, засекавший муху сквозь метровый слой железобетона; регистраторы химических изменений воздуха, способные обнаружить дыхание мыши; микрофоны с волшебной избирательностью, в которых громом отдастся стук крохотного сердца, заслоненного досками пола или перекрытием чердака...

...И плеснул с верхушки сосен багряно-золотой свет умирающего дня; и бабушка Галя спокойно, ласково сказала:

— Не кипятись, Богданчик, и ребят не тормози. Мы сейчас попробуем по-другому.

Она неторопливо подошла к печи, приземистая, сильно расплывшаяся, чем-то похожая на свой дом. Наклонилась к одному из бесчисленных печных отверстий — и не то поскребла около него, не то пошептала в горячую темноту...

В ответ чьи-то коготки весело зацарапали дымоход, и легкое, ловкое существо пробежало над головами оцепеневших людей. По полу еще порожнего сеновала — к лестнице, ведущей вниз. Ближе... ближе... ближе...

ЧАСТЬ I

ПОЙДЕШЬ — НЕ ВЕРНЕШЬСЯ

Был зов трубы, зловещий звон
металла,
Но знаменье последнего Суда
Нам ровно ничего не доказало —
По-прежнему отходят от вокзала
Согласно расписанию поезда.
Ларьки торгуют, быют часы
на башне,
Дождь моросит, а я домой бреду
В осенней мгле дорогою
всегдашней,
Не ведая, что Суд свершился
Страшный
И это все уже в аду...
Н. Стефанович

Часто из самого отчаяния
рождается надежда.
Квинт Курций

I

Гулкий мелодичный удар, подобный аккорду, взятому на басах органа, прокатился в бестеновом круглом зале, под молочно сиявшим куполом. Посреди равнины пола, в зеленом фосфорическом кругу, призрачным вихрем завертелись сполохи, образуя зыбкий конус.

Алия Месрин подалась вперед; смуглое скуластое лицо ее осталось невозмутимым, но руки резко сжались в кулаки.

Валентин Лобанов и Уве Бьернсон, стоявшие за спиной начальницы Станции среди инженеров и операторов, невольно шагнули друг к другу, соприкоснулись плечами. Зеленоватый конус сгустился, стал плотным, как луч прожектора, и в широком основании его про-

глянули объемы будто бы человеческого тела, простертого на полу.

Не было в зале приглашенных, не плавали над приемным кругом телекамеры мировой информсети: с некоторых пор возвращения проникателей стали окружать тайной. Иначе, может быть, гнев землян привел бы к закрытию Станции.

Вдруг исчез конус и стало видно в деталях то, что вернулось с «Земли-прим».

— Опять, ну что же это такое — опять!.. — просто-нала Алиа. Уве отвернулся, кусая губы, а инженер силовой защиты вдруг принялся дотошно оглядывать стены и потолок, словно кто-то чужой мог пробиться сквозь напряженное пространство в самый центр Станции.

Лежал перед ними обожженный, оплавленный, потерявший форму скафандр — пустая оболочка без драгоценного содержимого, угольно-черная, с рваной дырой на месте лицевого бронестекла. Все земное, все, что было сделано из вещества родной Вселенной и не подверглось полному разрушению, вернулось в точку прокола: рядом с костюмом темнели искореженные трубки дыхательной системы, еще какие-то детали... Самообладание изменило Алиа, и она, рывком обернувшись, припала лицом к груди Лобанова. Валентин, как зачарованный, смотрел на панцирную перчатку, вернее — отдельные ее сегменты, облекавшие сухую, твердую, как птичья лапа, кисть руки. Только она и осталась от проникателя, двадцать четыре часа тому назад стартовавшего отсюда в параллельное мироздание.

II

Давным-давно, несколько веков назад, физики предположили, что наша Вселенная не единственная. И наши пространство и время — не одни на свете. Может быть, в том же объеме, что и наше, существует второе

мироздание. Так сплетаются, не мешая друг другу, две радиоволны разной частоты. Мы не чувствуем той Вселенной; а если там есть живые существа, то они понятия не имеют о нашей.

Потом реальность мира «другой частоты» физики доказали на опыте. И, наконец, началось Проникновение. Сначала посылали роботов, затем добровольцев, одетых в сверхзащищенные скафандры, с могучим оружием в руках.

Случалось всякое. Порою межпространственный тоннель не возникал вовсе; тело неудачника истаявало, обращалось в «чистое пространство». Других, более удачливых, уносило по неодолимой мировой кривизне, и проникатели обретали себя плавающими в пустоте космоса среди далеких созвездий... В большинстве случаев их подбирали звездолеты; но страху бедняги успевали натерпеться.

При великом везении прокол удавался, и отважный человек опять-таки зависал среди звезд, только уже в параллельной Вселенной. Проникатель всюду озирался, вел видеозапись, пока ему не открывали обратный тоннель. Но это удавалось далеко не всегда: дверь могла захлопнуться наглухо...

Людей, запертых в чужом пространстве-времени по обычаю считали погибшими, и родные оплакивали их. Пусть даже проникатели нашли там молочные реки с мармеладными берегами.

А потом была обнаружена «Земля-прим».

Разумных существ внеземного происхождения, «братьев по разуму» искали уже три столетия. Триста лет подряд Звездный Флот прочесывал пустыню пустынь — космос. Сначала он переползал великие пропасти, чуть отставая от света, в окрестностях Солнца. Потом научился пробивать замкнутое пространство насквозь, по желанию выныривая там, где уже давно погасли светила, кажущиеся с Земли живыми, и вспыхну-

ли новые, еще невидимые людям. Все было напрасно. Жизнь оказалась редкостью. Крылья красных гигантов и белых карликов реяли в черноте над потрескавшимся камнем сотен и тысяч голых планет. Ни радиопереговоров, ни чужих кораблей. Одиночество.

Неслыханно повезло в XXIII веке Корину и Кэйну, случайно нашедшим расу химер, в известном смысле разумных существ, но чудовищно далеких от человека. Виола Мгеладзе встретила на одной из планет, позднее названной ее именем, диковинных «лесных царей». Их можно считать мыслящими. Приложив старание, им можно объяснить число «пи». А вот близость, душевный разговор с «лесными царями» невозможны, как невозможна беседа с тиграми. Нам нечего подарить им, нечего взять у них.

Надежда на обретение «братьев» воскресла благодаря «Земле-прим». То, что в параллельной Вселенной на месте Земли есть очень похожая планета, уже подтверждали приборы. Оставалось только убедиться в наличии там дубль-человечества...

И вот настала пора прицельного Проникновения, высадки добровольцев на планете, находившейся близко, как собственное тело, и вместе с тем дальше, чем край расширяющегося космоса. Казалось, все было рассчитано, все нештатные ситуации предусмотрены, но...

Вместо первого проникателя вернулся пустой скафандр, обгорелый и забрызганный кровью. Вместо второго — бесформенное месиво синтетики, мяса и металла. Вместо третьего...

Нет, добровольцы не перевелись. Они предлагали новые, все более изощренные программы исследований; модели «абсолютно неуязвимых» скафандров... Само руководство Станции Проникновения готово было свернуть все работы. Пожалуй, этому препятствовала лишь воля двоих — Валентина Лобанова и Уве Бьернсона.

Чтобы показать собравшимся мощь лазерных лучей, компьютер провел одним из них повыше цели, и на песок с глухим гулом, встряхнув побережье, сполз целый увенчанный рошей утес. Затем все три луча скрестились, родив слепяще-алую звезду. Она пылала посреди богатырской груди Уве, а тот лишь смеялся и махал рукой экспертам...

Никакого видимого скафандра на Бьернсоне не было, лишь тонкая скорлупа времяслая, незримый кокон, в теории — непроницаемый для любых энергий. Его не заменила бы и многометровая стальная броня... Теперь Уве мог спокойно прогуливаться среди термоядерных взрывов. Времяслои были известны давно, но лишь Бьернсону удалось запрятать его в горошину карманного абсолют-аккумулятора...

...Они обнялись возле приемного круга и, отстранившись, заглянули друг другу в самую глубину глаз. Другие провожающие отошли из деликатности.

— Скажи Сигрид, чтобы набрала к моему возвращению в лесу земляники, — сказал Уве. — Сейчас самое земляничное время. Завтра вечером, часам к шести, я приглашаю тебя на землянику со сливками.

— Прекрасная идея, — кивнул Валентин. Безошибочное чутье подсказывало ему, что он больше никогда не увидит своего ближайшего друга, но Лобанов не выпускал чувства на поверхность, чтобы Уве, сильный в биосвязи, не прочел их. — Кажется, с детства не ел такого...

Бьернсон снял руки с его плеч — и вдруг украдкой, быстро начертил в воздухе «горизонтальную восьмерку», знак бесконечности. То был их с Валентином заветный, принятый в детстве тайный пароль.

— Береги себя, старый! — не утерпел Лобанов. Голос его предательски дрогнул.

— Чтоб ты не сомневался...

И вот уже проникатель Уве Бьернсон, подарив всем, а прежде всех — любимому другу неподражаемую свою улыбку, чуть смущенную, ясную улыбку воина и ребенка, — проникатель Бьернсон шагает прямо в сгущающийся вихревой конус прокола, в круговерть холодного света, в ничто...

IV

Кабинет Алии Месрин по прихоти начальницы Станции представлял собою поляну в тропическом лесу, где среди лиан бились живые радуги попугаев и бродили венценосные журавли. Сама Алиа восседала в уютном изгибе гигантского корня, Лобанову же предложила массивный пенёк у ручья.

Год назад Алиа в очередной раз сменила свою внешность. Теперь она была невысокой брюнеткой южноазиатского типа — смуглая, губастая, с жестковатыми смолисто-черными волосами. Хотя Валентин знал Алию давно и отношения их когда-то были куда более нежными, чем теперь, — сейчас он не переступал границ деловой встречи.

— Дело не в прочности кокона, — говорила хозяйка кабинета. — Там что-то другое, невообразимое, вывернутое! Безумно искаженные законы природы. Может быть, кокон не защитил, а раздавил Бьернсона... Среди моих предков были казахи, в их легенде есть такая страна: Барса-Кельмес. Пойдешь — не вернешься...

Валентин печально кивнул.

Уве Бьернсон не вернулся, хотя, ожидая его, обратный тоннель открыли без малейшей заминки. Открыли — и держали в двадцать раз дольше положенного, высосав чуть ли не всю наличную энергию Кругов, остановив многие работы на Земле. Уве не вернулся, несмотря на то, что энергетический кокон, защищавший

его, считался практически неуязвимым. В приемном круге не возникли ни мертвое тело проникателя, ни самый малый предмет из его экипировки. Неужели сам не захотел возвращаться? Молочные реки, мармеладные берега...

О ком угодно можно было так подумать, только не об Уве Бьернсоне.

Лобанов знал его всю жизнь — медлительного, сентиментального добряка. Без всякого аутотренинга, от природы Уве был храбр, наивен и бесконечно надежен. В его присутствии Лобанов казался себе неискренним и хитрым. Валентин вспоминал, как еще в учебном городе, на экзамене по экологии, они вместе сажали цепкие, выносливые акации на песчаной планете Хаммада. В ладонях Уве Бьернсона саженец выглядел тоненькой зеленой свечой.

— Ты согласен со мной? — нетерпеливо спросила Алия.

— В общем, да.

— И, несмотря на это, ты настаиваешь, чтобы мы послали тебя на «Землю-прим»?

— Настаиваю.

— Только из желания найти Бьернсона?

Лобанов медлил с ответом. Этика биосвязи запрещала без разрешения вторгаться в чужой мозг, такое прощали разве что близким людям. Потому Алия не пыталась читать мысли собеседника, но Валентин чуял, как ей этого хочется...

— Нет, не только, конечно. Хотя это — главное... Должны же мы когда-нибудь освоить иномир, если он уж так возбуждает наше любопытство!

— И ты полагаешь, что именно тебе удастся изучить «Землю-прим»? Уцелеть там и вернуться? Откуда такая самоуверенность? Чем ты лучше Бьернсона?

— Я намного хуже его, но в одном выигрываю... — Валентин поболтал пальцами в ручье, пытаясь приманить сонного коричневого тритона. — Мы с ним росли

в одном учебном городе, в одной возрастной группе, ты знаешь. У нас были уроки истории, сеансы восстановления реальности: ну, там, гибель Атлантиды, походы Цезаря, чума в Авиньоне и так далее... Так я эти уроки обожал. А Уве, если мог, прогуливал, если не мог — закрывал глаза, отворачивался от крови, от жестокости...

— Ну и что?

— Ничего... Бьернсону хватало нашей мирной счастливой современности. А я — архаический тип. Я, понимаешь ли, готов к любым неожиданностям. К засадам, погоням, всякому коварству и подлости. На Станцию Уве пришел из физической лаборатории, а я — из разведки Звездного Флота...

— Все, к чему ты готов, — человеческое, из нашей Вселенной! А там... Неужели ты надеешься на свои душевные качества там, где не выдержал защитный кокон?!

— Надеюсь, — серьезно ответил Лобанов. — Иначе я бы не рисковал.

Внезапно Валентин ощутил, что Алия исподтишка пытается все же прощупать его сознание. Прямо-таки запускает тоненькое щупальце своего любопытства под череп собеседника... В другой раз Валентин выставил бы мысленный заслон, прикрылся какой-нибудь смешной картинкой: скажем, вообразил бы девочку, тайком сующую ложку в банку с вареньем... Но сейчас это было некстати. Лобанов представил мысленно открывающиеся двери и дорогу за ними, по которой в беззвездную клубящуюся жуть уходил, сутулясь, друг Уве.

Алия чуть вздрогнула, выпрямилась — и вдруг, печально улыбнувшись, опустила длинные ресницы.

— Спасибо, — слегка поклонился Валентин. — Значит, я могу готовиться?..

— Сумасшедший, — низким, грудным голосом ска-

зала Алия и, приблизившись к нему, положила руку на плечо. — Мне не жить спокойно, если ты не вернешься...

— Надо стирать в памяти прежние привязанности, — усмехнулся Лобанов.

— Не желаю! — Она нервно взъерошила свои блестящие стриженные кудри. — Я влюбляюсь, остываю, снова влюбляюсь, а где-то в глубине — все равно ты...

Валентин поцеловал ее в щеку и пошел прочь. Джунгли звенели голосами птиц. Тропа повела его в глубь леса. Но скоро лес оборвался, и Лобанов выбрался на желтый песок пляжа, под бледно-голубое небо с ослепительным микросолнцем. Станция Проникновения находилась вдалеке от обитаемых планет; на ней не жили постоянно, а лишь ставили опасные опыты, однако гигантский спутник был приспособлен для удобства и радости человека не хуже, чем знаменитые курорты. За широкой полосой песка вился белый жгут прибора, дальше дышала безмятежная морская синева. Отличные оптические эффекты...

В мужестве проникателей, подумалось Валентину, тоже есть нечто искусственное. Они храбрые, самоотверженные ребята, но... Что-то в их смелости самовнушенное. Отряд смертников во главе с прекрасной дамой... А почему, собственно, «они»? Разве он, Лобанов, не проникатель? Нет. Он прежде всего — пилот разведки Звездного Флота. Человек, нацеленный на непредсказуемое. В наиболее неправдоподобном мире все-таки больше шансов уцелеть и выполнить задание у того, кто всегда начеку, кто заранее чувствует опасность и способен мгновенно отразить ее...

Валентин усмехнулся собственным хвастливым мыслям и зашагал, хрустя крупным раскаленным песком, к шлюзу Станции, декорированному под романтический грот.

Лобанов стоял в центре приемного круга.

Не только зеленой фосфорической чертой и пустыней белого пола были отделены провожающие — Лобанов уже воспринимал их нереальными, точно объемные фигуры в видеопространстве... Отчужденно пылало красное платье Алии.

Она говорила, что в самый момент прокола человека охватывает громадная беспричинная радость. Будто вновь стал ребенком, которому впервые прикрепили к груди теплый диск антигравы. И ты, зажмурившись и крича во всю глотку, стремительно падаешь вверх, в небо...

Да, так оно и было. А потом настала темнота.

Валентин содрогнулся, почуяв ужас места, откуда нет возврата. Кожу пощипывало магнитное поле, чувствовалось тепло довольно высокой радиации. Ах, вот оно что! Он — в толще планетной коры. Только вот какая это планета? Из родной солнечной семьи — или все-таки «Земля-прим»? В любом случае надо пробиваться наверх...

Силовой кокон сохранил его от мгновенной и неминуемой гибели под миллиардотонным прессом пород: вот еще одно достоинство новой защиты... Что ж! Кокон и вынесет Лобанова на поверхность. Надо лишь отдать мысленный приказ — раскалить внешний слой...

Расплавленная порода хлынула со всех сторон. Проникатель видел себя как бы в огненном, струящемся яйце. Он охладил нижний конец кокона, и столб застывающей магмы стал толкать Валентина в подошвы.

Так продолжалось долго. В бешеный белый пар были обращены встречные подземные воды. Падучими звездами сверкнули, испаряясь, обломки породы. И опять — каменная толща, мерцание багрового яйца...

Лобанов ощутил пустоту над головой мгновением раньше, чем кокон ворвался туда. Но это был еще не

выход на поверхность планеты, а какая-то многоярусная, ячеистая полость.

Он убрал свою ревущую пламенем, разрушающую все на своем пути оболочку. Воздух, горячий, пропахший паленой резиной, был тем не менее годен для дыхания. Медленно остывала под ногами шапка пузырящейся породы.

Вторым своим, тепловым зрением Валентин различил изгиб гладких стен, цепь стеклянных плафонов по потолку.

Тихо, точно боясь кого-то потревожить, разведчик двинулся по коридору, вдоль одинаковых люков со штурвальными колесами замков. На каждой бронированной плите — маленькое круглое окошко с толстым стеклом и рельефный знак над ним. Очень знакомые знаки... Ба, да это арабские цифры и буквы латинского алфавита! Начертания давно устаревшие, ведомые лишь историкам, но земные, безусловно земные... Значит, Валентин все-таки на «Земле-прим». И здесь — «цивилизация-прим», полный двойник нашей, только со сдвигом лет на пятьсот в прошлое...

Тут Валентин поймал себя на том, что рассуждает невозмутимо, точно в восстановленной реальности. Недостаток воображения, что ли, мешает? Вроде не было раньше такого греха, даже наоборот... Тогда почему невозможно убедить себя, что этот резиновый ковер под ногами, утопленные в массивных рамах люки с аккуратными номерами, запыленные плафоны, — что все это находится дальше от дома, чем любые галактики? Что ты, именно ты оправдал все разочарования и потери, и безумную надежду многих поколений разведчиков, найдя иное человечество? Может быть, слишком мала цена за потрясающую находку — порыв свежего ветра да секунды темноты, — и теперь просто не верится, что все происходит наяву? В космосе-то открытия достаются куда труднее...

Нет. Все-таки дело в ином. Второе человечество на

параллельной Земле — это ожидаемый вариант. Литературный. Предсказанный. Бронированные люки, окошки, номера. Не то секретный завод, не то бомбоубежище, не то военная база. Обидно и скучно.

...Постой! Так ли уж пусто и безжизненно подземное здание? За одной из дверей — источник слабого, прерывистого биополя.

Он лбом прижался к теплomu «глазку» в двери. Стекло чуть подрагивало от работы машин внутри комнаты. С каким-то одушевленным посапыванием трудились маленькие насосы, стучал компрессор. Иногда сквозь общее бормотание пробивался четкий звон. Белым сгустком, излучающим тепло, разбухшей мумией покоился человек в густой жидкости, налитой до потолка. Паутина проводов и трубок, сойдясь со всех сторон, вросла в его плоть. Лобанов видел вялую, полуугасшую жизнь. Только голова, просверленная электродами, излучала лихорадочный ореол.

Впервые в жизни Валентин пожалел, что умеет видеть и чувствовать так много — стократ больше недавних предков, которые довольствовались природными органами и даже не пытались улучшить себя, свято веруя в некую мистическую чушь под названием «природный облик». Отвращение, доходящее до тошноты, боролось с жадным любопытством — и любопытство, конечно же, победило. Прижимаясь лбом к стеклу и ладонями к броне, Лобанов увидел, услышал и вдохнул то, что пестрым водоворотом кружилось под пробуравленным черепом спящего.

...Словно выброшенный катапультию, он влетел в мир тысячи сверкающих красок, в мир без оттенков: меловая белизна, ядовитая зелень водяной нитчатки, алый лак, химическая синь. Все здесь было залито меркурианским солнцем, оглушено громовыми звуками, музыкой какого-то вселенского парада. Прямо в ослепленной светом бесконечности маршировали фантастически яркие, раззолоченные оркестры, и капельмейстер встряхи-

вал грохочущим бунучуком. Но главное — здесь, в шаре сплошного полуденного неба, все было дозволено, все доступно. Предметы возникали, разрушались, перепрыгивали с места на место по малейшему желанию. Появлялись целые красочные, в цветах и пальмах, в гроздьях дворцов страны с раболепным населением, роскошно застроенные острова в бирюзовом прозрачном океане. И все тут же взрывалось, исходило пожаром, бурными клубами праха — стоило лишь поморщиться, нахмурить брови...

Что ж, теперь все ясно. Ну и «цивилизация-прим»! Нет, на матушке-Земле до такого не додумались... Мнимая вечность. Электронный Эдем. Компьютерный рай, нежащий и питающий обездвиженных трутней — электронаркоманов. Вон их сколько кругом, чмокающих насосов кровоподачи, похороненных в вязкой массе очагов жизни! Что ж теперь делать? Искать хозяев? А если их нет? Если подземный дом, населенный Королями Космоса, Богинями Красоты и Бессмертными Мудрецами, суть вполне самостоятельная машина? Замкнутый киберкомплекс?..

...Уве!

Ну нет. Он бы здесь не остался. Наркотические соблазны — не для него, за это Лобанов ручается головой. Да и поймал бы Валентин в любой сумятице биоизлучений знакомую волну Бьернсона. Хоть искаженную, хоть ослабленную, но узнал бы...

Ну-ка, кокон... Наверх!

VI

Валентин стоял посреди густой, хитро переплетенной зимней чащи. Нагие корявые деревья окунали подгрические пальцы в жесткую щетину кустов, многолетний слой опавшей листвы был толст, как перина; в нем тонули гнилые бревна, шапками стояли сухие стебли, увитые, как проволокой, диким виноградом.

В совершенной тишине с пасмурного неба пудрой сеялся снежок.

Лобанов двинулся лесом, выключив кокон, ибо не любил даром губить растительность.

Что это проглядывает между стволами, такое крупное, хмуро поблескивающее? Одноэтажный дом на опушке. Стены обложены плитами серого мрамора. Широкие ступени фасада, благородно-строгий портал с четырьмя колоннами, окна узорного стекла в кованых медных, изрядно позеленевших рамах — все наводит на мысль о культовом предназначении здания...

Двери в два человеческих роста были сплошь покрыты бронзовыми рельефами, также сильно потускневшими, частью расплюснутыми, словно по ним били молотом... Лобанов поднялся по ступеням, чтобы рассмотреть чеканку поближе. Славная работа! Кажется, библейские сцены: человечки в старинных одеждах, в тюрбанах, в рыцарских доспехах... смерть с косой, почему-то поверженная наземь... Нет — здесь и солдаты нового времени, и военная техника, и даже космонавты в скафандрах. И все толпой устремляются к некоей горе. На ней стоит пышный дворец, от него расходятся лучи, как от солнца...

Он потрогал искусно сделанную миниатюрную фигурку и вдруг услышал за дверями низкое мелодичное гудение. Точно замирающий звук большого колокола. Двери дрогнули и раздвинулись — не более чем на миллиметр. Нежный свет сиял за ними...

Он отнял руку, и все прекратилось.

Уняв сердцебиение, Валентин спустился с крыльца. Через несколько метров заросли как обрезаю. Лобанов присел на упавший ствол, покрытый синими губчатыми наростами.

Понятная картина. Падающий снег скользит по невидимой выпуклой стене. Хорошая защита у рая, получше архангела с мечом! Но выйти-то как отсюда? Энергия поля велика, нажимом кокона ее не одолеешь...

Ага! Боже, как все просто! Лобанов даже засмеялся, хотя веселье здесь представлялось кошунственным. Затем встал, коснулся нагрудного аппаратурного блока — и преспокойно зашагал вперед, сквозь энергетическую стену. Ноги его по колено ушли в снег.

VII

Лобанов понимал, что человек, выходящий на волю из электронного наркоцентра, никак не должен тащить на себе защитную силовую оболочку. Компьютеры могут выпустить (как и впустить) лишь существо с обычной, знакомой биоэнергетикой. Потому он и шагнул в пронзительную метель, защищенный обычным походным костюмом: просторная куртка с капюшоном и брюки, заправленные в сапоги. Его обдало жгучим дуновением, капюшон пришлось поднять. Не успел еще волевым усилием повысить температуру тела, как впереди забурлил и фонтаном взлетел снег.

Разведчика сбило с ног, грохот от неожиданности показался оглушительным. По счастью, снаряд был не осколочный, а химический, начиненный одурманивающей смесью газов.

Пришлось мгновенно и глубоко сосредоточиться, все подвластные воле гормоны и секреты бросить на бой со сладкой обморочной тяжестью... Очистив кровь и легкие, он поднялся уже в защитном коконе. Взрыв! Рыжую глину выбросило из новой воронки.

В маленьком трескучем вертолете, похожем на остекленный скелет рыбы, сидело трое. Три шлема цвета хаки, пятнистые камуфлированные костюмы. Кренясь, вертолет бортом вперед, словно с горки, скатился к Валентину. Изящным распускающимся цветком с борта полетела ловчая сеть. Охотники были уверены, что добыча стоит на ногах благодаря только оцепенению. Валентина прямо-таки захлестывала их уверенность, злорадное предвкушение: «Попался, голубчик!»

Сеть на миг стала огненной и исчезла. Осмыслив ситуацию, ловцы рванули вертолет в сторону и начали стрельбу: забила перед кабиной оранжевая вспышка, пули, отражаемые коконом Лобанова, градинами взрывали снег.

Снова взрыв, на сей раз уже не газовый. Осколки полыхнули метеорами, обращаясь в ничто.

— Вот же дураки упрямые, — вслух сказал Валентин и погрозил кулаком. Вертолет вдруг с панической поспешностью отступил к озеру. Долго еще слышалась его перепуганная трескотня.

...Может быть, тут и погиб Уве, подстреленный, едва пройдя сквозь силовую стену? Да он ли один? Исаев, Перекрест, Эйхенбаум... Семерых проникателей уже унесла «Земля-прим», семь изуродованных трупов или обгорелых скафандров вернула на Станцию... Как дознаться, что здесь происходит? У кого?

VIII

Ощущение близости людей — большого человеческого скопления — повело Валентина на север, по скрипучему, поминутно проваливавшемуся насту. За снежным полем начались развалины кирпичных домов, торчали обгорелые пни. Хороших дорог здесь не было. Лишь порядком отойдя от сплошных руин, за свалкой электрооборудования и пустых ржавых бочек он обнаружил гусеничные колеи. Широленные, глубоко вспахавшие грунт, они могли принадлежать только танкам. Очевидно, добравшись до условного рубежа, танки останавливались, расстреливали свой боезапас (следы были углублены орудийной отдачей) — и поворачивали назад. Валентин некоторое время брел по колее, но скоро стал склоняться к решению включить антиграв. Впечатлений от пешего похода было предостаточно. Вокруг силового купола, как подсказывал внутренний «локатор» Вален-

тина, крутилось немало наземных и воздушных боевых машин: нового поединка было не избежать.

Низкие тучи над уступами крыш, над мягко поднимавшимися к горизонту лесистыми холмами переливались цветом моря. Медная щетина рощ, растерявших листья, топорщилась вокруг фиолетовых массивов хвойных. Краски, рожденные местным солнцем, да и само зеленоватое светило, какое-то перекошенное, словно бы зернистое, редко видимое в разрывах туч, — все это мало отвечало образу двойника Земли. Неужели здесь сложился уклад, столь похожий на старинный земной?

Он задержал взгляд на крупных большоголовых птицах, сумрачно выклевывавших что-то из коробчатых рам бывшей теплицы. Серые с черным нахохленные сторожа сидели, озираясь, на снегу. Похожи на ворон. Ну, вылитые вороны! В сочетании с зеленым солнцем и чернильной хвоей их присутствие по меньшей мере удивляло.

Как огромные хлопья пепла, вороны вспорхнули от коробки, когда Валентин, поднятый диском антигравы, ринулся вдоль сохранившейся улицы.

Улица тоже представлялась знакомой. Мертвая косматая трава неухоженных газонов, купы раскидистых крон, путаница вымерзших розариев. В тылу садов и скверов, подальше от проезжей части — веранды, гордые фронтоны, двери с головами львов, держащих во рту кольца. Уцелевшее чугунное литье невысокой ограды, почтовый ящик на узорной калитке. Зияющий пустыми окнами, некогда роскошный автомобиль в сугробах. Кресло-качалка — быть может, когда ударил первый осенний ливень, хозяева так поспешно спрятались, что забыли его над бассейном... Когда это было? Двадцать лет назад? Пятьдесят?..

Так на исходе двадцатого века выглядели благополучные районы многих европейских и американских городов... Сплав городского комфорта с зеленым помещичьим привольем. Неторопливое общение домовла-

дельцев, запах яблочного пирога с веранд, мирный стрекот газонных косилок... Город на пенсии, вот как это подошло бы назвать...

Почувяв человека за углом ближайшей усадьбы, Валентин плавно приземлился и зашагал по снегу. К чему пугать местных демоническим полетом?..

Спиной прильнув к розеткам вычурной ограды, загнанно таращилась на Лобанова простоволосая узколицая женщина в короткой шубе из странного зеленого меха. Вязаный пестрый шарф касался ветхих сапог. Спутанные черные волосы падали ей на глаза, она привычно сдувала их в сторону. Рядом лежал брошенный вещмешок. В неподвижно горящем взгляде мелькнуло сначала что-то вроде мольбы, потом ужас женщины сменился дикой ненавистью обреченной: «Что же ты нешь, приканчивай!»

Да, страх в этой женщине жил великий. Однако, кроме испуга, Валентин видел и другое: женщина была великой скиталицей. Но цель, которая гнала ее куда-то, пока непонятна. Богомолка? Нищая?

Мотая головой из стороны в сторону, она нараспев пробормотала несколько слов.

Смотри-ка — в самом деле планета-двойник со сдвигом в прошлое! Знакомый язык, когда-то он считался одним из «мировых»... Валентин подучил его, чтобы лучше понимать разговор предков на сеансах восстановления. Лобанов заговорил неторопливо, отчетливо, с тем же радушием, каким была окрашена его улыбка.

— Я друг, я пришел сюда... из очень, очень далекой страны!

Она повторила бессмысленную брань, в старину считавшуюся обидной. Потом, выдохшись, начала шарить в кармане, пока не достала завернутый в бумажку окурок сигареты. Бережно и кропотливо прикурила от зажигалки; руки тряслись, худые щеки втягивались до зубов... Лобанову стало неловко за свой несокрушимо здоровый вид, сверкающие зубы и младенчески нежную

кожу... Он сказал еще мягче, стараясь при этом не впадать в заискивание:

— Мне надо как можно скорее повидать ваше... ваших руководителей. Это очень важно, понимаете? Важно для всех людей!

«Землянку-прим» объяснения Валентина почему-то позабавили, она хитро прищурилась и углом рта выпустила дым. Затем окурок описал витиеватую петлю.

— Из далекой страны, да? Может быть, из Вольной Деревни?

Вольная Деревня... Судя по ее мыслям, нечто вроде сказочного царства, утопии... — Лобанов утвердительно кивнул. Ответом был буйный, ничем не сдерживаемый хохот. Насмеявшись, странница рукавом вытерла слезу и посмотрела на Валентина снисходительно-насмешливо, как на обманщика.

— Ну и как там у вас? В Вольной Деревне? Играете на арфах, славите Господа?..

...Трудно видеть мысли собеседника, когда в его мозгу такая горячка и сумятица...

— Дело в том, что Вольная Деревня существует действительно, и я оттуда. Неизвестная вам страна, могущественная и добрая...

Вдруг что-то резко изменилось в разгоряченном мозгу аборигенки. Наивно приоткрыв рот, она так и рыскала глазами по лицу и одежде Лобанова. Точно Валентин посулил ей исполнение самой заветной, под кривыми ухмылками схороненной мечты.

— Так ты не из крабов?

(Крабы?! Ну-ка... А, какая-то военная каста, солдафоны... Она их боится и презирает.)

— Даже не знаю, кого вы так называете.

Жадно докурив до самых пальцев, она с сожалением бросила и втоптала в снег ничтожный остаток сигареты.

— Ну, эти... «Стальной ветер»!

— Что за «Стальной ветер»?

Не отвечая на вопрос, она блаженно зажмурилась.

— Да-а! Вот это, можно сказать, новость! А что, Бог даст, и я когда-нибудь до твоих мест дойду?..

— Дойдете! — уверенно ответил Валентин и вдруг увидел, что лицо женщины стало темным, как старая медная монета. Он оглянулся по сторонам. Тени удлинялись с безумной скоростью, ручьями бежали по снегу. Фасады сооружений стремительно меняли световой рисунок.

Лобанову и прежде казалось, что холодное бледно-зеленое светило движется не по-земному быстро. Однако, подойдя ближе к горизонту, оно ускорило свой бег чуть ли не вдвое. Растянутое по небу рефракцией, солнце подобно дирижаблю планировало за гребень холмов...

— Ты сильный, — грустно вздохнула странница. — Ты можешь себе позволить быть добрым... — Придирчивым оком она окинула подтянутую, упругую фигуру Лобанова, задержалась на гладко выбритом подбородке, холеных волосах. — А я вот возьму и не дойду. Свалюсь однажды, и снегом меня заметет. И не оживит меня никакой сероглазый рыцарь из другого мира.

— Так поселитесь где-нибудь, дождитесь лета! Неужели нигде нельзя укрыться от ваших «крабов»?

— Лето! Оно и видно, что ты черт знает откуда... В наших местах зима полжизни тянется. Если стану лета ждать, не успею окончить картину.

Валентину очень хотелось перейти к расспросам об Уве, но, желая укрепить доверие женщины, он спросил:

— Какую картину?

— Картину жизни, друг! Следы. — Темнота упала вокруг, будто выключили рубильник; странница шептала увлеченно, только белки глаз поблескивали: — Сто тысяч километров следов на снегу. Самая большая картина в мире, специально для осмотра с космического корабля! Она, конечно, ничего не изображает, но сам по себе масштаб... Сеть следов по всей северной Гонд-

ване! Понял? Я, женщина, незаметная как бактерия, преображаю своим путешествием целый материк!..

— Растает же, — чувствуя, что надо же как-нибудь ответить, невпопад брякнул Валентин.

— Ах, растает? А Гомер, Рафаэль, Бетховен не растают рано или поздно? Вечность — понятие относительное. Может быть, какой-нибудь снежной блохе, что живет полсотни дней, мои следы покажутся прочнее египетских пирамид!..

Наконец-то для Валентина все в этом диковинном мире встало на свои места! С одной стороны — чернильные леса, рой звезд, в течение считанных минут пробившийся по всему небу; россыпь огней на темной бронзе, немыслимо густая и щедрая для земных ночей. С другой стороны, гроздь самых славных имен Земли, память о чуде Египта...

— Извини, — тихо сказала она. — Я просто с ног валяюсь... Вторые сутки без еды... У тебя... не найдется хоть куска хлеба?

Все высокие мысли вылетели из головы у Валентина. Кажется, с детства не испытывал он такого стыда. Видеть усталую, истощенную женщину, читать ее мысли, но не догадаться, что она чуть не падает от голода, что ее просто надо накормить!.. Да, брат, слишком велика пропасть между нашими мирами...

— Конечно, конечно, разумеется! Давайте зайдем под крышу...

IX

— У нас как люди живут? Либо отрекайся от постылого мира и иди в Улей, либо надевай мундир, цепляй значки и регалии — и служи. А мы вот — ни то, ни другое. Мы третьи!..

Съев добрый кусок ветчины с хлебом, немного меда и запив все это бодрящим астро-кола, женщина опьяне-

ла от непривычной сытости и говорила, не останавливаясь.

Огонь, разведенный в камине из обломков давно распавшейся мебели, гудел всюю; жаркие отсветы плясали на вычурном лепном потолке, но до настоящего тепла было далеко — особняк промерз насквозь в зимнее многолетье.

Женщина (ее звали Урсула) рассказывала сбивчиво, путалась в научных подробностях, но главное Валентин понял, тем более что уже наловчился читать разорванные мысли собеседницы... Похоже, что земляне проникли сюда еще лет пятьсот назад. Какой-то безвестный тогдашний гений наладил тоннель между двумя Вселенными. И повалил народ в новооткрытый мир... Да нет, похоже, не повалил, а муравьиной цепочкой потянулись немногие посвященные, и стоило это, наверное, громадных средств. Почему уходили сюда? Бежали! От природы, превращенной в свалку ядовитых рек и радиоактивных дождей; от чудовищной городской скученности, с ее психозами и эпидемиями, от новоявленных национальных вождей и религиозных пророков с боевыми лазерами в руках, от молодежных моторизованных орд... Бежали в безлюдный, нетронутый край, в розовые и фиолетовые леса под солнцем цвета берилла (здесь как раз тогда стояло лето), упиваясь неслышанной планетной робинзонадой, Таинственным островом в четверть миллиарда квадратных миль! Но ведь от себя не уйдешь — от земного, веками внедрявшегося в плоть и кровь...

Богатые «робинзоны», не желая расставаться с комфортом, должно быть, гнали на «Землю-прим» (ее называли Вальхаллой) целые поезда... Ехали сотни рабочих, слуг, телохранителей... Тащили стройматериалы, машины, оружие, семена (ах, какой тоннель был, завидно, господу абсолют-физики!). И, наверное, к концу первой тридцатилетней зимы уже стоял на Вальхалле целый город. А люди в нем жили все больше дюжин-

ные, закоренело-деловые, не склонные к художеству и счастливой игре ума... так-так! А потом начала их тяготить замкнутость вынужденного общения. Наступили холода и вьюги, действительно занимающие полжизни... Надо полагать, тоннель однажды захлопнулся, перекрыли его земляне — и оттого тоска стала смертной, самоубийственной.

Тогда-то колонисты и выстроили здесь Улей, центр машинных галлюцинаций. Компьютеры, следуя подсознательным «заказам» клиентов, внушали жителям райские сны, вернее — во всей живости пяти чувств показывали самые глубокие, жгучие, самые постыдные желания... Клиент, погруженный в электросон, забывал о пище, — следящие устройства вторгались иглами в его вены, обогревали, матерински-заботливо замыкали вокруг беспомощного наркомана (или, как здесь говорили, трутня) стальную скорлупу. Улей имел собственную атомную станцию; но скоро его саморазвивающийся «мозг» создал устройство, выкачивавшее энергию непосредственно из зеленого солнца и окончательно испортившее климат на инопланете...

— Вы мне лучше про «крабов» расскажите, — попросил Лобанов. — Кто это такие — «Стальной ветер»? Орден, секта (он лихорадочно вспоминал старинные термины)... мафия, что ли? И почему вы — третьи?..

Вдруг он увидел, что Урсула судорожно сжала пальцы, закричала зубами.

— Надо покурить, — проговорила она, — иначе с ума сойду...

Наркотики... Кошмарная дрянь! Конечно, нетрудно взять пару пылинок от сухой «травки» из ее кармана и на их основе синтезировать целую сигарету, но... Имеет ли он право? Боже, она на глазах превращается в старуху! Денек в регенераторе, и полный порядок... Но до регенератора — две Вселенных. Так что, брат, оставь привычную мораль и сделай ей сигарету...

Валентин коснулся плоского аппаратурного блока

под курткой, с помощью которого он уже синтезировал обед.

Затянувшись пару раз, Урсула мгновенно преобразилась: щеки ее порозовели, веселый блеск появился в глазах, и Лобанов с удивлением отметил, что она опять молода и, безусловно, хороша собой.

Смеясь, женщина показала на грудь Валентина:

— Какая у тебя... эта штука! Ну и техника! Слушайте, а вы... люди?

— Все расскажу, ничего не скрою. Но сначала один вопрос, Урсула. Вы... или ваши друзья... никогда не встречали людей... похожих на меня? Тоже из далекой страны, с такой же... техникой? Вот недавно здесь побывал один... выше меня, мощнее, и волосы совсем светлые. Не видели?

— Нет, — она без раздумий замотала головой. — Я бы знала. Такие новости разносятся быстро.

В пустынном помещении стало тепло, и Урсула уже дремлет, склонив голову на грудь, уткнувшись носом в зеленый мех. Где же ее дом? А впрочем, какое Лобанову до нее дело? Можно тихонько уйти, оставив ей хороший запас ветчины, сухарей, меда и астро-колы. Так почему же Лобанов уверен, что ее не следует покидать? Все явственнее чудится какая-то угроза... Вот оно!

— Вставайте, — громко сказал Валентин. — Быстро вставайте и прячьтесь...

— Ч-что?.. — Встрепенувшись, она чуть не свалилась с кресла. — Зачем? Куда прятаться?

— Поглубже в дом, в подвал куда-нибудь... Скорее! Я вас потом разыщу.

Он еще ничего не видел, не слышал, но внутренним своим «локатором» ощущал приближение разогретого металла. Множество возбужденных людей затаилось в чреве огромной машины...

— Бегите, через минуту здесь будут эти... «Стальной ветер»!

Урсула наконец поняла... Спohватившись, вскочила, заметалась, дернула из угла свой вещмешок.

— Не забывай меня, ладно? Я хочу тебя снова увидеть...

Рука с темными обломанными ногтями коснулась было груди Лобанова, но испуганно отпрянула, наткнувшись на невидимую преграду в нескольких сантиметрах от куртки.

— Беги! — крикнул Валентин.

Оглянувшись с восторгом и ужасом, она помчалась в темноту подвала.

Х

Валентин выбежал на двор. Из-за крыш раздавался оглушительный деревянный треск, словно тысячи рук наперебой ломали сухие дощечки. Ураганный ветер смерчем взметнул снега. Ослепленный заревом собственных огней, спускался из ночи громадный, как дом, камуфлированный вертолет. На древке перед пилотской кабиной бился белый флаг.

Стеляя и скрежеща, вертолет сел. Отползла заслонка, в проеме заиграли блики на касках и оружии. Первым выпрыгнул и побежал, заранее прикладывая пальцы к козырьку, полный коротконогий человек в длинном темном плаще. Он остановился шагах в пяти от Валентина, едва не упал, попятился, спросил:

— К вам не опасно подходить, сударь?

Лобанов пожал плечами:

— Нет, если вы не намерены ловить меня или убивать.

Одышка мешала маленькому посланнику двигаться и говорить: в паузах он красноречиво прижимал руку к груди:

— О, сударь, это страшная ошибка, выходка пьяных патрульных, и виновные понесут суровое наказание!

— Хорошо, я лечу с вами! — прервал его Валентин и тронулся к вертолету.

Поодаль от мертвого города выплыло из пустыни ледяное озеро. Лежало оно, как одинокий глаз под бельмом, на дне плоской круглой впадины, шириной самое малое в километр. В заснеженной впадине не было деревьев. Лобанов почувствовал: ему легонько обожгло виски, губы, кончики пальцев. Внизу была высоченная остаточная радиация. Наверное, здесь недавно взорвали ядерный заряд. Что за чертовщина!

...Мысленно увидел, как через заснеженную степь бредет человек. Кто бы это?.. Вот его закрыло грибовидное облако. Невредимый человек не свернул со своего пути. Позади остается воронка, заполняясь водой от растаявших снега и льда...

Лобанов прежде хозяев вертолета заметил тесно сбившиеся огни города у излучины реки. Ярким сиянием была залита вершина пологой горы; цепь желтых светлячков отмечала линию набережной. Потом во всю ширь открылась река. Даже ночью сквозь лед были видны пятна воздушных полостей. На левом, ровном, как стол, берегу, от опушки черного бора шарили по небу клинки прожекторов. Вертолет описал полукруг и снизился; алые фонари обозначили посадочный квадрат.

Трое высоких мужчин отменной выправки — руки у козырьков фуражек с кокардами — стояли в свете фар, не обращая внимания на вихрь от винтов, трепавший их жесткие блестящие плащи. Валентин с наслаждением вдохнул морозный воздух. Трое встречающих один за другим почтительно пожали ему пальцы, представились: отцы-патриархи клана «Стальной ветер». Боевой Вождь по имени Руф Вотан отличался длинным, костистым, маловыразительным лицом и белыми ресницами. Рука у него была вялая и мягкая, но пожатие похоже на быстрый укус. Второй смуглый, вислоносый, носивший звание Отца-Вдохновителя, — как понял Валентин, некто вроде священника, — по имени Камаль

Магриби, был откровенно напуган появлением посланца с Земли. Третий патриарх, Целитель Душ, Эзра Ласперо, носил обрамлявшую кирпичные щеки бороду-норавежку и весело шурился сквозь дымчатые стекла очков.

Вождь широким жестом пригласил Лобанова садиться в ожидавшую бронемашину. Валентин заметил, что психика отцов была защищена надежными «шумовыми блоками», так называемым «скачущим» полем; прозондировать ее не представлялось возможным. Вряд ли это были, как на Земле, запрограммированные наследственные свойства; скорее помехи для чтения мыслей создавал специальный прибор. Да уж, напрямую расспрашивать их об Уве было бы глупо. Станем дипломатами.

Пыхтящий транспортер торопливо пополз в гору мимо одинаковых бетонных кубов, посаженных куда чаще, чем виллы и дворцы в заброшенной местности вокруг «рая». По дороге загорались окна. Какая-то женщина распахнула дверь, чтобы выпустить собаку, да так и замерла. Лобанов видел ее коренастый, пышноволосый силуэт, облитый желтым светом. Затем женщину кто-то втащил в дом, и дверь громко захлопнулась. Видимо, горожан предупредили...

Они вышли из транспортера перед нарочито массивным, угрюмо величественным зданием — Домом Семьи. Над колоннами фасада поблескивала огромная металлическая статуя — мускулистый квадратнолицый ангел опирался на здоровенный меч.

XI

Повинуясь невидимому, бесшумному сигналу, слуга вкатил никелированный поднос на колесиках: два графина, темно-пурпурный и желтый, хлеб горкой, остро пахнущие салаты, фрукты... Тоненько переговаривались бокалы.

Валентин хотя и поел в пустом доме вместе с Урсу-

лой, все же проглотил слюну при виде такой роскоши. Но аппетит исчез, едва он повнимательнее взглянул на официанта.

То был мужчина рыхлый, одутловатый и бледный, босой, в синем выцветшем жилете и мешковатых подвернутых брюках. Медлительность его была пугающей, как будто внутри неповоротливого мягкого робота сидело маленькое, энергичное живое существо, с великим трудом раскачивая тело-оболочку. На сидевших за столом он не обращал ни малейшего внимания. В глазах щелочках сквозили тупое усердие, боязнь ошибиться — и еще что-то жуткое, хитроватое, как бы беззвучно хихикающее, то, что сразу выдает умалишенного.

Ласперо привстал, точно желая сказать нечто важное, но хмурый взгляд Вотана припечатал его к месту.

Переваливаясь, словно пингвин, шлепая подошвами, странный лакей укатил поднос. Искательно заглядывая в зрачки Лобанова, Магриби разлил по фужерам красное вино.

Вотан облизнул тонкогубый рот и спросил Валентина:

— Думаю, вы уже поняли, что мы, здешние жители, никакие не аборигены планеты, а выходцы с Земли?

— Это было несложно.

Уловив интонацию Валентина, Ласперо поспешно поднял бокал:

— Итак, за встречу соотечественников-землян!

— За новый тоннель связи! — подхватил Магриби.

Пригубили.

— Вы очень проникательны, — сказал Вотан, мотнув головой на дверь, куда ушел слуга. — Он действительно оттуда.

Откинувшись в кресле, обитым пунцовым бархатом, Валентин спросил:

— Как это все случилось? Компьютеры вышли из-под контроля?

Эрго Ласперо опять заерзал на месте. Вотан, заметив его нетерпение, произнес не без яду:

— Сейчас достойный отец Эзра вам все расскажет.

— Да, я ничего не утаю от соотечественника! — Валентину показалось, что Ласперо переигрывает, вкладывает слишком много страсти в каждый жест изнеженно-белой руки. — Ничего, видит Бог, хотя трудно и стыдно говорить об... об ошибках своих предшественников, вернее, об одной страшной ошибке!

— История — наука честная!

— Безусловно, но от этого не легче...

По словам «достойного отца», ошибка, совершенная предками, основателями первого на Вальхалле города Асгарда, заключается в том, что они, основатели, не поставили перед колонистами высокой духовной цели. «Несводимой к сытости и утехам плоти», как выразился Ласперо. И посему Асгард уподобился развратному Вавилону и, подобно Вавилону, пал... Падению же предшествовал, как полагается, золотой век. Компьютерное производство кормило и снабжало вещами всех, независимо от ранга: и хозяина великолепного особняка, полного сокровищ искусства, и младшего из лакеев в этом особняке. Нищих, бездомных, голодных не было. Магазины, вернее — пункты распределения являли изобилие гидропонных овощей и фруктов; жены и дочери колонистов могли бесконечно менять туалеты, один шикарнее другого, и ослеплять друг друга брильянтами, добытыми с помощью роботов; отцы и мужья, сверкая фарфоровыми зубами и шевелюрами, выращенными на биостимуляторах, ездили по городу во все более умопомрачительных электромобилях хамелеоновой окраски, с видеоэкранами и барами... Но кругом простиралась снежная пустыня, насквозь продуваемая ровными, как выдох вентилятора, монотонно воющими ветрами. Ветры могли дуть и пятьдесят, и сто дней подряд, не слабая и не усиливаясь, множа число психопатов и самоубийц.

И вот жители Асгарда, по словам Ласперо, из-за отсутствия духовных горизонтов, стремление к коим могло бы смирить плотские страсти, — жители Асгарда постепенно оставили свои прекрасные виллы ради дворцов невещественных, но куда более блестящих. Опустел не только Асгард, но и другие, недавно заложенные города по реке Эридан... Почти все ушли в Улей.

Ни выключить себя, ни изменить режим Улей не давал. Ибо это значило бы — убить тысячи подопечных. Был поставлен непроницаемый силовой купол. Сквозь стену напряженного пространства мог войти лишь тот, кто бесповоротно решил поселиться в одной из ячеек электронного «рая».

Немногие оставшиеся в городе слышали великий гул глубоко под ногами. Это машины, выстроенные и управляемые компьютерным «мозгом» Улья, рыли и оборудовали этажи новых ячеек...

— И кто же были эти оставшиеся? — спросил Валентин, не сомневаясь в ответе.

— Мы, — гордо вскинул бородку Эзра. — Последние блюстители духовных ценностей: рыцарства, патриотизма, святой религии предков, чувства долга!..

— Клан «Стальной ветер», — уточнил со своего кресла Вотан. Лицо его было погружено в тень от большого резного шкафа.

— Да-да! Круг единомышленников, сложившийся давно, еще когда строился старый Асгард.

— Кто же был... родоначальником вашего клана?

Вместо ответа Ласперо повернулся к портрету, висевшему в простенке между двумя окнами, задрапированными шелковой тканью. Лобанов давно уже поглядывал туда, искал случая спросить. Видимо, нарочно подсвеченный настенным бра, портрет в пышной золоченой раме изображал офицера, одетого в скромный серый мундир, с высоким, с залысинами, лбом и маленьким, как бы прячущимся подбородком.

— Безымянный Вождь.

В голосе Эзры прозвучала безмерная почтительность, а Магриби даже ладонь приложил к груди и склонил голову:

— Он хотел, чтобы жило его дело, а не суетная слава имени...

Итак, положение на сегодняшний день таково: спят в недоступных недрах «рая» опутанные трубками бывшие колонисты, для которых, может быть, за минуту проходит миллион ослепительных лет. А в городе Новый Асгард, построенном неподалеку от обезлюдившего старого, брата «Стального ветра», считающие уход в Улей преступной слабостью, хранят мудрые заветы Безымянного. Клансмены проводят свое время в размышлениях и молитвах, в изучении героических страниц земной истории, военных маневрах и спорте; исследовательская группа ищет секрет возвращения на Землю. Иногда очередной Боевой Вождь, накопив атомных снарядов, обрушивает их на невидимый купол Улья, дабы еще раз попытаться вернуть миру ушедших под землю трутней...

Что ж, складно. Основателями клана были офицеры из числа миллионерских телохранителей. От них — любовь к униформе, побрякушкам, армейским трескучебессмысленным обрядам... Постепенно возникает образ злосчастной, самоистребившейся колонии. Вот только бы еще проследить одну, кажется, очень важную линию, о которой они старательно умалчивают...

Отец-Вдохновитель снова разлил вино. Вежливо ответив на пожелание здоровья и выпив, Лобанов сказал:

— Там, в развалинах, я встретил женщину. Она, конечно, не член вашего клана, но не намерена кончать жизнь в Улье, хотя нищая и больная. И, как я понял, таких бродяг немало...

Губы Ласперо презрительно скривились. Магриби шумно вздохнул:

— Заблудшие овцы...

— Нет! — резко проговорил Вотан, вскидывая пря-

мую, как дощечка, ладонь и наклоняясь к свету. — Об отщепенцах ни слова, пока досточтимый гость не увидит наших теплиц и мастерских. Господин Лобанов может сделать собственные выводы...

...Теплицы, мастерские... Не там ли след Уве? Необходимость взвешивать каждое слово, вести хитрую и напряженную игру тяготила невыносимо. Валентин пытался улавливать правду в тончайшей мимике лиц, в движениях каждого пальца...

— Вам не мешает ваша защитная оболочка? — наивно спросил Магриби.

ХII

Поэт неторопливо раскрыл свой брезентовый мешок, вывалил из него груды тряпья, исписанных клочков разноцветной бумаги и, наконец, совершенно неповрежденную коробку наркотических папирос.

— Вот это ты молодец! — воскликнула Урсула обрадованно. — Да за это я тебе и хлебца дам...

Они нашли приют в развалинах одного из крайних особняков Асгарда. Наименее поврежденной комнатой в доме оказалась ванная. Бродяги развели костер из обломков мебели и сидели друг против друга на розовом плиточном полу. Опорой для них служили великолепные, синие с белыми розами стенные изразцы. От огромной проржавевшей ванны, полной снега, тянуло холодом, как из морозильника.

— Какой черт тебя сюда принес! — сказала Урсула после долгой, полной наслаждения затяжки. — Тебе что, на Юге плохо было? Чудак...

— Хорошо было, — закивал и заморгал поэт. Говор у него был невнятный, шамкающий — от зубов остались одни корешки. — Я ведь до самого океана дошел, до Южного Рога. А там вечное лето, и леса большие, и рыба всякая водится... Писал вволю. Хочешь, прочту кое-что?

— Так зачем же ушел? — с ноткой истерического нетерпения спросила художница. — Почему ты здесь?

— А прогнали.

Седой, косматый и краснолицый, точно громадная обезьяна, поэт сидел в локутной своей шубе из мешковины и меха и сосал подаренную Урсулой горбушку.

— Кто?

— Они. Из Вольной Деревни.

Урсула дернулась, будто ее потрянуло электрическим зарядом, и застыла с разинутым ртом, не заметив, как упал в снеговую кашу драгоценный окурок. Поэт засмеялся длинным дребезжащим смехом:

— Не думай, девка, живых там нет. Порушено все и везде, навёрное, атомной бомбой. И пусто, ни души. Но это днем. А ночью...

Поэт затряс лысеющей, в розовых лишаях головой и тряс ею так же долго, как недавно смеялся.

— Что ночью? — цепenea, спросила Урсула.

— Оживают, наверное. Я из дома пустого, где ночевал, такие огни видел — столичный город, да и только! Рестораны полны, музыка, танцы. Машины ездят, автобусы... И возле моря всю ночь шаги, разговоры, смех. То влюбленные, а то, скажем, дети...

— Приснилось тебе! Болотную лихорадку подцепил! — резко сказала Урсула. — И вообще врешь, не видел ты Вольной Деревни. Тут был один недавно... Оттуда. Жив-живехонек. Друга пропавшего ищет. Панцирь на нем невидимый. Его крабы на вертолете увезли, он сам к ним напросился... Богатырь, красивый, не то, что мы с тобой!

Поэт заревел, будто раненый, и плюнул прямо в собеседницу. Промახнувшись, вскочил на худые, колесом изогнутые ножонки. Голова его дрожала от гнева. Схватив папиросы и кинув их в мешок с тряпьем, он тыкал пальцем в лицо Урсулы:

— Опаскудился я, с тобой сидя! Дура! Не понимаешь, кто здесь зимой-то ходит, души уловляя?! Краси-

вый... Панцирь невидимый... Кому поверила?! Будь ты проклята...

Он засеменил было к выходу, однако Урсула, вскочив, одним прыжком преградила ему выход:

— Стой! Говори чистую правду. Был ты в Вольной Деревне? Мертвая она?

— Да, — горестно вздохнул поэт, и Урсула опустила руки, готовые схватить, терзать... — Смотри, если не веришь.

Он вывернул наизнанку пропитанный грязью вещмешок, разгреб тряпье, черновики стихов, развернул что-то блестящее, заботливо укутанное во фланель... То была серебряная статуэтка крылатой женщины, ростом в две ладони; лицо и концы лебединых крыльев оплавлены...

Издав хриплый отчаянный вопль, Урсула наотмашь ударила поэта по лицу.

XIII

Громко, весело скрипя сухим снегом, они шли по главной аллее: впереди три патриарха и землянин, чуть поотстав — свита из старших братьев клана. За садом поблескивали стекла длинных, как перроны, парников. Поодаль какие-то укутанные медведеобразные фигуры орудовали скребками, очищая рамы.

Пасмурное утро вступило в свои права, однако большая, сплошь стеклянная теплица празднично сияла изнутри. Женский силуэт мелькнул на фоне массы света, отворилась дверь, и яростный ветер заревел у границы мороза и зноя.

— Вот и наша Ли, красавица Ли, умница Ли! — провозгласил Ласперо.

Валентин увидел молодую женщину в синем комбинезоне. Легкая, подвижная, нервная, она чем-то напоминала Урсулу. Вотан легонько привлек его к себе, отечески поцеловал в лоб. Сырые, душные тропики теплицы мигом заставили клансменов скинуть плащи и фу-

ражки, повесить их на крючки на входе. Ли помогала Вождю раздеваться, но все ее трепетное, нервное внимание, подобное любопытству лисы, приросло к гостю. Вокруг Ли никаких «шумовых блоков» Валентин не ощущал: искренняя девочка, свято верящая в полезность своей работы, но вместе с тем подавленная тяжкими скрытыми переживаниями, одинокая... Что-то страшное было в ее прошлом: грубо прерванная радость, испуг, боль... Лобанов для нее вошел вестником тайной надежды.

Ли привораживала изящной, быстрой в поворотах, хотя и чрезмерно худощавой фигуркой, блеском пушистых медных волос. Лобанов рассматривал ее, но, оказавшись на бетонной дорожке между грядками, на время позабыл о хозяйке теплицы.

Справа и слева вились по колям высокие кусты помидоров. Перистая зелень была нежно-салатовой, как обычно при искусственном свете; зато мясистые плоды алели, точно крашенные. На грядках работали сборщики, несомненные родичи лакея в доме «Стального ветра».

В круглых соломенных шляпах, наподобие древнекитайских, в lined штанах, закатанных выше колен, в кожаных передниках, толстые люди с плоскими, застывшими лицами, с дряблой шелушащейся кожей собирали помидоры и сыпали их в мешки. Пухлые, как подушки, руки работали медленно, неловко, но без остановок. На висках, шеях и спинах Валентин увидел маленькие круглые шрамы, у многих острупившиеся.

— Это наши самки, — пояснила Ли. — А дальше, на сортировке и погрузке, — самцы. Мы обучаем их простейшим трудовым процессам, без всякой механизации... Есть, правда, безнадежные...

— А с безнадежными что? — поинтересовался Валентин. Ли отвернулась, и за нее ответил Ласперо:

— Безнадежные не относятся к человеческим существам, сударь, на них этика не распространяется.

Перед выходом из своей резиденции, раскупоривая бутылки, достойные отцы сообщили Лобанову, что недавняя попытка проникнуть в Улей (это было около трех лет назад) увенчалась частичным успехом. Обманув бдительность машин ураганным огнем наверху, клансмены с помощью бригады саперов-смертников подвели подкоп через граниты к нижним горизонтам ячеек. Тогда Улей еще не выставлял поле в толще планетной коры... Удалось похитить около сотни трутней, повредить «мозг». Но Улей уничтожил и подкоп, и солдат. Теперь подземное сооружение закрыто сплошным энергетическим пузырем. Вчерашних же наркоманов освободили от электродов и трубок, научили есть и двигаться; под руководством Эзры Ласперо, врача-психолога, получившего звание Целителя Душ, бывшим трутням заново прививают навыки гигиены, речи, а здесь, в теплицах, учат трудиться...

— Мы спасаем тех, кого можем спасти! — восклицал шумный Ласперо, а Магриби кивал, кротким и смиренномудрым видом напоминая мусульманского святого. — Право же, через одно-два поколения им уже будут доступны самые абстрактные идеи. Это ростки нового человечества Вальхаллы!..

— Нельзя ли мне поговорить с кем-нибудь из них?

Вопрос Валентина, заданный как можно более непринужденно, не застал хозяев врасплох. Вотан, шагавший чуть впереди, хлопывая себя перчаткой по бедру, жестом показал Ли на деревянный стол. Такие столы сливались в линию, перпендикулярную посадкам. Их украшали груды помидоров и весы. Сборщицы вперевалку сносили свою добычу по дорожкам, и обрюзгшие мертволицые мужики за столами наполняли чаши весов. Молодцеватые надсмотрщики что-то записывали, похаживая вдоль линии.

Ли бросилась бегом, на ходу отцепляя от пояса короткую палочку с кожаной рукоятью, род электрического стрекала; им она тыкала в спину выбранного прием-

щика, подгоняя его к дорожке, и палочка искрила, на-
смешливо треща.

Большой, как медведь, рослый человек в закатанных
штанах встал перед Лобановым, безвольно уронив ру-
чищи.

— Как тебя зовут? — обратился к нему проника-
тель.

Мокрые губы мужика разлепились и шлепали вхо-
лостую, язык никак не мог повернуться нужным обра-
зом. Легкое движение Ли, треск...

— Пррр-хыгун.

Словно провернулись заржавевшие шестерни.

— А сколько тебе лет? Постойте, не трогайте его!..

Валентин обнаружил, что не может спокойно смотре-
ть, как рядом кому-то причиняют боль. Даже мило-
видная Ли на минуту стала отвратительной, хотя, на-
верное, невозможно было иначе расшевелить этот ме-
шок мяса.

— Тхррр...цать, — сказал Прыгун, и тусклые глазен-
ки его, сидевшие, как изюминки в коме сырого теста,
изобразили нечто вроде усилия мысли.

— Лет тридцать — по общему состоянию организ-
ма, — ввернул Ласперо. — Спросите, кто он такой.

На сей раз Прыгун отрапортовал мгновенно, храпя
и булькая, как чан с кипящей водой:

— Сорх-хтировщик тх... тх... томатов, сх-рредняя ква-
лисси... фикация, пх-рриемный пн...пн... пункт чх... четх...
четыре!

— Что значит — сортировщик?

У Прыгуна была безволосая, в шрамах от электро-
дов, плоская голова равной толщины с шеей; вместо
ответа он увел ее в жирные плечи и стоял так, свесив
руки и бездумно моргая.

— Он не ответит, сударь, — засмеялась Ли. — Сор-
тировщик проталкивает плоды сквозь отверстие в сто-
ле; если плод проходит, он так и падает под стол, если
нет — его бросают в корзину...

— У вас тут есть два гениальных парня. Ухо и Носатый, — сказал Вотан, усердно осматривая один стол за другим, причем голова его поворачивалась неторопливо и ровно, как деталь механизма.

— Да, мой вождь! — сразу благодарно заулыбалась и заморгала Ли. Ее явно тяготил мрачноватый скепсис Лобанова. — Они отличают годные овощи от незрелых и порченных. Я повесила им на шею бляхи и разрешила бить других сортировщиков, если они ленятся...

Ласперо, стараясь разрядить обстановку, сказал со смехом:

— Ли, гоните этого гения обратно к столу, и пойдемте смотреть мастерские.

XIV

Мигель Суарес, старший сын клана, начальник братства мотопехоты, провел превеселую ночь в покоях своего ближайшего друга, начальника охраны художественных мастерских. Стыдно сказать, они еще с вечера отключили и телефон, и динамик оповещения (а что, собственно, могло случиться ночью в богом забытом Новом Асгарде? Опасаться некого, воевать давно уже не с кем...). Отпустив машину, пешком по морозцу Мигель возвращался в город. Старшего сына одолевал утренний хмель — то особое состояние, при котором мир кажется не слишком реальным, все проблемы — ничтожными, а люди — сплошь веселыми и дружелюбными. Он шагал, распахнув подбитый мехом плащ и сдвинув на затылок фуражку с кокардой, готовый приятельски заговорить с первым встречным или с места в карьер броситься ухаживать за какой-нибудь пригожей сестрицей. Спешить было некуда, учения начинались только послезавтра.

Вдруг Суарес застыл на месте, отнюдь не протрезвев, но механически вытянувшись. От тепличного корпуса через расчищенный двор шли трое отцов-патриар-

хов, окруженных рослыми неулыбчивыми ребятами из числа гвардейцев клана, «любимых сыновей». Рядом с Вотаном вертелась эта рыжая наставница трутней Ли.

Господи! Суаресу показалось, что у него начинаются галлюцинации. Перед ним, конечно, был не тот, на которого напоролся его транспортер месяц тому назад, во время очередной ловли беглых интеллигентов. Но сходство поразительное! Даже не в чертах лица, лицо-то как раз совсем другое, и рост, и фигура... Сходство глубже, оно в особой осанке, независимой, на редкость гордой, хотя вовсе не армейской осанке... Костюм... и костюм почти из такой же, из непонятной благородно-серой ткани, и плотной, и мягкой. Тот, встреченный в снежной пустыне, был настоящий мужчина. Кто они такие? Откуда берутся? Темнят отцы-патриархи... Ну, ничего, можем и сами спросить.

Мигель Суарес, с рукою у козырька, промаршировал через двор и торжественно остановился в нескольких шагах перед Руфом Вотаном.

— Мой вождь, — начал старший сын, стараясь как можно яснее произносить каждый звук, хотя предательский язык спотыкался. — Мой вождь, разрешите обратиться к неизвестному брату!..

Вотан даже не замедлил шага, но по лицам достойных отцов и «любимых сыновей» будто пробежала рябь.

Вождь сказал коротко и сухо:

— Извольте отправиться в кордергарию Дома Семьи и ожидать там.

— Но, мой вождь... — залепетал Суарес. — Здесь особый случай!

— Выполняйте!

Лобанов напряженно следил за разговором хмельного офицера с Вождем. Психика старшего сына не была экранирована, и там, в пьяной кутерьме мыслей, различал Валентин что-то щемяще знакомое; долгожданный силуэт все яснее проступал сквозь красочную и словесную муть... Уве! Этот человек видел Уве Бьерсона!

Валентин приблизился к Вождю и спросил:

— Нельзя ли мне переговорить с ним?

Подвыпивший офицер, сразу отстав от свиты, являл своим видом полную растерянность; к нему угрожающей походкой силача направлялся верзила-гвардеец...

— У нас есть устав, — угрюмо ответил Вотан. — Старший сын нарушил хартию, обратился к нам не по форме.

Магриби вкрадчиво добавил:

— Мы не можем идти на послабление, даже ради... ради...

Лобанов мог бы в одно мгновение расшвырять нажимом кокона всю эту свору, одуревшую от уставов и хартий, догнать черноусого парня, но... Так трудно наладить контакт, и так легко закрыть всю дальнейшую программу общения с «Землей-прим». Да, может быть, он и нашел бы Уве... хотя шансы на то, что Бьернсон жив, исчезающе малы... может быть, и нашел бы, но какой ценой?! Нет. Землянин не должен оставлять трупы...

— Изволили надраться, Мигель? Так идите похмелитесь!

Суарес, до сих пор чувствовавший себя виновато и подавленно, вдруг вскинулся, гордо поднял голову:

— А почему это вы мне делаете выговор, брат Зилле?! У нас равная степень родства, и я не позволю...

— Позволишь, пьяница!

— Пошел вон, хам!

— Молчать! — гаркнул гвардеец и ударил Суареса по лицу перчаткой.

XV

Мастерская была велика, точно вокзал или ангар, и столь же холодна: никакие установки не могли насытить теплом эти необъятные, сплошь застекленные залы... Прозрачный потолок регулярно очищали от снега;

и сейчас там ходил кто-то по металлической дорожке, на обе стороны взмахивая метлой; не иначе как принимал трудотерапию спасенный трутень.

В первые минуты Валентину показалось, что белые и грязно-серые громады в ажурной упаковке лесов, в окружении копошащихся синих фигурок — это строящиеся космические корабли. Но разведчик тут же сообразил, что перед ним скульптуры. Рядом с каждым колоссом стоит его прототип, размером в человеческий рост или меньше, и люди в синих испачканных халатах — нормальные мужчины и женщины, нисколько не похожие на трутней, — карабкаясь по лесам, сваривают чудовищные причудливые каркасы, а затем вылепливают на них из вязкого вещества объемы незрячих голов, грудей, мышц...

Готовые или близкие к готовности статуи были изрядно похожи друг на друга: вдохновенные красавцы с переразвитой мускулатурой, толстыми шеями и выпяченными подбородками замахивались гигантскими молотами, вонзали в почву плуги, протягивали ручки к подразумеваемым звездам. Женщины были не более изящны: одна великанша баюкала толстозадаго младенца, другая стояла со снопом колосьев, третья, самая свирепая, держала щит и меч. На большой площадке увидел Валентин полчище статуй Безымянного: бюсты, полуфигуры, изображения во весь рост. Одни скульптуры ненамного превосходили натуральную величину, другие уместились бы не на каждой городской площади, но сходство между всеми было почти что полным, разве что варьировалось положение правой руки: ваятель то закладывал ее за борт мундира, то заставлял простираться вперед, то прятал в карман брюк.

У скульпторов и рабочих не было никаких защитных «скачущих» полей: Лобанов ощущал их сосредоточенность, желание как можно лучше выполнить работу... Не было вдохновения, творческого азарта; однако никто не чувствовал себя особо угнетенным. Налаженная фаб-

ричная работа. Бунтари смирились. Все довольны тем, что сыты, обогреты и при деле.

Потом Лобанов смотрел живопись, бесконечно множась, писанные с унылой фотографической дотошностью лица — жизнерадостные, румяные, улыбчивые... На картинах царила та же болезнь, что и в отделении скульптуры: стремление выдать сущее за должное, самим себе внушить, что жизнь лубочно проста и безмятежна... Вот солдаты клана в дозоре, чеканные профили на фоне вьюги: вот исторические сцены — освоение Вальхаллы... Обветренные молодцы ставят вежу — здесь будет Асгард... Скромная квартира, конспиративно приглушенный свет. Безымянный Вождь в ораторском порыве, ему жадно внимают офицеры и штатские за чайным столом...

Ласперо давал пояснения:

— В силу ряда причин, и прежде всего из-за Улья, Новый Асгард сейчас единственный обитаемый город на планете. Но, кроме него, существует, так сказать, рассеянное, кочующее население. И многие люди искусства, поддавшись ложной идее абсолютной свободы, предпочитают странствовать, терпеть голод, холод, страшные лишения, но не идти к нам. Порою мы вынуждены... э-э... транспортировать их сюда.

— А может быть, надо оставить их в покое? — невинно спросил Валентин.

— Не судите о том, чего не понимаете! — резко сказал Вотан. — Вы знаете, в каком виде их доставляют сюда? Истощенные до полусмерти, обмороженные. Наркоманы, алкоголики, психопаты...

Ласперо кивком подтверждал каждое слово Вождя.

— В неизреченной милости своей Господь доверил нам этот скудный, обделенный благами мир! — подал голос Магриби. — Мы отвечаем на Вальхалле за каждое дыхание! Бросив на произвол судьбы сирых и заблудших, не уклонимся ли от Его предназначений? Ибо

сказано в послании апостола: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец».

— Почему же они все-таки удирают?

— Бродяги подобны детям! Увы, они не понимают, в чем их назначение...

— В чем же?

— В служении идеалам добра, в труде на общее благо! — точно непонятливому ребенку, пояснил Ласперо. — А разве на Земле не так? Разве у вас художники не чувствуют своих обязанностей перед народом, вскормившим их?..

— Чувствуют, но не знают принуждения.

— Значит, их сознательность выше. А у нас, если не проследить за творцами, начинают множиться произведения больные, ущербные, зовущие уйти от активной жизни, замкнуться в узколичном... Насилие, эротический бред, распад формы, подобный гниению труп! И в результате...

— Что в результате?

— Улей! — отрубил Вотан. — Да, Улей!

Магриби деликатно добавил:

— Искусство, не служащее любви и Богу, вырождается неизбежно. И что же остается обществу, если не разгул грубых наслаждений, коим нечего уже противопоставить?!

Валентину не хотелось никому возражать, но он все же не удержался:

— По-вашему, собранные здесь скульптуры и картины принесут кому-нибудь возвышенное наслаждение?..

— А почему нет? — засовывая руки в карманы, осклабился Вождь. — Только извращенцу могут не понравиться яркие краски, здоровые тела!..

Опустив голову, Лобанов шагнул к дверям, над которыми сверкала рекламной яркостью красок грандиозная, во всю стену фреска, изображавшая счастливое буду-

щее Вальхаллы: клансмен, художник в синем халате и бывший трутень со шрамами от электродов обнялись на фоне пышных тортовых роз.

XVI

За оранжереями и коровниками, за слепыми, обнесёнными колючей проволокой и асфальтом бараками трутней, за более опрятным, но также охраняемым «общежитием» бывших бродяг; за кирпичным пеналом птицефермы, у подножия вентиляционных башен подземного завода открывался с откоса вид на реку.

Вотан словно подрост, величественно стоя на верхней площадке просторной бетонной лестницы. Как только Вождь сделал первый шаг по ступеням, внизу хрипло закричали трубы.

— Вам исключительно повезло, достойный брат! — шептал в затылок Лобанову Ласперо. — Не так уж часто бывает настоящий Божий Суд. Последний раз — не менее чем полтораста дней назад, когда отец Глен Айвар тягался со старшим сыном Кассини из колена строителей дорог...

Чуть отставая от деревянно-прямой спины Вотана, отрешенно глядя на пасмурный горизонт, спускался к реке Магриби. Если Вождь только навесил поверх свистящего металлизированного плаща золотую цепь с нагрудным знаком, то Отец-Вдохновитель переоделся полностью. Лиловое бархатное облачение до пят напоминало Валентину католических патеров. («Уж не мог себе справиться красную кардинальскую мантию, раз он тут глава церкви!») Довершая сходство, голову Магриби покрывала круглая лиловая шапочка.

У берега лестница расходилась надвое. В развилке высилось цементное изваяние рыцаря в латах, явно сделанное наспех: цемент обвалился с панцирного бедра, оголив ржавые прутья...

После осмотра мастерских вся сановная компания

вошла в столовую, где был уже накрыт обильный цветами, зеленью, яствами стол и возле столов торчали навывтяжку дрессированные трутни в ливреях.

Едва заставив себя выпить рюмку после первого тоста и проглотить несколько кусков, Валентин настоятельно попросил о встрече с Суаресом... Вотан подозвал адъютанта, забежали гвардейцы. Прошло не менее двадцати минут, пока сообщили, что Суареса в Доме Семьи нет, вот-вот начнется его дуэль с гвардейцем Зиле и на примирение противники не согласны...

На речном льду был обнесен канатом с разноцветными флажками квадрат. На нем могли бы выстроиться в каре все войска клана, но вместо этого сиротливо чернели по углам, на концах диагонали, два мотоцикла с колясками. Двое рослых мужчин в красных комбинезонах прохаживались перед своими машинами. Подойдя ближе, Валентин различил на дуэлянтах шлемы, закрывавшие уши и шею; и красные же нагрудники наподобие панцирей. Прозрачные щитки забрал торчали вперед.

Вдоль канатов деловито сновали распорядители, также в касках и доспехах. Отцы «Стального ветра», блестя плащами и биноклями, расположились на скамьях, стоявших в несколько рядов вдоль понтона, вмерзшего в лед под самой лестницей. Должно быть, «летом» — продолжительностью в две трети земного года — понтон служил пристанью, ибо с него свисали бревна и шины грузовиков.

Лобанов лишний раз заметил, как строго блюдут в Новом Асгарде разделение по степеням родства. Отцы не смешивались со старшими сыновьями в каскетках и металлизированных куртках. Те, разбросанные кучками по обоим берегам или бродившие вокруг поля, в свою очередь, сторонились солдат. Пятнистые, точно ящерицы, младшие сыновья клана каймой сбились вдоль откосов и опушки фиолетового бора за рекой. Дряхлые старики тоже носили ту или иную форму. Отдельно

сгрудились коричневолицые, скуластые, низкорослые клансмены с узкими глазами — из азиатского «колена Рамы», отдельно — негры и мулаты, «дети колена Лоа...».

Справа от лестницы ряды скамей на берегу были заняты женщинами. Дамы «Стального ветра» щебетали и подкручивали бинокли. Первые ряды занимали пышные шубы и шапки из зеленоватого меха хищников Вальхаллы; далее теснились куртки тусклых защитных цветов, брезентовые пилотки. Мелькнула медная челка Ли.

Опять-таки налицо трагикомическая ситуация, в которой бессильны миллионы киловатт энергококона. Даже если, вопреки всем правилам поведения в «чужом монастыре», под угрозой срыва будущих контактов между Землей и Вальхаллой, — если Валентин сейчас ползет на ледовую арену общаться с Суаресом, то сей муж, исполненный чувства чести, еще и землянина призывает к барьеру... Бессилие перед заблуждениями людей — самое злое и обидное...

Для троих членов Семьи и самого Лобанова были приготовлены вычурные мягкие кресла перед трибунами. Когда четверка взошла на понтон, ряды дружно встали; перчатки прилипли к раззолоченным козырькам. На берегах зрители повскакивали с подложенных досок и тряпок; умолкли оруженосцы и солдаты.

Заняли места. Прошумев, осела, как взбаламученный осадок, толпа в серебре и хаки. Магриби уже спустился по ковровому трапу с трибуны. Теперь он шествовал в сопровождении лиловых подручных, очевидно, ждавших под стенкой. Старшие сыновья придавили канат ко льду, и свита Магриби снопом ирисов поплыла по глади квадрата.

Оба красных мотоциклиста, шеголяя выправкой, мерным шагом гладиаторов направились к центру поля. Там священники встретили их, мотоциклисты преклонили колена, и Магриби возложил ладони на их шлемы.

Подручные что-то налили из кувшина в рюмки на маленьком подносе, и мотоциклисты, не вставая с колен, выпили.

Магриби заговорил, обращаясь к Вождю и бессмертному клану. Голос его, негромкий, но звонкий, накатанный публичными выступлениями, разносился в морозной тишине, как стук дятла.

Напомнив о каком-то легендарном событии, изложенном в Библии, Магриби восславил обычай Божьего Суда. Бог всегда воплощается в теле защитника правды и справедливости. Да сгинут хулящие провидение, уверовавшие в свой суетный разум! Страшный путь старого Асгарда, угасание возгордившихся безбожников в чаду бесовских грез — вот печать гнева господнего на отринувших законы творца...

Любопытно: феодальные обряды и демагогия новейшего времени, средневековая жестокость и призывы к человечности — все служит незыблемой власти клана. Фу ты, черт! А что, если отцы-патриархи искренне верят в свою божественную миссию по подготовке райского будущего Вальхаллы?! Как здесь все перетасовано, чувства низменные и отвлеченные, шкурничество и бескорыстный фанатизм...

После речи Магриби заиграли трубы; потом выступил офицер с мегафоном.

— Итак, сегодня во главу божью и в полном согласии с Хартией «Стального ветра» состоится добровольный бой между начальником братства мотопехоты, старшим сыном Мигелем Суаресом и старшим сыном из колена «любимых сыновей» клана Рихардом Зилле. Суарес по всем правилам Хартии, при свидетелях, вызвал на Божий Суд упомянутого Зилле... Оружие по выбору ответчика, равное и проверенное. Бой до исполнения высшего приговора либо до просьбы о пощаде, высказанной во всеуслышание одной из сторон.

— Да вы не беспокойтесь, — обращаясь к Валенти-

ну, шепнул Ласперо. — Суарес опытный боец, он обязательно выиграет, и тогда вы встретитесь...

Неторопливо встав с места, Вотан поднял руку в белой перчатке. Трубаچی опять прильнули к мундштукам, главный распорядитель взметнул над головой жезл. Мотоциклисты забили ногами по педалям; их машины загудели, раздробив тишину.

Вотан, как опытный дирижер, выждал должную паузу и резко махнул рукой.

Машины соперников ринулись друг на друга, как два разъяренных гигантских жука; срывая снежную корку с зеленоватого толстого льда, нарисовали первые петли. Мотоцикл Зилле сразу пошел боком, коляска беспомощно запрыгала на рессорах. Зилле несло к центру квадрата, а вдогонку уже мчался более устойчивый Суарес, будто готовясь идти на таран.

Валентин видел, как зрители бесновались на берегах. Слышал свист, ободряющую брань. Ласперо увлеченно бил перчатками по своей ладони, ноздри его раздувались. Начальники колен — полков, где служба передавалась по наследству — дико вопили. Было тошно воспринимать то, что творилось у них в головах: кровавый азарт, хищный дух римских цирков.

Суарес выхватил пистолет. Но Зилле свернул настолько круто, что мотоцикл встал на задние колеса. И Суарес, не успев отреагировать, всадил пулю в днище коляски.

Аплодисменты. Зилле адским разворотом обошел противника и послал выстрел в спину Суаресу; промахнулся, ловко описал правильный круг, снова переходя в атаку...

Шальная пуля звякнула о каску распорядителя, тот присел: соперники, расстреляв по обойме, демонстративно выбросили пистолеты. Трубы завывали, отметив этап. Но вот более быстрый Зилле, опередив врага, привстал, как всадник на стременах, и что-то продолговатое швырнул навстречу Суаресу. Стрелами грязного дыма раз-

летелся взрыв, шарахнув осколками льда, и боевой конь метопехотинца ухнул в свежую полынью.

Мотоцикл погрузился в воду почти мгновенно, однако сам Суарес успел вывалиться из седла на лед. Теперь Зилле мчался к сопернику, уползавшему прочь от края черной ямы. Бедняга был ранен и явно выбился из сил. Тогда гвардеец заглушил мотор, слез с мотоцикла и подошел к лежащему. Забрало мешало рассмотреть его лицо. Неторопливым движением Зилле отстегнул от пояса свой штык...

Невольно отвернувшись, Валентин взглянул в бесцветные, надменно-усталые глаза Вождя под козырьком с толстым золотым жгутом. Право же, сейчас в них было сочувствие. Оскорбительное сочувствие к чужаку, в котором, вопреки мужественному облику, ничего не было от мужчины и бойца.

Истошно взревели трубы, знаменуя финал.

XVII

Должно быть, летом здесь было прекрасное место — туристское, открыточное... Уступы природного амфитеатра обрамляли иссиня-серую бухту, слева далеко в море тянулся мыс с одинокой скалой, подобной маяку. Волны глухо грохотали внизу, наполняя отголосками воздушный простор. Зима здесь была похожа на мокрую холодную осень. Среди ноздреватых глыб на голой светлой земле росли блестяще-медные, с розовыми листьями колючие кусты, корявые чернильные «сосны».

Урсула, шедшая впереди, вдруг шарахнулась под защиту каменного козырька; смачно выругавшись, рванула из-под шубы здоровенный револьвер. Бах! Мимо... Лилый, под цвет деревьев, шевеля на длинном брюхе многочисленными хваталами, каждое с острым крюком, плыл вверх на раскинутых перепонках крылан-трупоед. Головы у него не было, грудь разверзалась клыкастой пастью. Крылан тщательно готовился падать —

столь крупную добычу следовало разить наверняка. Урсула промахнулась еще дважды, пока Лобанов не велел кокону трахнуть наглеца хорошим электрическим разрядом. Неожиданно знакомо закудахтав и уронив пенистую слюну, тварь вперед спиной унеслась за рошу, где вились двое-трое сородичей.

— Наверное, они еще помнят то время, когда здесь было... много пищи, — сказала Урсула, придя в себя. — А потом изголодались. Обычно они на живых не нападают...

— Этот, пожалуй, и сам не нападет, и другим отсоветует! — засмеялся разведчик.

Честно говоря, смех был наигранный, для спутницы, чтобы не ударилась в истерику, как не раз она хотела сделать. «Курортная бухта» отдавала кошмаром. Валентин, весьма чуткий к ноосферным конденсатам, вдруг почувствовал вокруг себя скрытое страдание: боль от ран и ожогов, ужас людей, похороненных под развалинами, предсмертное отчаяние многих тысяч... Когда же это произошло? Двадцать, тридцать лет назад? Кто отдал приказ о бомбардировке, может быть, — ракетном обстреле? Почему?.. Урсула не имела обо всем этом решительно никакого представления. Она, как и многие здесь, считала Вольную Деревню местом легендарным, если и существующим, то в каком-то не бытовом, а мистическом плане, как обитель безмятежных полубогов... И вдруг — композиции из обломков в кирпичных рамах фундаментов, оплавленные металлические остовы; на парапете, обрывающемся у моря, — массивное хмурое здание с колоннадой, с разрушенным переплетом купола; по стенам следы копоты, ступени крыльца захлестнуты медным кустарником... Валентин видел, каких усилий стоит художнице идти рядом с ним. К зданию вела с уступа на уступ, через стертые взрывами кварталы, широкая, почти не поврежденная асфальтовая дорога.

...Ах, как старался на прощание Магриби!

— Слабый ручеек нашей колонии берет свое начало

в полноводном океане земного человечества, — вещал, расхаживая по дворцовому полу, пылкий Отец-Вдохновитель. — Пути Вальхаллы и Земли по воле Господней разошлись полностью... Принципы любви и равенства, внушенные Христом и столь полно воплощенные на вашей цветущей родине, оказались непригодными для нашего мира. Мы — воины в крестовом походе, и потому обычай наш суров. Не подумайте, что я ропщу! Ибо сказано: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю...» Мысль моя и сердечная забота — о заблудших... — Магриби жестом мольбы протянул руки к Валентину. — Просим вас, сударь, и в вашем лице священную для нас мать-Землю... — Магриби вздохнул поглубже для эффектного слова «под занавес». — Просим помочь нам в богоугодном деле исцеления больных, гибнущих братьев!

— Как вы себе это представляете? — спросил Лобанов. — Я должен помочь вам проникнуть сквозь силовую оболочку Улья?

— Ну, не сами, конечно... не сейчас... — Магриби простер руки к Валентину и крикнул рыдающим голосом: — Будьте нашим защитником там, на Земле! Представляйте за несчастных! Убедите своих правителей, народ свой, чтобы они открыли нам путь к обиталищу потерянных душ.

«Вообще недурно, — подумал Валентин, — Станция Проникновения отправляет в Улей вооруженных до зубов, надравшихся для храбрости спирту молодцев из «Стального ветра». Трогательное сотрудничество...»

— Нет, это невозможно, — как можно мягче, но категорически сказал Лобанов.

Ласперо снял очки, потер наболевшую переносицу: «Вот и все, достойные братья». Без очков он казался совсем домашним — этакий морской волк в семейном кругу. Вотан, пристроившийся на груде подушек в углу под персидскими коврами, только переложил длинные ноги в хромовых сапогах. Лицо его, с припухшими веками,

осталось безразличным. Состояние выдали пальцы, судорожно смявшие жестяную банку из-под пива.

— Мне жаль вас огорчать, но... Даже если бы я встал на вашу сторону — я заранее знаю, как ответит... мой народ.

— Но почему? За что?! Вы хотите смерти трутням? Правильно! Пускай издохнут, они же для вас неполноценные существа!.. — не в силах больше сохранять маску, зарычал Ласперо.

— Это вам они кажутся неполноценными, — уверенно ответил Валентин. — Вызволив трутней, вы никогда их не сделаете равноправными. Будете находить все новые поводы, чтобы ваш «Стальной вестер» оставался высшей кастой. Простите меня... но я боюсь, что вы ни за что не откажетесь от своих привилегий...

— Каких привилегий?! — забрызгал слюной Целитель Душ. — Да стоит нам отправиться в Улей, и мы станем там кем угодно! Наполеонами, Цезарями! На кой черт нам власть над кучкой кретинов, из которых еще надо делать людей?!

— Для чувства собственного достоинства, — устав щадить, сказал Лобанов. — Ваша гордость — в том, что у вас *реальная* власть. И вы ее никому не отдадите и ни на что не променяете. Вы штурмуете Улей и ловите бродяг лишь с одной целью: создать настоящее иерархическое государство, с аристократами и плебеями... Вам дороги ваши мундиры, мантии, ордена, кодекс чести, Хартия, Божий Суд, степени родства, а равенство вы презираете, как выдумку слабых, хотя на словах и преклоняетесь перед ним...

Ласперо бросился возражать, опровергать, но Руф Вотан жестом принудил его к молчанию.

— Вы понятливы, — сказал Вотан и левым глазом подмигнул разведчику. — Я с вами спорить не буду. У нас говорят — понятливые долго не живут... Шучу, конечно!

Они вышли из дворца и остановились перед фасадом

Дома Семьи, под статуей архангела с мечом, широким, как лопата. Отцы-патриархи держали руки у козырьков, и ветер от Валентинова антиграва трепал плащи. Расставание по всей форме.

С высоты открылась сухая прямоугольная планировка верхнего Нового Асгарда; среди однообразных заснеженных кровель — провалы площадей с обязательными «вдохновляющими» статуями. Чахлый городской парк был обнесен гладкой стеной, исписанной двухметровыми буквами призывов и лозунгов; такие же литеры, железные, в облупившейся краске, выстраивались по краям крыш, слагая изречения Безымянного Вождя. Делая выраж над низиной, где кладбищенскими прямыми линиями вытянулись казармы младших братьев, Лобанов думал: ведь все, что он сегодня сказал им, отцы клана уже не раз слышали. Возможно, они это слышали семь раз. Первым был Исаев. С ним, вероятно, тоже попрощались торжественно, «на уровне послов». А потом... Для скафандра высшей защиты, вероятно, хватило одного тяжелого снаряда. Исаев, Перекрест, Эйхенбаум, Хаддам, Стенли... Кокон Уве практически неуязвим. Что с ним сделали? Что?..

Заветный вопрос Валентин патриархам так и не задал, поскольку знал после гибели Суареса, каким будет ответ.

Они ни за что не признаются, что ведут охоту за проникателями, пришельцами с Земли. Что истребили уже семерых и с такой же целью стреляли по Валентину, выходявшему из Улья. О, тут наверняка не было никакой «ошибки» — следящие приборы подсказали, что защитный кокон снят, и разведчики пытались взять живьем — дурманном газом, ловчей сетью... Зачем? На допрос? пыткой выбить какие-то сведения? Но мы же ничего не скрываем!..

Они не скажут, что случилось с Бьернсоном. И «скачущее» энергетическое поле будет равнодушно трещать, скрывая их мысли.

Если Бьернсон не погиб под Новым Асгардом, когда на него сбросили водородную бомбу, — а он скорее всего не погиб, — куда он мог направиться? Не искать ли Вольную Деревню, слухи о которой вполне могли дойти до Уве? Сказочный город добра и справедливости, во всем противоположный угрюмой столице «Стального ветра»?

Надо отработать и этот вариант. Но прежде — по биоизлучению найти на просторах окаменелого наста Урсулу. Все-таки добавочные сведения. А может быть, не только потому хочется ее видеть?..

Перед входом в здание Валентину пришлось обнять Урсулу за плечи: такая дрожь била женщину, прямо зубы стучали. Трупов или костей кругом не было — то ли их превратил в пыль атомный жар, то ли позднее растаскали крыланы и прочая милая вальхалльская живность, — но ощущение мертвечины, массовой бойни усиливалось с каждым шагом. «Концентрация смерти», — подумал Валентин. Это как плотное, тяжелое газовое облако над старинным химическим заводом. Никакой ветер не развеет... Обнимая и ведя Урсулу, Лобанов был вынужден снять с себя кокон, стиснуть его до размеров горошины в нагрудном блоке, где лежал абсолют-аккумулятор, и теперь чувствовал себя открытым всякому злу...

Через обугленный дверной проем они вступили под внушительный портал, в анфиладу залов, наполненных полумраком, заваленных мусором, — влажных, душных и гнилостью пахнущих помещений. Что-то с резким стрекотом скользнуло между ног к выходу, зыркнуло на бегу одиноким желто-горящим глазом... Шевелилось, шуршало в разных углах, раздражалось визгливым хохотком или затевало драки с гневным крысиным верещанием.

Все крепче прижимая к себе Урсулу, Лобанов шел к некой точке в глубине здания, куда вело его безошибочное чутье.

Ага, вот, кажется, и оно, искомое место. Ничего особенного: небольшой, обитый истлевшей тканью зал с рядами соединенных кресел, с экраном на стене, когда-то, видимо, белым, теперь грязно-бурым, в потеках... У входа — железная лесенка с рифлеными ступенями, над ней дверь. Куда она ведет?

Темная комнатенка. Круглые жестяные коробки на полках. Два громоздких аппарата на штативах, примитивные конструкции с массой вертящихся деталей, у каждого впереди — трубка, уставленная в маленькое пыльное окно... Медицинские приборы? Оружие? Телеприемники?

— Извини, Урсула, но я без тебя тут не разберусь... Она рассмеялась:

— Это всего-навсего кинопроекторы, дружок! Для вас, землян, конечно, первобытная техника... А я когда-то работала киномехаником — кем я только не работала... Хочешь, прокручу какой-нибудь фильм? Только нужно электричество.

— Дам энергию от кокона. Твое дело крутить.

Какой жуткий, наводящий тоску треск, мутное дрожащее изображение... И это люди называли искусством! Впрочем, должно быть, в оные времена проекторы работали лучше и пленка была новой, с яркими красками, с полноценным звуком. А теперь пробиваются лишь отдельные музыкальные фразы, полуразборчиво лопочет диктор... Похоже, это нечто вроде регулярного обзора городских новостей. Короткие эпизоды, забавная нарочитость подачи сведений: например, представляя человека, показывают его лицо отдельно во весь экран, а построение того или иного события подчеркивают соответствующей музыкой... Депутаты народного собрания принимают закон об уменьшении срока условного гражданства. Что бы это значило?.. Хотя не столь уже и важен смысл закона. Главное, что здесь правило народное собрание. Спокойные, славные лица мужчин и женщин, у большинства — длинные, до плеч волосы; светлые лет-

ние блузы, смело открытые платья, никакого официоза, стянутых галстуками шей... Неторопливо поднимаются руки — закон прошел, выборным магистратам остается лишь принять его к исполнению... Следующий эпизод: занятие йогой в детском саду... Достижения селекционеров-овощеводов... Публичное состязание поэтов... Ближайшая премьера оперного театра. Батюшки! «Парсифаль» Вагнера! А декорации какие богатые, и актеры молодые, красивы, вдохновенны!..

А это что? Ну-ка, ну-ка, внимательнее, разведчик... Колонна грузовиков входит в приморский город — двадцать, тридцать, сорок машин... Они неимоверно грязны: они надсадно кашляют и бренчат, будто наполненные доверху железным ломом. Над каждым грузовиком колышется брезентовая будка, истрепанная, как парус корабля, совершившего кругосветное плавание.

Передняя трехосная громадина, оглушительно чихнув, останавливается, ее окутывает сизый дым. Водитель, краснобородый богатырь, несмело спускается по лесенке из кабины; потоптался на местечке, точно удостоверения кривыми ножищами в пыльных сапогах прочность мостовой, — и побежал ссаживать с кузова свою многочисленную семью...

Взобравшись на кровлю электромобиля, держа в руках мегафон, новоприбывших поздравляет член городского совета, высокий смуглый старик, похожий на индийского факира. Старик говорит о счастье быть свободным гражданином свободного сообщества; о том, что после недолгого срока условного гражданства переселенцы из Асгарда станут полноправными горожанами. Они получают земельные участки, строительные материалы, а далее — лишь от собственного трудолюбия приезжих зависит, насколько удобными будут их жилища, обеспеченными — семейства...

— Так, господа клансмены, достойные отцы! Вот все и встало на свои места, — громко произнес Валентин, останавливая проектор.

Значит, вероятно, еще до создания Улья был раскол в единственном городе планеты. Уходили из Асгарда те, чью свободолобивую душу не устраивали жесткая власть «Стального ветра», его пустая вычурная словесность. Те, кого не вдохновляли лозунги, многопудовые скульптуры и недреманное око «любимых сыновей» за спиной. Уходили, селились на Южном Роге, может быть, еще где-нибудь, по-своему устраивали жизнь. И побежали по холодной Вальхалле слухи о беспечальной земле, и встрепелась надежда... Но клан не захотел разброда и шатания умов. Надо полагать, первая партия ракет с ядерными боеголовками были изготовлены отнюдь не для штурма силовых полей Улья, которого еще не существовало; ракеты ударили по «раскольникам»...

Валентин случайно взглянул на панель из некогда полированного дерева под окошками кинобудки — и почти без удивления, как нечто само собой разумеющееся, увидел там глубоко процарапанный знак «лежащей восьмерки». Его, Лобанова, и Уве Бьернсона условное детское обозначение, старый-престарый «пароль».

...Они нашли запертую комнату. Рассудив, что она должна быть почище других, Валентин легко, одним движением плеча сломал замок. Здесь было нечто вроде уголка отдыха: неповрежденные уютные кресла, мягкая кушетка и даже телевизор под чехлом из слежавшейся пыли. Сметя пушистые хлопья с сиденья, Урсула облегченно плюхнулась, вытянула ноги, зевнула:

— Тебе не хочется спать?

— Мы можем долго обходиться без сна. Тем более когда дорогá каждая минута.

— Ну а мне надо маленько расслабиться... — Она сбросила сапоги, уютно свернулась, зевнула. — Хотя, правду сказать, и скверное здесь местечко! Странно, что мне вовсе не хочется травки. Когда ты рядом, я не курю. Почему?

Валентин поймал руку, протянутую Урсулой, легонько сжал ее пальцы.

— Ну... считай, что это вроде гипноза. Для твоей же пользы.

Не выпуская руки Лобанова, она вдруг гибко, по-кошачьи потянулась, бросила быстрый взгляд из-под ресниц — и разведчик почувствовал, что волнуется, будто мальчишка, да так, что в глазах темнеет...

— Меньше двух часов осталось до возвращения, — невпопад сказал он.

— Только ты меня заберешь отсюда, ладно? А то ночью здесь нельзя оставаться.

— Я и сам хотел забрать... А почему — нельзя оставаться?

— Нечисто тут. Человек один предупреждал... Кстати, он одну штуковину притащил отсюда. Дай-ка мешок!

Порывшись, она достала небольшую статуэтку, поставила на столик. Серебристый, почти не потускневший металл; женщина с сильным прекрасным телом, с раскинутыми лебедиными крыльями, совсем непохожая на дубоватых архангелов Нового Асгарда.

— Дарю! — с шутливой и немного грустной торжественностью сказала Урсула. — Вспоминай иногда обо мне в своем раю, праведник.

И протянула обе руки с кушетки.

Густая горячая волна исходила от Урсулы; волна затапливала Валентина; и, пораженный, готовый прервать биосвязь под этим натиском обнаженных эмоций, он вдруг ощутил, что теряет голову рядом с этой женщиной, что нет ничего важнее ее...

— У меня грудь, как у мальчишки. Совсем нет.... — прошептала Урсула, закрывая глаза, когда Лобанов расстегнул ее рубашу и поцеловал ямочку под горлом.

ХVIII

А вот здесь, над полным безлюдьем, они непременно попробуют напасть. Убрать еще одного свидетеля своих неприглядных дел, расправы с Вольной Деревней. Вось-

мого свидетеля... Исаев, Перекрест, Эйхенбаум, Хаддам, Стенли, Баянмунх, Бьернсон.

Но что же предпримут «крабы»? Термоядерные взрывы против кокона бессильны, в этом «Стальной ветер» уже убедился. И все-таки Уве они, скорее всего, прикончили. Откуда ждать подвоха? Этак они наловчатся уничтожать всех бегущих проникателей — уже без всяких просьб, без переговоров, без попыток убедить... Пожалуй, разработают целый спектакль: как встретить, как усыпить осторожность, как заставить снять кокон...

...Щемяще-горьким, словно в годы юношеских влюбленностей, было расставание с Урсулой. На предельной скорости антиграва Лобанов отнес женщину в горы юго-запада, где кочевала какая-то знакомая ей община «отщепенцев» — художников, музыкантов, актеров, не желающих работать на клан.

Пройдя по заснеженному камню плато и полюбовавшись своими четкими следами, Урсула сказала:

— Ну, вот, могу продолжать свою картину. Надолго ли еще хватит сил?..

Они бешено целовались среди каменно-ледового хаоса, рядом с пирамидой из глыб — знаком бродячей общины. Потом художница отпрянула на секунду, как бы пытаясь глазами вобрать в себя Валентина, — и, не сказав больше ни слова, не оглянувшись, пошла по снегу, меж диких скал, покуда не скрылась.

Разведчик приземлился неподалеку от места своего вчерашнего выхода из-под силового купола, когда до сигнала оставалось уже менее десяти минут. За незримой стеной чернели узловатые деревья. Ветер хлопотал в развалинах, взвивал холодные смерчки.

Донесся чуть слышный, словно отголоски далекой грозы, рокот двигателя.

Наступило даже какое-то облегчение. Валентин перевел дух и засмеялся, слегка испугав себя звуком смеха. Основательные ребята. Сейчас швырнут, наверное, це-

лую мегатонну... Жутковато, конечно. Выручай, кокон! Максимальное напряжение времяяслоя...

Стыдно сказать, но Валентин искренне жалел, что ему придется иметь дело лишь с безмозглой техникой. Как далеких предков, что выходили в поле с острой саблей навстречу степной напасти, его охватило желание сшибиться с живым врагом. Ах, показал бы я вам, сукины дети! Не паршивый ваш «Божий суд», а настоящий поединок...

В третий раз за последние двадцать четыре часа, гоня поземку, падал на него вертолет. Голубой, изящный, двухместный, с узкими лыжами под брюхом. Один только летчик был виден в пузыре кабины; и был он исполнен не вражды, а горечи и робкой надежды. Точнее, не он, а она, потому что легко прыгнула, сорвала шлем с медно вспыхнувших кудрей наставница трутней, белозубая Ли.

— Я убежала, — сказала она, протянув худенькие руки и тут же робко забрав их назад. — Я не буду говорить много, вы и так все понимаете... без слов... Возьмите меня с собой!

Она прижала кулачки к груди.

— Здесь страшно, страшно, страшно... Я была учительницей в бродячей общине, учила детей. Нашу общину переловили — усыпляли газом, бросали сети. Муж мой покончил с собой... Не могу больше, не могу! Возьмите меня! Я пригожусь. Буду рассказывать вашим ученикам о Вальхалле. Я не займу много места на Земле! Пожалуйста...

— Не могу, милая, — мучась бессилием, ответил Валентин. — Не могу. Наша техника... пока что не позволяет брать больше одного.

Ли опустила ресницы и почти зашептала, стоя с потупленной головой:

— Я обниму вас крепко-крепко... мы будем как один человек... Мне никак нельзя возвращаться, меня отда-

дут психиатрам... пожалейте меня, сударь... пожалуйста..

Она заплакала, уронив голову и руки, похожая на провинившегося ребенка. Она говорила правду. Боль и хаос царила в ее душе.

— Нельзя, — со всей возможной лаской сказал Валентин. — Невозможно. Если я вас возьму, то мы вместе погибнем...

Словно два острых ногтя взяли его за виски. Из параллельной Вселенной послан предупреждающий сигнал. Три минуты спустя откроется тоннель.

— Прошу вас, отойдите! Здесь нельзя оставаться, очень опасно!.. — дрогнувшим голосом попросил он.

Ли отрицательно мотнула головой.

— Все равно... Мне не будет хуже... Останусь с вами.

Ну, мирок! Ну, Вальхалла! Вот, девочка шмыгает распухшим носом, готовая снова разреветься. Как ее бросить?

Почти невнятно, как бы с зажатыми ноздрями, резко и обиженно она потребовала:

— Обнимите меня на прощанье. Хотя это для меня сделайте.

Он уже сделал шаг вперед, чтобы, стиснув кокон в горошину, прижать к себе щуплое тельце с торчащими, как крылышки, лопатками; зарыться в пахучие рыжие завитки, гладить, шептать утешительную бессмыслицу. Весь опыт ласковой, любвеобильной Земли призывал его сделать так. Через две минуты девочка неминуемо погибнет.

Валентин снова вспоминал Уве Бьернсона.

Вот уж кто не колебался бы и десятой доли секунды! Честный, простодушный богатырь, не ведавший зла и не ожидавший его от других...

А может быть, так и было?

На него сбросили водородную бомбу, защитная оболочка выдержала. Тогда вожди клана, постигнув прямодушие и доверчивость Уве Бьернсона, разработали дья-

вольский план. Прилетела вот такая же плачущая девочка, умоляя открыть кокон и обнять ее на прощание. И Уве обнял. И какой-нибудь самонаводящийся гранатомет ахнул из кабины вертолета...

Семьдесят две секунды до Прокола.

Ли стоит все так же неподвижно, уронив руки, уткнув подбородок в грудь. Горе девушки вполне правдиво. Валентин видит его, душа Ли для него прозрачна. Нет в ней никаких ловушек, никакого смертельного подвоха. Может ли исполнительница приговора не знать своего задания? Может ли не ведать о наличии оружия, которое разнесет в прах и ее? Если бы Ли была фанатичкой-смертницей, Валентин знал бы об этом...

...Трудно выдержать. Больно. Недаром слово «жальность» одного корня с «жалю»...

Так, значит, опасения напрасны? И Уве не погиб, а, осмотрев руины Вольной Деревни и оставив другу знак «восьмерки», решил почему-то остаться на Вальхалле? Что делать? Остаться тоже? Продолжить поиск? Невозможно, его ждут... Выполнить хотя бы просьбу Ли? Снять на мгновение кокон?

Словно подломились у нее колени, девушка обхватила невидимую выпуклость защиты Валентина, прильнула к ней впалой щекой... Что-то кукольное почудилось разведчику в этом движении. Что-то мертво-механическое.

Нет уж! Пусть посчитают его бездушным, но кокона Валентин не снимет. Это даже не биосвязь, а нечто наследственное, завещанное теми самыми предками, что на коне, с копьем да саблей выходили отражать набеги коварных степняков. Уве прошлого не любил, закрывал глаза и затыкал уши на сеансах восстановленной истории. И потому оказался беззащитен. А его, Валентина, голос пращуров предупреждал: не рви с прошлым! Смотри в оба, пригодится!

Он, Лобанов, видел разные эпохи. Он отлично знает, как, скажем, в конце двадцатого столетия в звуконепро-

нищаемых стерильных боксах шпионских служб — о, эти аккуратные особнячки в воротниках газонов! — гипнотизеры наращивали агентам личность — личину. Никакой «интенсивный допрос» не выдавил бы из двухслойной памяти настоящую программу агента. Задание. Наверху мог быть слой дружелюбия, верности, влюбленности, чего угодно. Человек вел себя вполне искренне, он ничего не знал о нижнем слое, пока тот не начинал «работать».

Наследство, завещанное «Стальному ветру» оставшими офицерами спецслужб из числа миллионерских телохранителей, было употреблено для борьбы с землянами, умеющими читать мысли...

Все! Живой, сознательной Ли больше нет. Включился нижний слой.

Валентин торопил мгновения, как никогда в жизни. Ему хотелось накрепко, по-детски зажмуриться. Только бы не видеть сосредоточенную, без кровинки в лице, со сжатыми в ниточку губами стеклянноглазую Ли, которая методично пинает ногами и рвет ногтями непроходимый воздух.

На мгновение Лобанова охватила громадная беспричинная радость. Словно опять стал ребенком и впервые прикрепил к груди диск антигравы, и вдруг начал, зажмурившись и крича во всю глотку, падать в небо.

ХІХ

Серебряная крылатая женщина стояла на коричневой шкуре гигантского трутовика. В настоящий момент гриб служил столом. Алия, в одних узеньких плавках, оседлала изогнутый ствол дерева; Валентин полулежал на пружинистом и толстом, как матрац, слое сизого моха, скрывавшем корни.

— Я искренне сочувствую тебе, Валечка! — сказала начальница Станции, подставляя то одно, то другое плечо искусственному солнцу. — Если бы я могла хоть чем-

нибудь возместить твою потерю... Ты ведь не пойдешь на стирание памяти?

— Нет, я хочу о нем помнить, — сказал Валентин столь неприязненно, что Алия поспешила сменить тему.

— Что бы ты предложил колонии Вальхаллы? Общее возвращение на Землю?

— Конечно. Ведь это так естественно! Тут нам будет легко вернуть к нормальной жизни трутней, дать настоящее дело бродягам-интеллигентам. Мы на них не будем давить, дадим статус самоуправяемой территории: постепенно увидят, чьи порядки лучше, кто живет более полноценно, они или мы!...

— Это естественно для нас, но не для твоего клана! — уточнила Алия.

— Что же ты предлагаешь?

— Предлагать будешь ты, Валечка. А я только поставлю вопрос перед Советом координаторов.

— Хорошо, — сказал Лобанов после небольшой паузы; ему пришлось отогнать двух любопытных сапфировых стрекоз величиной с голубя. — Я вижу такой выход. Наладить постоянную связь между Землей и Вальхаллой. Смогли же какие-то гении пятьсот лет назад, сможем в конце концов и мы... Где-то там, на Южном Роге, где у них стояла раньше Вольная Деревня, надо основать нормальное земное поселение — с учебным аш-рамом, с регенераторной клиникой, развлекательным центром и прочим. И пусть приходят кто хочет. Каждому — жилище и работу; но, конечно, никаких каст. Будь ты тряпичник, будь ты излеченный трутень — ты равен в правах любому «отцу», хоть бы и сверхдостоинному.

— Клан начнет бойню, будет истреблять всех, кто пожелает уйти! — предупредила Алия.

— Ну мы их защитим!..

— Как? С оружием в руках? Не имеем права, другой мой. Все эти романы о смелых земных агентах, которых внедряли в средневековое или фашистское общество на других планетах, чтобы изменить там жизнь к лучше-

му, — сказки, и только сказки... Принцип самоопределения каждой нации, каждой общественной группы был священным для нас на Земле — и останется таковым применительно к Вальхалле. Начав с убеждения, мы непременно начнем палить от бедра. Озвереем сами, сломаем хребет чужой истории. Значит, нельзя и начинать. Надо сразу закрыть вопрос об этом, как неэтичный...

— Спасибо за лекцию, — церемонно склонил голову Лобанов. — Но ты согласна хотя бы с тем, что необходимо вытащить остатки этих бедняг из Улья и навеки исключить его?! Когда меня просили об этом патриархи, я отказал: но теперь вижу, что иного выхода нет...

Чуть подумав, Алиа грациозно кивнула:

— Да. Это как помощь утопающим при кораблекрушении. А вот с остальными проблемами — все намного серьезнее и сложнее.

ЧАСТЬ 2

ПРИНЦИП НЕВМЕША- ТЕЛЬСТВА

Прежде чем сказать последние напутственные слова, Валентин Лобанов отошел к окну, выглянул наружу. Вид, которым он ежедневно любовался вот уже три месяца, просто не мог прискучить. Просторный амфитеатр бухты, застроенный с тропической белизной и воздушностью; шапки цветущих рош, пальмовый караул набережной, а за ним — слепящее сетью бликов, густосинее безбрежье. Все объято ленивой предвечерней неподвижностью жаркого дня.

Сильнее, чем прежде, резнуло сердечной болью недоброе предчувствие. Двадцать лет назад проводил он в этот мир единственного друга, Уве Бьернсона; сегодня... Нет. Нельзя поддаваться настроению. Надо выдерживать до конца, таковы условия игры — условия, известные сейчас, пожалуй, лишь ему, Лобанову...

Волевым нажимом подавив тревогу, успокоив железы и нервы, Валентин обернулся к двоим, сидевшим у чайного столика. Вот они, последние выпускники школы, еще не получившие назначения: Войцех Голембиовский и Пауль Ляхович.

Что сказать напоследок? Сильное, проникновенное — такое, что не было бы сказано за месяцы учебы? Многомного дней подряд этих двоих и еще двадцать девять человек, в основном бывших трутней, готовили к сложной и опасной работе в Новом Асгарде, в других городах и

фермерских поселках Вальхаллы. Теперь обученные агитаторы (или, как их здесь называют, проповедники) займут определенные места в обществе, будут служить, получать за это деньги. А в свободное время — собирать людей, неустанно рассказывать о Земле, о Вольной Деревне; спорить, убеждать в преимуществах нашей жизни, приглашать всех желающих побывать здесь или на прародине... Да, все говорено-переговорено, смоделированы тысячи возможных ситуаций. Точно! Следует просто еще раз повторить самое главное. Коротко и четко. «Под занавес», чтоб иглой застряло в памяти.

— Наверное, вы не раз спрашивали себя, — начал Валентин, — почему Земля не ведет агитацию техническими способами. Скажем, с помощью видеофильмов. Зачем рисковать людьми? И вы, я думаю, нашли для себя ответ. Но я попытаюсь кое-что уточнить... — Лобанов налил себе в чашку душистой светлой заварки — он пил зеленый жасминовый чай, — доверительно присел к столу. — Да, личный контакт, душевный разговор действует сильнее, чем любой фильм, это так. Но есть более важная сторона. Мы не намерены вести тайную борьбу с кланом, расшатывать устои режима. А подпольные просмотры, конспиративная передача кассет — это уже формы подрывной работы. Ясно?.. Вальхалла устала от террора спецслужб, мы не хотим провоцировать новые гонения на «инакомыслящих». Пока это возможно, будем действовать открыто. Пусть знают нас, как добрых друзей, как целителей прошлых ран, а не очередных заговорщиков, пытающихся «ускорить» прогресс, не жалея своей и чужой крови...

Как будто бы толково сказано. Оба выпускника сидели, бесшумно прихлебывая чай и жадно внимая каждому слову. Нет вопросов — или собираются с мыслями? Какие они разные, ребята... Войцех, немного щупловатый и моложавый для своих тридцати лет, часто моргал светлыми ресницами, склонив носатую голову к плечу, точно внимательная собака. Смуглый широколо-

бый Пауль, опершись щекой на кулак, глядел хмуровато, испытующе... А глаза у него серые. Такие же, как у самого Валентина... Боже мой, да чувствует ли он что-нибудь?! Снежная пустыня; усыновление Магдой; снова Вальхалла; удача — работа в колене почтаёонов; три месяца в Улье, пять лет реабилитации... Пауль, Пауль...

Встав от стола, словно бы затем, чтобы заварить свежую порцию чая, Лобанов на ходу провел кончиками пальцев по стриженному затылку Ляховича.

II

Пауль на минуту остановился перед лестницей, присел на бетонный барьер и достал сигареты. Отсюда, со склона Запретной горы, был виден чуть ли не весь город. Над головой Пауля вдоль многолетних, твердых, как мрамор, снежных завалов тянулась глухая ограда. За нею, над краем плоской вершины высились угрюмые колпаки подземного арсенала, одиноко белела башня нового вычцентра. Дом Семьи казался тяжелее и внушительнее обычного на фоне светленьких, веселых зданий службы исцеления душ — век бы не видеть этого веселья...

Выступ горы закрывал от Пауля кварталы правительственных учреждений и казарм, зато во всей красе разворачивалась река подо льдом, с недавно вымощенной гранитной набережной. Под тем местом, где сидел агитатор, у опорной стены начинался парапет площади Божьего Суда. Дальше, один другого затейливее и роскошнее, среди голых крон стояли особняки отцов клана, окружая античную колоннаду театра и купол главного зала Единства Духа. Да, горделив и богат был правый берег; но за рекой уныло теснились одинаковые серые общежития трудармии, торчали бесчисленные заводские трубы, и лишь величавый собор, чем-то похожий на храм святого Петра в Риме, являл собою контраст убогой застройки левобережья.

Думая о том, как разрослась столица за годы его отсутствия, Пауль смотрел глубоко вниз, куда уходила лестница. Там стыли в морозном тумане разномастные, разновысокие крыши Нижнего города. Туда лежал сегодня путь проповедника.

Докурив, он стал спускаться по разбитым ступеням.

...Сегодня утром окончились три нереально-счастливых месяца учебы. Пауля, чувствовавшего себя, как приговоренный перед казнью, одели в бесформенный грязно-синий комбинезон, каскетку и тяжелые неудобные ботинки. Вручили ему стандартный бланк — справку о том, что гражданин государства Вальхалла такой-то излечен от последствий электронаркомании и является психологически здоровым. Затем будущий агитатор вошел в фокус Переместителя... и обрел себя у реки, покрытой бугристым льдом, за которой в пелене метели громоздились фасады сумрачного города. Когда-то, в первой своей жизни, Ляхович сбежал от этого холода и уныния в чрево электронного наркоцентра — Улья.

Оборвалась последняя нить, связывавшая с Вольной Деревней, с блаженным миром землян. Перед Паулем светила окнами безобразная бетонная коробка — контрольный пост, и навстречу уже шли двое пестунов. Укутанные в тулупы, прихлопнутые сверху чугунными горшками касок, унтер-офицеры с их мятыми лицами и пропойной мутой в глазах казались злыми карикатурами на настоящих людей, окружавших Пауля в последние годы. Но держались они спесиво. Ибо стал отныне Пауль Ляхович одним из последних в иерархии клана, младшим сыном — рядовым солдатом трудармии. Если он обзаведется семьей, его дети тоже будут младшими сыновьями в составе колена, то есть полка с наследуемыми знаниями. Многолетняя беспорочная служба и угождение начальству могут, если очень повезет, вознести рядового до ранга унтер-офицера, по-клановски — брата-наставника. Но уж старшим сыном — офицером военных или рабочих формирований — солдата

сделает разве что прямое чудо с вмешательством небесных сил...

Выдержав унижительный обыск и получив вид на жительство, бывший трутень побрел снежным полем к мосту на правый берег. Слава Богу, что коллега-проповедник, старший сын трудармии, обеспечил Паулю место наладчика игорных автоматов в кафе...

Пообедать Ляховичу довелось в назначенной ему для жилья казарме рабочего братства. Не менее двухсот человек, в большинстве самого потрепанного вида, грелись тут кипятком, чуть покрашенным эрзац-кофе. Помимо кружки этого сомнительного пойла, Паулю выдали еще кусок несвежей колбасы и галеты — все в счет будущего жалованья... И вот теперь он спускался с горы, по щербатой, усыпанной окурками лестнице — к месту своей будущей службы, в Нижний город.

...Сия двусмысленная и порочная окраина столицы возникла всего пять лет назад, в прямой связи с уничтожением Улья.

Первые годы после визитов земных проникателей клан тщательно раздувал среди населения страх перед «коварной» Землей и ненависть к ее жителям, якобы желающим покорить Вальхаллу сначала духовно, а затем и присоединить ее к своей «империи». Боевой Вождь Вальхаллы Руф Вотан наделил особыми полномочиями спецслужбы, велел им выискивать и карать возможных агентов Земли. Под этим предлогом было истреблено немало людей свободомыслящих или просто неугодных Вождю, а еще большее количество отправлено в каторжные работы. Главная причина массовых арестов не представляла загадки: страну, обескровленную Ульем, можно было возродить, либо дав волю смелой мысли — научной и коммерческой, либо набрав несметную армию рабов. Первое решение являло опасность для «Стального ветра», его абсолютной власти и привилегий. Руф Вотан выбрал второе...

После его смерти железный режим пошатнулся.

В шпионов и диверсантов с Земли не верили уже и малые дети, а рабский труд все-таки не мог заменить передовых технологий. Наступало всеобщее отрезвление. Заводы и фермы дряхлели, дороги приходили в негодность, распределители для низших степеней родства недополучали самое необходимое — продукты, одежду, лекарства... Выстраивались гигантские очереди, расцветала меновая спекуляция. Никакая пропаганда, никакие гипнотические церемонии в залах «единства духа», шабаши на стадионах и трескучие парады не могли более вдохновить народ. Отнюдь не будучи наивными людьми, отцы клана понимали, что со дня на день могут очутиться не у дел, а то и в тюремной камере.

Поэтому очередной Боевой Вождь, память которого теперь чтили не менее чем легендарную фигуру основателя «Стального ветра» — Безымянного, провел ряд крупнейших реформ. Прежде всего он договорился с землянами, приславшими очередную экспедицию на Вальхаллу, о совместном разрушении наркоцентра. Круги Обитания поставили условием строительство на планете суверенного земного города — Вольной Деревни, но Вождь не счел это слишком дорогой платой за излечение язвы, поглощавшей граждан.

После этого клан объявил, что слагает с себя власть и оставляет за собой лишь право пасти людские души. Править же страной, как в давно прошедшие времена, должны выборный консул и сенаторы. Вместо распределения продуктов и вещей согласно степеням родства вводилась денежная система. Частная инициатива, ранее беспощадно подавлявшаяся «Стальным ветром», была исподволь разрешена — правда, в узких пределах: мелкие магазинчики, мастерские ширпотреба, сервисные и посреднические фирмы...

Разумеется, любому трезвому и сознательному человеку было ясно, что клан продолжает диктовать свою волю; что именно он навязывает населению кандидатов в сенаторы, в ранге не менее начальника колена, и не

случайно консулом избран член Семьи, отец-патриарх. Но не так уж много нашлось на Вальхалле сознательных и трезвых людей. А чтобы и в дальнейшем по возможности не пополнялись их ряды, «Стальной ветер» спешно выстроил под самой Запретной горой Нижний город, битком набитый ресторанчиками, игорными домами, борделями и «курильнями» для наркоманов. В техническом отношении это был шаг назад от Улья: зато в политическом...

О да, Великий Преобразователь, Боевой Вождь Алексис Казарофф (родом из русских американцев), знал человеческую натуру... вернее, ее худшие свойства! Нижний город буквально за год-другой стал самостоятельным и независимым организмом. Хозяева притонов богатели: привычка к легким деньгам и дух разврата породили мощную преступность: складывались бандитские шайки, жившие налетами, шантажом и подпольным бизнесом самого извращенного характера; торговцы опиумом или женским телом обзаводились телохранителями, собственной полицией; порою вспыхивали настоящие бои, трещали пулеметы, ухали взрывы, сшибая пеструю развлекательную архитектуру... Лакомые до наслаждений попадали в злачные места; чуявшие молодецкую удаль промышляли разбоем; в нужный момент на воющих транспортерах врывались пестуны, под общий гвалт волокли в тюрьму или попросту пристреливали кого надо, разных там болтунов и вольнодумцев — ах, какой гениальной выдумкой был Нижний город! И Земля ничего не могла тут поделывать, только посылать своих проповедников. Свободные люди добровольно выбрали себе образ жизни, а кому это не нравилось, тот мог поцеловать их в задницу...

В полном сознании трудности поставленной задачи Пауль вступил на тротуары Нижнего города. Кругом царило дешевое, детски-наивное, густо замешанное на пошлости, но все же впечатляющее многоцветье: яркое тряпье в витринах, майки с фосфоресцирующими над-

писями, сигареты попеременно с презервативами, бижутерия среди радиодеталей...

Скоро Пауль вышел на маленькую площадь. То ли случайно, то ли благодаря издевательскому «дружелюбию» клана, именно здесь, на фоне крикливых реклам, был воздвигнут памятник в честь первого контакта с Землей: на высоком постаменте две безликих обнявшихся фигуры из черной бронзы — творение скульптора-авангардиста, одного из тех, кому дозволил самовыражаться тот же великий Казарофф. У ног двух уродов прикорнул третий, вроде бы женской стати, вцепившись в камень длинными суставчатыми пальцами. Пауль знал, что это изображение первой жительницы Вальхаллы, встреченной Валентином Лобановым, бродячей художницы по имени Урсула. Убитая каким-то патрульным среди снегов, эта падчерица общества через три десятилетия сделалась чуть ли не святой и запечатлена в бронзе.

Увернувшись от одинокого грузовика, тарахтевшего через площадь в направлении порта, и дипломатично ответив аборигену с разбитой в кровь мордой, задававшему несвязные вопросы фонарным столбам, — Пауль покинул открытое пространство и снова углубился в кривые, узкие улицы.

Скоро он обнаружил то, что надо, — красную занавеску в окне первого этажа — и позвонил условной серией у обшитой жестью двери с глазком...

После некоторой возни дверь отворил небритый седой мужчина, по земным канонам — отвратительно рыхлый, с волосатым брюхом, выкатившимся из-под майки на пояс теплых рейтуз. Это был хозяин квартиры, водитель дальнорейсовых камионов Михай Георги. За его спиной горел тусклый свет. Было жарко натоплено, пахло табаком и прокисшим супом.

— Здравствуйте, — сказал Пауль. — Я Ляхович. Можно?

Глазенки у Михая были недобрые, кабаньи, будто раздумывал — не броситься ли? Но нет. Помял ладонью

подбородок — щетина заскрежетала, как железная, — посторонился и молча махнул рукой, приглашая.

Пауль вошел, нагнув голову под низкой притолокой. Двое сидели у неряшливого стола. Горела настольная лампа; углы терялись в темноте, лишь белела смятая постель.

Он знал их по голографическим снимкам, по описаниям. Длинноносый узколицый мужчина со смуглой бескровной кожей, почти лежавший на столе, был Педро Кабрера, истопник в меблированных комнатах. Женщина, сидевшая рядом, уборщица из дринк-бара, по имени Эдит, изможденная, страшноглазая, с челкой до переносицы, не выпускала изо рта сигарету в мундштуке.

Эти люди были пьяны — пьяны сумбурным утренним хмелем, когда голова пуста и ясна, а тело движется помимо сознания. Кажется, кто-то еще спал под стеной поверх постели.

Поклонившись честной компании, Паул сел; Кабрера мигом, словно у них было все отрепетировано, налил ему рюмку. К этому агитатор был хорошо подготовлен: в Вольной Деревне ему так изменили работу некоторых желез, что он усилием воли мог нейтрализовать действие любых доз алкоголя или наркотика. Единственное, что для него оставалось непреодолимым, — это отвращение ко вкусу и запаху спиртного...

Михай грузно сел напротив (стул одушевленно взвизгнул), придвинул к себе тарелку и некоторое время жадно и неопрятно ел. «Ужин, переходящий в завтрак», — сказал Кабрера. «Незаметно переходящий», — криво усмехнулась Эдит.

— Ты где поселился? — спросил Михай, наконец отложив вилку.

— В рабочей казарме, на улице Доминиканцев.

— А раньше где жил... до того?

«До того» значило: до бегства в ячейку Улья; до взлома и уничтожения наркоцентра землянами; до возвращения здоровья и разума бывшему трутню в земном

санатории; до того, как трутень вспомнил, что он звался Паулем Ляховичем и был братом-наставником в колене почтальонов; в общем, «до того» значило — в позапрошлой жизни Пауля.

— На Западном шоссе, в самом начале, возле парка.

— Ха-ароший райончик, — уныло сказал Кабрера и завертел головой, ослабляя и без того опущенный узел галстука. — Не последним были человеком? а?

Пауль кивнул.

— А теперь вы осел, и нас будут погонять палкой. «Метаморфозы», сочинение Апулея...

Ляхович грустно подумал — насколько, несмотря на все психотренировки, мало в нем мужества! Вот, не успел приступить к работе, а уже больше всего хочется вскочить и бежать куда глаза глядят из этого логова с его невыносимой кухонно-табачной вонью.

— Знаешь, что случилось с тем, кто был до тебя? — вдруг певуче спросила Эдит, впервые за все время наводя на Пауля свои темные, как жареный кофе, хмельные, отчаянно тоскующие глаза.

— Знаю, — твердо сказал гость, хотя у него споткнулось сердце. Лицо женщины на миг подобрело. Она сделала знак левой рукой, Михай налил сивухи... «Пьет, как воду!» — ужаснулся в душе Ляхович.

— Эт-то хорошо, — сказала женщина, даже не думая закусывать. — Хорошо, что ты такой храбрый. Старуха Эдит не ест храбрых, разве что о-очень проголодается...

— Храбрый! — презрительно фыркнул Георги. — Нам-то что от их храбрости? Мало что тот дурень сам сложил голову, он нас всех чуть не подвел под топор. Оранжево-голубые в сламе с рэкетирами, ради такого случая они перетряхнули все лежки... Может, ты еще хуже напортачишь, а? Что тогда?..

— Не понимаю вас, брат Михай! — собрав остатки воли, заговорил Пауль, и голос его постепенно окреп. — Если вы так нас не любите, то почему взялись помо-

гать? Впрочем, еще не поздно. Я могу встать и уйти, и забыть ваши имена и адрес... — Ляхович сделал паузу; никто не заговорил, не двинулся с места. — Может быть, вы вообще все хотите сделать нашими руками, а сами остаться в стороне? Пусть, мол, земляне или их ученики за нас гибнут, а мы дождемся радостного дня и стройными рядами войдем в царство свободы — так, что ли?

Он перевел дух — и вдруг, неожиданно для себя самого, отважно хлопнул рюмку, зажевал соленым огурцом. Длинноносый Кабрера переглянулся с Георги; тот слегка пожал плечами, и Кабрера любезно сказал Паулю:

— Извините нас, но... брат Мариан оставил по себе такую память; что нас всех до сих пор лихорадит. Вы должны понять...

Пауль кивнул. Он хорошо знал своего предшественника в Нижнем городе, также бывшего трутня, окончившего учебу на год раньше. Чистый человек был Марек Соучек, романтик до мозга костей — жить бы ему в Кругах Обитания, среди себе подобных... Обаятельно улыбаясь, входил он в портовый притон Нижнего города или в гвардейскую казарму. Входил и начинал говорить... С ним случилось то, чего следовало ждать от Вальхаллы, от мира, где царят невращения, пьяная тупость, бешеная первобытная злоба. Пусть отцы-патриархи обещали не препятствовать агитации — это было одним из пунктов союзного договора, — оставалась жуткая уголовно-торгашеская стихия и фанатики-сектанты. Мариан отправился проповедовать в подвал, где собирались гангстеры Нижнего. Услышав, что им предлагают строить мир общего равенства, где каждому доступно любое богатство, «крестные отцы» приняли свои меры. Агитатора привязали за ноги к автомобилю и долго волокли по улицам...

— Да, я понимаю, — сказал Пауль. — Но поверьте,

что случай с... братом Марианом нас многому научил. В том числе и предусмотрительности.

— Ну ладно, давайте к делу, — сказал Кабрера. Пауль немало удивился: весь облик интеллигентного истопника обрел достоинство и даже благородство — не скажешь, что несколько минут назад сидел возле стола потухший, сломанный пьяница, катал хлебные шарики. — Какая у вас программа, с чего начнете?

— С начала, — усмехнулся Пауль, глядя, как Михай откупоривает бутылку, и думая о том, что запах нового пойла не столь отвратителен, как сивушный смрад прежнего. — Нам сейчас важно добиться, чтобы не единицы, а как можно больше людей побывало в Вольной Деревне, на Земле..

— И ниспроверглось в ад кромешный! — сказал из угла тонкий сипловатый голос — ни мужской, ни женский.. Проснувшись, сидел на постели неизвестный Паулю щедушный мужичонка, в комбинезоне трудармейца низшего разряда, почти лысый, обросший цыплячьим пухом вместо бороды.

— Заблудшие! — прокричал мужичонка, потрясая изуродованным указательным пальцем. — Ибо как еще назвать тех, кто по своей воле радостно бежит в пасть дьяволу?

— Значит, ты сюда пришел? — вдруг с холодной яростью, абсолютно трезво спросила Эдит. — Ты хотел первым увидеть проповедника; ты ходил за мной, как теленок за маткой, и просил показать его, — а теперь сначала спишь, как скотина, когда он приходит, а потом блюешь на него своей желчью?

— Я пришел свидетельствовать во славу божью, ибо знал, что увижу посланца сатаны! — выкатывая бесцветные глаза, свирепо просипел в ответ мужичок. Остатки волос его встали дыбом; он казался Паулю смешным и жутким, как цапля в вольере, когда она ни с того, ни с сего начинает топорщить перья и раздирающе кричать.

— Они умирают, как умер Христос! — во весь голос завопила Эдит. Затем вскочила, оказавшись неожиданно высокой и тонкой, словно манекенщица, в своем черном глухом платье, и закатила проснувшемуся звонкую пощечину...

III

Могучий согласный рев плыл над пустыней, приближаясь к озеру в подкове круглых вершин. Места были совершенно дикие: зима, та самая, что встречала еще проникателя Лобанова, — тридцатилетняя зима Вальхаллы превратила озеро в сплошной пласт льда, покрытого многометровым, гранитной прочности снегом; фарфоровые шапки лежали на негритянских головах гор.

Уииу... С истерическим скрежетом, словно толстое железо резали ножницами, передний вертолет налетел на силовой барьер; свернул, чуть не исковеркав лопасти, и завис на месте со всем сердито жужжавшим отрядом.

Семь громадных, как двухэтажные дома, серо-коричневых «королевских питонов» — десантное братство колена авиаторов — поднимали шквал винтами, готовясь к самому необычному из штурмов, о которых когда-либо упоминали хроники «Стального ветра». В кабине флагмана племянник главы братства (то есть адъютант командира отряда) Войцех Голембиовский был сшиблен толчком с ног, по счастью, на мягкую обивку; поднявшись, заявил не без восхищения:

— Вот это котел у ребят! Накрыли все озеро, не подступишься...

— Подступимся, — ровным голосом сказал начальник братства Син Тиеу Самоан. Со своими жесткими раскосыми глазами под краем каски, с рублеными носогубными складками на плоском лице, Син Тиеу казался Войцеху похожим на маску южноазиатского божества-устрашителя (видывал он такие маски в музее Вольной Деревни). Адъютант глушил в себе неприятное чув-

ство — господи, ведь это же Син, родной мой человек! — гнал прочь страх и брезгливость, но не мог унять подсознательного трепета...

Конечно же, не случайно стал Голембиовский, выпускник школы агитаторов, помощником командира штурмового отряда.

Год назад, накануне летнего солнцестояния, над городом землян — Вольной Деревней — разорвалась аннигиляционная бомба. Ее внезапно сбросили с безобидного туристского самолета. Большого ущерба взрыв не нанес — почти всю энергию успели скапулировать и выбросить вон внепространственным каналом. Но двадцать семь землян погибли безвозвратно, их тела были обращены в атомный газ, что сделало невозможным воскрешение. Это была тяжелейшая из трагедий, за триста лет случившихся в Кругах Обитания.

Отвечая на запрос Совета Координаторов, отцы-патриархи сообщили, что ни клан, ни государство Вальхалла не причастны к чудовищной диверсии. Самолет-де был захвачен солдатами взбунтовавшегося братства ракетчиков под командованием старшего сына Дана Морриса, и заряд антивещества тоже принадлежал братству.

Непривычными, прямо-таки дикарскими показались координаторам Кругов уловки старинной дипломатии. На Земле напрочь отвыкли не доверять ближнему.

Невидимая гравитационная супермашина — Восстановитель Событий — распростерла свою линзу над всем Новым Асгардом, запустила щупы — съемщики информации в самые секретные помещения Дома Семьи, в офисы и частные квартиры... и выдала картину недавнего прошлого. Особенно интересным оказался один эпизод. В нем прежний Боевой Вождь Симон Тарг приказывал Дану Моррису создать мнимую сепаратистскую группу войск с целью нанесения удара по Вольной Деревне...

Симон Тарг к тому времени помер, а клан «Стальной ветер» имел похвальную привычку объявлять каж-

дого усопшего лидера носителем всех возможных ошибок и преступлений (в то время как «генеральная линия» сомнениям не подвергалась). Таким образом, нынешняя Семья мигом заклеимила позором прежнюю. И все было бы хорошо, да вот только Дан Моррис заартачился, не захотел вылезать из своей горной пещеры. Наверное, учуял, что в интересах внешней политики отдадут его судьям немилостивым... Делать нечего. Чтобы быть последовательной, Вождь Гизелла фон Типпельскирх послала в горы штурмовой отряд. Вооружить его помогли земляне, возглавил Син Тиеу Самоан. Ну а Войцеха с Сином связывали узы давние и неразрывные...

Голембиовский и Самоан были, разумеется, коренными вальхалльцами: возможно, поэтому, невзирая на все объяснения, а также гипноучебу, они так и не разобрались толком, по какому принципу действуют ВВ — вариаторы вероятности, один из которых висел под потолком вертолетной кабины, словно зыбкое молочно-сиреневое светило:

Земная физика, называемая теперь — мирознание, учила, что каждый предмет находится там, где он находится, отнюдь не с полной вероятностью, но лишь с наибольшей; его можно искать и в другом месте, причем не с нулевыми, а с исчезающе малыми шансами. Вероятность — это не только понятие, но и физическая категория, как, например, пространство; на нее можно воздействовать... хотя б с целью создания нового вида транспорта! Ведь достаточно усилить возможность того, что предмет расположен не тут, а за тысячу километров отсюда, и вы найдете его именно там. Вся эта теория казалась более или менее постижимой; однако чтобы понять, как работает ВВ, наверное, следовало родиться с генетически улучшенным мозгом землянина...

Стараясь не задумываться о посторонних вещах, племянник, как его учили в Вольной Деревне, сел в кресло, положил руки на колени и сосредоточился.

Его мысленный приказ через специальные усилители

(тоже дар Земли) разнесся по кабинам вертолетов, заставив еще шестерых клансменов, выбранных для этого, строго одновременно напрячь свое воображение. Семеро во главе о Голембиовским силились как можно яснее представить себе местонахождение некой точки в горах...

Разом запульсировали семь призрачных лун ВВ. Белое озеро с каймой черных гор разделилось на полосы, точно экран, и в каждой полосе была белая равнина с растянутыми, расплюснутыми горами: затем прорезались вертикальные линии, и в каждой клеточке тоже были озеро и горы...

Так вероятность появления отряда в глухом углу заозерья выросла от наименьшей до предельной; и энергозащита не стала преградой, поскольку не было движения сквозь нее.

Мир вновь соединился за стеклами кабин, за иллюминаторами салонов. Вертолеты, грохоча, стояли на столбах пыли невысоко над каменистым дном затерянной долины — наводка по цели удалась как нельзя точнее. Вот они, квадратные входы в сплошную скалу...

...Да, здесь нас уже не обстреляешь атомными ракетами, как они попытались на подлете, в ста километрах отсюда! Тогда, увидев на блюде локатора катящиеся к центру золотые ягоды, мы впервые пустили в ход ВВ. И даром вспыхивали алые жаркие солнца, плава безжизненный наст.

Теперь успех могут принести лишь внезапность и быстрота. Син Тиеу цепким звериным движением хватает микрофон. Короткая лающая команда — и вот уже откидываются бортовые люки и наземь соскакивают младшие сыновья в пятнистых комбинезонах, в касках горшками, со странным короткоствольным оружием в руках — еще один подарок Вольной Деревни, невиданные на Вальхалле лучеметы... Все давным-давно отретпировано в тренажерах. Не прошло и минуты, как десант разбился на группы, и каждая из них заняла позицию

перед броневым щитом одного из входов. Длинные бело-фиолетовые струи огня ударяют в заиндевевший металл, плавят его... Откуда-то сверху паническая трескотня — спохватились! Бухает замаскированное оружие. Еще раз, еще... Фонтаны снега и камней; двое солдат падают, как сшибленные манекены, — что ж, на то и бой. Ага, мы ответили: оранжевая, быстро багровеющая трасса пробега по уступам, рушатся глыбы и вместе с ними — какие-то заграждения, жалобно кувыркающиеся человеческие фигурки... Знай наших! В распоротые двери вбегают десантники; нарастает усиленная подземным эхом стрельба, бункер озаряется вспышками...

IV

Пауль, сидевший за отведенным ему столиком перед банкой дешевого пива, уже давно поглядывал в дальний угол. Там что-то заваривалось.

Сначала трое бритоголовых парней в клеенчатых куртках просто беседовали с сидящими за угловым столиком, даже как будто чокались и вместе выпивали; потом один из сидящих, губастый масляный мулат, сказал что-то резкое; его смазали салфеткой по носу, пока что салфеткой. Мулат вскочил было, но снова сел, дернутый за руку своей спутницей, хорошенькой встрепанной блондинкой... Похоже, что из-за блондинки и загорелся весь сыр-бор. Должно быть, парни приглашали ее танцевать, а мулат противился...

Возможно, девушка, дружелюбно болтавшая с троицей в куртках, и окончила бы дело миром, но ее кавалер, задетый какой-то репликой, опять взвился и без лишних слов дал ближайшему парню в зубы. Тотчас мулата швырнули через стол, под самую стойку бара...

Пауль все тревожнее следил за дракой. Неугомонный мулат вскочил и, размазывая кровь под носом, пошел в наступление... Ого! Блондинка, впившись зубами в запястье одного из бритоголовых, предотвратила выпад, ве-

роятно, равный по силе удару конской ноги. Ей-богу, это заслуживало внимания. Обычная потаскуха давно бросила бы случайного дружка, особенно если тот уже заплатил за выпивку, а эта даже обороняет, лезет на этих носорогов!..

Видимо, у мулата в квартале имелись приятели, тогда как трое бритоголовых смотрелись чужаками. Пяти минут не прошло, и в «Голконде», заведении Толстого Ялмара, разгорелась настоящая битва. Целая толпа мутузила друг друга под сексуальные вздохи певицы на касете и равнодушное мигание цветных ламп.

Некоторое время Пауль пытался заслонить собой видеоавтоматы, но тщетно. Один из драчунов поворотом могучего плеча так припечатал Ляховича к передней панели, что очнувшись он не скоро — опять-таки помогли обновленные железы, — и встать смог не сразу. Раскалывалась от боли голова: кровь с разбитого виска затекла за ворот и неприятно жгла кожу, высыхая. Пытаясь подняться и вновь опускаясь на четвереньки, Пауль чуть не плакал от зависти к землянам. Тот же Лобанов в два счета снял бы усилием воли любую боль, залечил самую злую рану...

Побоище утихло, видимо, разогнанное пестунами. В кафе было пусто, лишь двое пьяниц у стойки макали усы в поганый синтеконьяк.

Шатаясь, Ляхович, побрел в туалет. Беспокоили зубы: потрогал — нет, вроде все в порядке, целы... Ну, ничего, еще одна такая заварушка, и буду шепелявить. Вам бы самим работать в «Голконде», господа земляне!..

Войдя наконец в замызганный туалет, Пауль немного подобрел душой: около умывальника возилась та самая блондинка. Задрав до пупа мягкое, залитое вином платье, она промывала ссадину под коленом — на сетчатых колготках зияла огромная дыра... Рядом висела ее синтетическая шубка, красная и косматая. Увидев Ляховича, девушка присвистнула:

— Ого! Кто это тебя так?.. Подожди, я сейчас!

— Не беда, потерпим... — Пауль через силу улыбнулся. — Между прочим, здесь есть и зеленка, и вата. — Он открыл дверцу аптечки, подвешенной над рукосушителем. — Дать?

— Ну, ты же и глазастый! — сказала она, принимая пузырек. — А я и не заметила.

— Просто я тут работаю.

Блондинка смешливо фыркнула:

— Вышибалой, что ли? Хлипковат...

— Зачем? Механиком. Чиню видеоигры. Вот, межпланетную войну разворотили твои друзья — чтобы, не дай бог, не сидел я без работы...

Она смазала ногу бриллиантовой зеленью. Потом, оправив платье, повертелась перед зеркалом.

— Так, теперь и химчистка не поможет... трутень паршивый!

Пауля точно в спину ударили. И тут это слово! Откуда, почему, что оно значит?..

— Кто трутень? Почему — трутень?

— Ну, вообще-то так нарков называют, но и психов тоже. А Санди этот — точно больной на голову...

— Какой Санди? Мулат, что ли?

— Ну...

— А я думал, он друг твой. Ты его так защищала... — не своими губами сказал Ляхович. Да, в новом значении, однако, живет словечко. И все-таки при всем безобразии и обклеенном этикетками убожестве Нижнего города какое счастье, что нет больше на планете Улья!..

— Просто не люблю, когда кучей одного бьют. Обязательно вступлюсь. А насчет Санди — так окошел бы он под забором! — сказала блондинка, критически оглядывая со всех сторон свои ноги. — Ты мне и то больше нравишься, даже с расквашенной мордой.

В груди у Пауля разлилось щекотное тепло.

— Может, выпьем чего-нибудь, если ты не спе-

шишь? — неожиданно для самого себя предложил он. Девушка без раздумий кивнула.

— Только не здесь, — уточнил Пауль. — Толстяк не любит, когда его люди сидят в зале. Зайдем в «Монте-Карло» — это рядом, за углом...

— Тогда уж лучше к «Попугайчикам», — сказала она. «Волнистые попугайчики» были заведением довольно высокого разряда, с комнатами на ночь для случайных парочек; туда заходили дорогие «телефонные» девицы со старшими сыновьями клана (разумеется, последние — в гражданском). — Если у тебя мало денег, я заплачу, — без комплексов, ладно?..

Пауль кивнул, чувствуя, что на лицо его просится блаженная улыбка. Надо же, какая встреча, и где? В этом паскудном кафе, в тоскливой, беспросветной зимней ночи! Как это?.. «Луч света в темном царстве...» Появился шанс без особых усилий обрести подружку — недурную собой, самостоятельную, вроде бы неглупую и достаточно чуткую.

На Земле, увы, ему так и не удалось по-настоящему сойтись ни с одной женщиной. То есть были, конечно, любовные встречи, но очень нечастые и главным образом с землянками определенного склада: снисходительно-покорными, матерински терпеливыми... в основном намного старше Пауля. Величественные матроны из сострадания ненадолго пригревали бывшего трутня. Может быть, некоторые из них, в своей непоказной жертвенности, и согласились бы стать сердечными подругами Ляховича на долгие годы — но не выдерживал он сам. Рядом с этими богинями, с их почти врачебной лаской, Пауль казался себе еще более слабым, безвольным и истеричным, чем он был на самом деле.

На улицах было пустынно — в темное время по Нижнему городу старались не ходить. Пылалось, вертелось и стреляло во все стороны разбегающимися цепями лампочек зазывное убранство домов — пестрый хаос, созданные в подражание земным торговым горо-

дам многовековой давности. Но если там потребителю действительно предлагалось изобилие товаров и услуг, то здесь огненную россыпь слагали бессодержательные узоры и похвалы немногим сомнительным изделиям, убогому сервису.

Скоро они уже сидели вдвоем за бутылкой поддельного, пахнувшего нефтью «Курвуазье» в темноватом, тесноватом номере с пыльным фикусом и помпонами на плюшевых шторах. (Ночь в «Попугайчиках» стоила безбожно дорого именно благодаря стилю «ретро».)

Узнав, что новообретенный дружок провел годы на «параллельной» планете, девица (ее звали Сильвией) не то впала в игриво-капризный тон, не то вправду скуksилась:

— А-а, там у них клево, разные омоложения, а здесь хоть вывернись — ничего, кроме вонючей косметики, от которой на коже язвы!..

— Кто же мешает? Давай на Землю, там всех принимают!

— Не хочу, — с хмельным упрямством мотнула она растрепанной головой. — Пускай меня тут на нож посадят, не хо-чу!..

Пауль насторожился:

— Это еще почему?

— Да черт его знает... А зачем ты спрашиваешь? Вербовать, что ли, собрался? Вербовщик?..

— Глупое название и неправильное. Никто никого не вербует. Да, я проповедник, я могу предлагать, отвечать на вопросы, рассказывать о жизни землян, но уговаривать или завлекать кого-то — зачем? Народу в Кругах Обитания и так хватает...

— Ну, может, пригодимся для разных там опытов? Как кролики?

Ляхович снисходительно усмехнулся, решив, что сердиться тут пришлось бы каждую секунду.

Девушка медленно встала, обошла вокруг столика.

— Ну, все, хватит дурью маяться! — Лукаво улы-

баясь, Сильвия села верхом на колени Пауля, обвила руками его шею. — А так на Земле — делают?

Проповедник только вздохнул.

— Вот именно, — назидательно сказала девушка, подбирая повыше платье. — Между прочим, потому и не хочу на Землю, что там все слишком правильно, как в школе. А тут я хоть и бедненькая, и грязненькая, да зато своя собственная и делаю, что хочу!..

В конце концов их вещи были разбросаны по всей комнате; и сами они, узнавая друг друга, побывали даже на подзеркальнике; и Сильвия уснула, по-детски уткнувшись в грудь Пауля и доверчиво посапывая; а он лежал, чуть дыша, боясь пошевелиться, хотя ему давно надо было бы встать, да и висок будто железом припекали...

Забылся лишь под утро, но скоро его разбудила пронизывающая сырость. Рядом не было никого; на улице дул мокрый ветер, слякоть сочилась в комнату.

Вскочив, он дернул дверь санузла... Не было в номере Сильвии; не было ни трогательных ее вещичек, отделанных машинным кружевом, валявшихся ночью на креслах, ни сапожек со сбитыми каблучками. Остался лишь легкий запах косметики, сладковато-щемящий, грустный.

Не было Сильвии; ни записки от нее, ни знака, ни следа.

Обхватив руками голову, Пауль глухо, обиженно застонал.

V

Син Тиеу встретил адъютанта, сидя у стола с пером в руках. Желтые тигриные глаза его под выпуклым лбом смотрели тоскливо. Откозыряв по уставу, Войцех присел на край жесткого стула. Более чем когда-либо командир пугал Голембиовского — своей цельностью, непоколебимостью, оливковым лицом-маской; скрытностью, недоступной европейцу; даже этой звериной тос-

кой, способной содержать любую угрозу. Но вместе с тем было пронзительно жаль Сина. Как тогда, много лет назад, когда маленький Войцех оставлял шоколадные конфеты для отцовского механика-водителя...

Юность Син Тиеу прошла в «колоне Кришны», на следственном полку для выходцев из Центральной и Южной Азии. Официальная пропаганда называла полк большой семьей, твердила, что там царит братская любовь. На самом деле «желтым» в колоне присваивали родственные степени не выше брата-наставника; все офицерство состояло из белых и отличалось редкостной жестокостью. Син Тиеу терпел побои от белых «сто процентных» клансменов, чистил им сапоги, отдавал лучшую часть своего пайка и посылки из дома, чтобы не забили насмерть... а может быть, делал и более постыдные, ранами оставшиеся в памяти уступки развращенным негодяям. Позднее Самоан стал прекрасным механиком-водителем танка, проявил незаурядный талант на уроках стратегии. Это был тот редчайший случай, когда плебей мог бы сравняться по рангу с родовитыми детьми «Стального ветра», получить степень старшего сына или даже отца... если бы у плебея была белая кожа!

Впрочем, по меркам «колена Кришны», Сину и так безумно повезло. Его взял личным механиком-водителем дядя, то есть заместитель начальника колена, Станислав Голембиовский, по прозвищу пан Стась. Дядя, знаток героических легенд, изображал магната времен Ягеллонов, носил лихо закрученные усы, устраивал пиры со стрельбой из танковых орудий и поминутно клялся честью шляхтича. Он всерьез полагал, что высшая награда за усердие для любого из подчиненных — это кубок вина из «панских» рук: ну а провинившимся не жалел зуботычин... Самоан испытал на своей шкуре даже пряжку от офицерского ремня. Жалостливый сын и наследник пана Стася, малолетний Войцех, залечивал бальзамом кровавые ссадины на плечах и на шее механика — тайно, в самом дальнем сарае отцовского име-

ния, потому что и наследнику влетало под горячую руку... Терпя боль, Син не стонал и не плакал. Лицо его всегда было неподвижно. Только в присутствии Войцеха едва заметно теплел взгляд.

Когда Войцеху исполнилось семь, отец его умер вполне героической смертью, отморозив спяну обе ноги. Самоан вернулся рядовым в «желтое» братство водителей средних танков. Единственной отрадой, светом в окошке оставалась дружба Войцеха... Вероятно, никогда не вышел бы бедняга из ничтожества, если бы не мятеж Дана Морриса.

Заклячая договор с патриархами о совместном штурме Небесных гор, Вольная Деревня поставила условие: командир экспедиции и его ближайшие помощники будут тестированы земными методами. Обычай «Стального ветра» — поручать самые ответственные посты и дела дряхлым штабным полководцам, кои «заслужили» высокие ордена лишь тем, что удосужились прожить круглое число лет — этот обычай землян не устраивал. Был объявлен конкурс. Узнав о нем, Син Тиеу сам явился на компьютерные испытания — и был признан наилучшим кандидатом в командиры штурмового отряда. Согласно договору Гизелла фон Типельскирх немедленно утвердила «азиата» в этой должности, пожаловала степенью старшего сына. Но и великая, неслыханная в истории Вальхаллы удача не смягчила застарелой ненависти Син Тиеу, не залечила раны памяти...

— Вот и все, старина, — сказал Самоан, бросая авторучку. — Завтра утром кончатся твои мучения. Мы идем на столицу.

Войцех, давно ожидавший этих слов, тем не менее внутренне поежился.

Он, конечно же, был растроган, встретив в Вольной Деревне Самоана, с которым расстался еще в студенческие годы, сбежав под гостеприимную сень Улья. Но, когда после выпуска из школы агитаторов предложили Голембиовскому стать адъютантом в штурмовом братст-

ве Син Тиеу, велев при этом помалкивать и не агитировать солдат, — бывший трутень крепко призадумался. Значит, не доверяет Вольная Деревня желтокожему танкисту. И не один «открытый диалог» на уме у дальновидных землян...

Затем с помощью вариаторов вероятности Син Тиеу благополучно «вскрыл» горный бункер мятежников, а самого Дана Морриса в наручниках отправил на суд Семьи. Но вместо того чтобы отдать приказ о возвращении вертолетов, командир непонятным образом медлил. Братство которую неделю сидело в бункере, наливалось спиртным. И вот — кажется, раскрываются карты...

— Ты знаешь, — как ни в чем не бывало сказал Син Тиеу, — сначала я решил одно. Пугнуть достойных отцов ракетами. Ну, может быть, поразить один-два города средней величины. Для острстки. Они бы не ответили залпом. Они понимают, что Новый Асгард как на ладони. А мы здесь, под толщей гор, неуязвимы. Но потом я понял: старуха побежит за помощью к землянам. Мы останемся в дураках.

«Один-два города средней величины», — назойливо прозвучало в ушах у Войцеха. Один-два города. Триста-четыреста тысяч сожженных заживо, облученных, искалеченных, похороненных под развалинами. И он бы сделал это, не моргнув, если бы счел полезным для своих целей. Один-два города... Кошмарная какая психика, не европейская... Ерунда! Что, Гиммлер не европеец? А полковник Тиббетс* — не англосакс по происхождению? Не в расе дело... Тебе-то уж стыдно быть расистом, либерал, просвещенный человек!

...Тогда, много-много лет назад, студентом, Войцех давал Син Тиеу читать Платона. Но давал и Макиавелли. Читал Самоан Ленина; но штудировал и труды Мао Цзэдуна...

* Тиббетс — командир самолета, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму.

— Ничего бы ты не поразил, — для собственного успокоения сказал Войцех. — Вольная Деревня...

И вдруг умолк, потому что понял, как глупо прозвучит эта фраза.

— Вот именно, — сказал командир. — Деревня и пальцем не шевельнет, если старуха не побежит жаловаться... Право на самоопределение. Невмешательство. Уважение к чужой истории. Они трубят об этом на каждом шагу.

— Но... дали же они нам свои ВВ?

— Опять-таки дали нам, по просьбе нашего правительства, а не сами полезли в кашу. Есть разница.

Немного посидев с опущенными долу глазами, Син Тиеу добавил:

— Земля не хочет марать руки? Может быть, она и права. Нельзя разрушать сложившийся образ. А я не землянин. Руки испачкать не боюсь. Они и так уже и в дерьме, и в крови...

— Ладно, — полностью овладев собой, примирительно сказал Войцех. — Что же ты собираешься делать?

— Играть по самой крупной, — ответил Самоан. — Я не выпущу ракеты. И не только потому, что опасаясь жалоб Гизеллы и вмешательства землян. Ракеты — наше, местное оружие. В глазах людей я буду выглядеть просто террористом. Узурпатором власти. Придется много сил потратить на усмирение... Я думал все эти дни. Рассчитывал так и этак. И пришел к выводу: разгром клана должен произойти по-другому. Так, чтобы стало ясно: сами Круги Обитания уничтожили «Стальной ветер». А некто Син Тиеу Самоан — только их посланник. Вершитель воли.

— Но... как ты это сделаешь?

Син Тиеу встал. Заложив руки за спину, стал мягко расхаживать по кабинету, вырубленному в скале. Говорил как никогда тихо, доверительно. Войцех замер у стола, ловя каждое слово.

— Понимаешь, я давно об этом думаю. Думаю, по-

чему человека так трудно воспитывать. Делать добрым, честным, благородным. Дашь ему мало — озвереет от нищеты, от зависти. Дашь много — пресытится, закапризничает...

Он резко остановился, поднял указательный палец.

— Однажды будто свет блеснул. После твоих книг, кстати. Биологические потребности! Слишком они сильны в человеке. Для зверя инстинкт — единственное руководство, ему не из чего выбирать. Самосохранение, тяга к сытости, половое влечение... А человеку разумному, культурному эти потребности мешают. Недаром во всех священных книгах мира сказано: обуздывай плоть! Вот я и подумал: отчего так неодолимы телесные надобности? А оттого, что каждой соответствует зона в мозгу. Поступил, как природа велит, — тебе хорошо, сладко. Пошел против — мозг бьет тревогу, страдаешь...

Голембиовский слушал с возраставшим недоумением, еще не понимая, как эти неуклюжие рассуждения танкиста, начитавшегося популярной литературы, соотносятся с тем кровавым, что задумал Самоан. А тот продолжал, увлекаясь:

— Отсюда идея: сделать так, чтобы эти мозговые зоны включались от совсем других поступков! Скажем, помог ближнему в беде — ощутил наслаждение, как от хорошего обеда; выполнил работу для общества — будто провел ночь любви... Когда ты добрый — тебе хорошо. Когда злой — больно... Спросишь, возможно ли это на практике? Отвечу: да, возможно. Находясь в Вольной Деревне, я дал задание киберпомощнику. Есть готовая схема перестройки нервных связей. Можно спокойно программировать регенераторы...

Он сел напротив оцепеневшего Войцеха, положил руку ему на колено:

— Ты и запрограммируешь, товарищ революционный комиссар Нового Асгарда! Тебе, брат, доверяю создание людей нового типа... Что, не рад?

...Вот оно, значит, что накапливал в памяти молчали-

вый «азиат», тайком от спесивой пани Голембиовской похаживая за книгами к Войцеху, слушая разъяснения студента по ключевым вопросам бытия! А студент, чванясь своими познаниями, соловьем разливался о любви и долге, о Боге, справедливости, истине... И о том говорил, что эволюция земная по отношению к разумному существу все, что могла, уже совершила, и теперь лишь постылым грузом для духа становится тело с путаницей темных инстинктов...

Для Войцеха, богатого наследника, намеренного жить изящно и утонченно, была эта тема лишь пьянящей игрой ума. Для мрачного, изломанного Самоана, по-собачьи привязавшегося к ласковому барчуку, идея природного несовершенства человеческого стала бикфордовым шнуром, много лет горевшим во тьме.

И вот — сокрушительно взрывается мина! Завтра сработают равнодушные вариаторы вероятности; «королевские питоны» материализуются над Домом Семьи. Ужас омертвит столицу, войска клана будут бессильны против возникающих из ничего и в никуда исчезающих солдат Син Тиеу...

Вмешается ли Земля, когда новый диктатор перебьет всех в Доме Семьи, расправится со столичным гарнизоном и начнет строить регенераторные центры, чтобы потом сотнями тысяч гнать туда людей — кроить из них ангелов? Что предпримут Координаторы, услышав, как в краю нейрохирургического равенства сводные хоры запоют осанну Преобразователю, сделавшему поцелуй — скучным, а бесплатное рытье канала — сладким, как поцелуй?..

Что бы там ни было — кошмар надо предотвратить...

— Ладно, — командир усмехнулся так, будто улыбка стоила ему физического усилия. — Иди, дружище, спать. Можешь даже принять снотворное. Завтра у нас тяжелый день.

Машинально пожав руку Син Тиеу, Войцех вышел, притворил за собой массивную стальную дверь. Все кру-

гом спало; мертвенно горели дежурные плафоны в начале и в конце пустого коридора.

...Как это ни больно, но бывшего отцовского механика-водителя, одинокого, обиженного людьми «азиата», тайком пробиравшегося в комнату своего друга-студента, — этого человека придется запереть в прошлом и любить, как дорогого покойника. Нынешний Син Тиеу к нему отношения не имеет...

Ступенями, вырубленными в скале, Войцех решительно свернул к верхним горизонтам убежища, где был ангар вертолетов.

...Вот она, бронированная камера, похожая на автофургон, скромно стоящая в тылу «королевских питонов». Ее освещает прожектор; перед ней выхаживает особый часовой, и царапанье подков на его каблуках при резких поворотах разносится по всему ангару... Вот она, гладкая серая коробка с округленными углами. Там, внутри, плавает колышущаяся, словно желток в воде, двухметровая луна, и сиреневые полосы катятся от ее экватора к полюсам. Стали единым невещественным телом, слились до поры вариаторы вероятности. Что переживает, о чем думает в темноте, в одиночестве это раздельно-слиянное диво, ни машина, ни живое существо, которому и определения не подберешь в языке Вальхаллы?..

Повинуясь жесту Голембиовского, солдат набрал цифровую комбинацию замка. Отползла створка. Тамбур. Зажигается лампа. Опять кнопки с цифрами — код знают только офицеры... Ну, скорее! Сезам, откройся!..

Нежные отсветы, словно от ручья в лунную ночь, легли на лицо адъютанта. Он сосредоточился, как можно яснее представляя себе центральную площадь Вольной Деревни. Прежде всего много солнца и хмельного, молодящего морского воздуха; затем — дома в стиле помпейских вилл, одноэтажные, с изящными портиками, сплошь увитые виноградом. Между ними — обелиски кипарисов, расточительно цветущие магнолии... Выше по склону бухты — дымчатый хрусталь регенераторной клиники,

кружащиеся световые плоскости над входом в Тоннель Связи, пучок сталагмитов — информкомплекс «Земля»; «Мир детства», похожий на все сразу: на коралловый куст, на бабочку, на раковину стромбуса... А посреди площади, небольшой и уютной, — парящая без пьедестала серебристая статуя. Крылатая женщина, сильная и прекрасная, отведя назад обнаженные руки, рвется в смелом прыжке-полете к зеленоватому солнцу над заливом...

Войцех поднял веки, согретые ласковыми лучами. ВВ сработал безупречно. На рукав адъютанта, украшенный нашивками, упал розово-желтый, побуревший с краю лепесток магнолии.

VI

Перед Лобановым трепетал светом и красками видеокуб, объем пространства, будто бы выпяченный сквозь стену комнаты. Луч видеолокатора с гравиплатформы, незримо подвешенной над центром столицы, двигался по улицам и дворам: соответственно менялись картины внутри куба. Когда что-нибудь особо привлекало Валентина, он давал увеличение. Такие осмотры происходили сейчас каждый день, а то и чаще.

Вот локатор наехал на многолюдное сборище. Угол набережной Славы и бульвара Воссоединения. Икра голов, блестящие крыши автомобилей, оранжево-голубые вьющиеся стяги — а рядом серый, грязный лед Эридана. Стоит среди толпы массивная желтая машина — инкассаторская. Такие броневики используют для перевозки больших сумм. Спрашивается: почему она битых двадцать минут торчала на углу бульвара, без водителя и охраны?

Предельное укрупнение. Молодцы с оранжево-голубыми кокардами и нарукавными повязками дружно ломают двери броневика. Взлетают дымки — пущены в ход взрывные сверла, их случайно с собой не захваты-

вают... Вот и все. Новенькие, обандероленные пачки денег перекачывают из нутра машины в чемодан. Дело сделано...

Валентин смотрел, не отрываясь. Мысли торопливо нагоняли одна другую. Какая страшная дрянь — архангелиты... Самая реакционная, самая злобная и безмозглая часть населения. Кто у них во главе? Бывшие псалмопевцы Вотана и Тарга, «дозволенные» писатели, вдруг оказавшиеся бунтарями и народными трибунами; ученые, твердящие об особой, избранной судьбе «народа Вальхаллы», о необходимости разрыва с «земной империей»; темные торгаши, уstraшенные призраком всеобщего изобилия, близкой потерей власти; восторженные юнцы, психопаты, прямые гангстеры... Не стоя воронов слеталась! От подпольных сходок быстро перешли к открытым митингам, а затем и к погромам.

Пестуны, в порядке «демократизации», лишь маячат поодаль. Разве что навесили им дубинки и придали бро-неавтобусы. Так было и во времена расправы с Марианом... Кто-то на самом верху бросает подачки этой своре. Ах, какая удобная штука — волеизъявление масс! Отцы-патриархи могут свято блюсти все пункты и подпункты договоров с Кругами Обитания. Чтобы убить, ограбить, поднять смуту, затеять любую провокацию — есть оранжево-голубые...

Правда, имеются еще и «зеленые», но они пока что действуют довольно робко. И Совет координаторов не спешит допускать их к нашим щедрым сосцам. Остаемся высоконравственными, м-да... Трудно землянам решить-ся проливать кровь даже в безусловно благих целях и чужими руками.

Луч локатора двигался дальше по Новому Асгарду, высвечивая то рыночную площадь, то заснеженный парк, то хмурые корпуса завода...

Сердце ныло не переставая. Поиск, хотя и не слепой, но какой-то суматошный... А воображение в который раз рисует одну и ту же картину. Сплошной слезавшийся

до каменной твердости наст — от горизонта до горизонта. Сыплется из низких туч снежок — и по свежей, влажной пороше бредет беременная женщина с рюкзаком, стараясь оставлять четкие следы. Такой она была, бродячая художница Урсула, однажды волею случая и жаркого взаимного порыва соединившаяся с Валентином в заброшенном доме, среди руин старой, разбомбленной Вольной Деревни... Отрезанный гранью иного пространства-времени, не знал разведчик, что встреча та принесла плод. И лишь много лет спустя, когда экспедиции на Вальхаллу стали обычными, почти случайно услышал Валентин отчет одной десантной группы — о найденном в снежной пустыне трупe женщины, судя по всему, убитой патрульными клана; о мальчике, прятавшемся в сугробах неподалеку от мертвой матери... Повинуясь неясному чувству, затребовал он голослайды с места находки. Да, то была Урсула... Мальчишку десантники забрали в лечебный центр на Землю. Лобанов поинтересовался генетической картой семилетнего Пауля. Компьютер подтвердил: Валентин нашел собственно-го сына...

Узнав правду о Пауле, он испытал некий странный стыд. Современники Лобанова не очень стеснялись мнением окружающих — внутренняя свобода была полной, — но все же... Валентин был известен, как человек вполне одинокий. Его романы были коротки, что и подобало разведчику, не рискующему заводить семью. И вдруг — тайная связь, ребенок, прижитый во внесемелье... Друзья бы поняли. Но он пока не мог решиться.

Покуда Валентин колебался — усыновлять, не усыновлять, — настало время новой, смертельно опасной экспедиции. Для проникателя миновало несколько биологических суток — на Земле же прошло свыше двадцати лет. За это время Пауль был усыновлен одной из медсестер лечебного центра, Магдой Ляхович; но отношения с приемной матерью не сложились, после учебы

юноша отправился на Вальхаллу, где и попал в конце концов в недра Улья...

Чем больше проходило лет, тем труднее становилось Лобанову признаться в своем отцовстве. Боязнь осуждения людского усугубилась: а ну как спросят — о чем думал раньше, почему допустил, чтобы родной сын стал трутнем, едва не погиб?.. Лишь одно сделал Валентин, чтобы Пауль был поближе, — взял излеченного электронаркомана в школу агитаторов. А теперь терзался тревогой, разыскивая его в нездоровой сутолоке Нового Асгарда... Черт знает что творилось в городе. И все-таки сверхчуткая земная интуиция подсказывала направление.

Луч локатора приближался к стадиону.

...Сильвия исчезла бесследно. Пауль, конечно же, не был ни настолько богат, ни настолько значителен в обществе Нового Асгарда, чтобы устроить широкие поиски; ну а к землянам он стеснялся обращаться со столь легкомысленной просьбой, да и они вряд ли пошли бы навстречу. Шутка ли — пускать в ход чудовищный Восстановитель, накрывать столицу невидимой линзой, чтобы проследить путь уличной потаскушки, выскользнувшей из постели в «Волнистых попугайчиках»...

Ах, глубоко же ранила Пауля эта потаскушка! И не вспомнишь уже, чего в ней было такого хорошего — ну, быстрые руки, умелые губы, шальные кошачьи глаза, запах дешевых духов (топорное подражание «Ив Сена-Лоран»)... Но как это все саднит, и щемит, и не дает спать ночами!

Отвлекала только работа, с каждой неделей все более напряженная. Впрочем, и проповедуя, Пауль не уставал искать, расспрашивать...

Погожим, истинно весенним днем Эдит привела его в славный винный погребок. Собралось человек тридцать: трудармейцы в степени не выше младшего сына или дочери, судомойки из кафе, несколько докеров. Сидела за столиком также компания парней, одетых не-

ряшливо и крикливо, с перстнями и цепочками. Так выглядели шакалы Нижнего города, поживлявшиеся вокруг скоробогачей. Пауль глянул было на них с тревогой — и вдруг встрепенулся.

Перед ним, задрав ногу в двухцветном штиблете, собственной персоной сидел мулат Санди, чудо в перьях, случайный ухажер Сильвии, и синяки на его морде уже полиняли до желтизны.

Тогда, вдохновленный новой надеждой, Пауль заговорил со своей обычной живостью, красочно, напористо; слушая о чудесах Земли, люди оставляли стаканы с вином, иные мечтательно подпирали рукой подбородок.

Уяснив для себя объем автоматизации и кибернетизации в Кругах Обитания, роль универсальной мировой супермашины — Великого Помощника, поднял руку малорослый рябой крепыш с мочальными усами — должно быть, работник теплиц, один из тех честных и тихих, крестьянского склада людей, что в теплую пору, длящуюся семь земных лет, становятся фермерами или арендаторами на фермерской земле:

— А кто же там, извините, хлеб сеет? Тоже автоматы?

— Нет. На Земле вообще отказались от прежней практики — сеять монокультуры на больших площадях, например, пшеницу или рожь. Такие огромные поля истощали почву, вредили растениям и животным, плохо влияли на климат. Сейчас вместо двадцати или тридцати культур, которые разводили наши предки, человек выращивает десятки тысяч. Но только в тех географических зонах, где они дают наибольший урожай. И наилучшего качества. Например, пшеница вернулась к своим истокам — в долину Тигра и Евфрата. Больше ее нигде не разводят...

— И что же, всем хватает? — упорствовал спрашивающий.

Пауль подавил усмешку.

— Ну конечно, всем. Я ведь уже рассказывал про

Всеобщий Распределитель, снимающий квантовые копии с любого предмета. Так что если в мире станет известно, какие вкусные пирожки с яблоками печет ваша жена, они могут сразу появиться на миллиарде столов.

Такие примеры всегда вызывали оживление, смех. Рябой «фермер» воскликнул, утирая слезы:

— Прямо тебе как Иисус Христос, пять тысяч верующих пятью хлебами!

— И двумя рыбами, — строго добавил какой-то знаток Евангелия, но эта поправка лишь возбудила новое веселье...

Удалась тогда проповедь. Паулю долго трясли руки, угощали его «красненьким» и «беленьким», дивились земному житию-бытию. Мулат сам протолкался к нему, распахивая людей, хлопнул по плечу:

— Я тебя сразу узнал, механик!

— И я тебя, — улыбнулся Пауль, чувствуя, как разогнанным поршнем начинает стучать сердце.

— Ну, как твоя «Голконда»? Не похудел еще Толстый Ялмар?

— Раньше все худые сдохнут.

— Это не про нас с тобой, мы двужилые! — загоготал Санди. И, обняв, повел проповедника к своему столу, знакомить с друзьями.

Оказалось, лихие ребята забрели на проповедь с единственной целью: узнать, не требуются ли землянам наемники для шекотливых дел. И подзаработать была охота, и, чего греха таить, поразмяться, размыкать суетливую тоску Нижнего... Не впервые поражала Пауля во многих вальхалльцах эта смесь жестокого, подчас злодейского корыстолюбия — и детской, чистой тяти к приключениям.

Исподволь, стараясь не сфальшивить, Пауль навел разговор на тему о Сильвии.

— Это та блонда, из-за которой мне ободрали фасад? — беспечно осведомился Санди. — А как же, видел, конечно. Теперь к ней не подступись: у оранжево-

голубых круто стоит, называется «невеста архангела». На ихней демонстрации вышагивала со знаменем. Ах ты, думаю...

И Санди доступно объяснил, каковы, по его мнению, могут быть главные обязанности «невесты архангела Михаила».

В тот вечер они нализались как проклятые, не выходя из погребка. Даже злющая Эдит не сумела увести проповедника, и он рыдал на груди у мулата, сокрушаясь о том, что возлюбленная теперь совсем недоступна. «Да ты не скули! — утешал многоопытный Санди, и дружки-уголовники согласно кивали. — Я тебе ее из-под земли достану!..»

Мулат оказа́лся человеком более чем надежным, поскольку не забыл пьяных обещаний. Через три дня он позвонил в «Голконду» и сказал, что ожидает Пауля в кофейне за площадью Бьернсона.

Выпив по чашке эрзац-кофе и прополоскав рот водой, чтобы сбить гадкий нефтяной привкус, они двинулись к остановке рейсового электробуса (брать такси Санди, тертый калач, по соображениям конспирации не велел). Как всегда с опозданием подкатил разболтанный «асгард-лейланд»; люди, успевшие в немалом количестве скопиться на остановке, без всякой очереди ринулись брать двери штурмом... Теснота в салоне была адская: ехали преимущественно трудармейцы, окончившие смену, усталые, пропахшие потом; женщины волокли громадные хозяйственные сумки. Все были раздражены сверх меры, по любому ничтожному поводу вспыхивал скандал с воплями и рукоприкладством.

Наконец, измятые и почти задушенные, отчаянно работая коленями и локтями, Санди с Паулем буквально выпали из вагона. Кругом вздымались похожие на калькуляторы, сплошь стеклянные корпуса исполнительных учреждений Семьи и сената. Чем более громоздким и плохо управляемым становился организм государства, тем скорее множились колена судей и мытарей, писцов

и счетоводов: чиновная должность позволяла урвать кусок пожирнее от скудного общего пирога...

В грязном, запутанном дворе ожидал их помятый красно-рыжий «амбассадор», за рулем сидел дружок Санди, квартирный вор, хлипкий малый, напаяливший стальную каску.

Долгожданные почетные гости, явившись из больших черных автомобилей, приближались решительно и целеустремленно. Было их пять или шесть: длиннородый старец с безумными глазами, полная ханжеского вида матрона под вуалью, еще какие-то стертые типы... Она! Пауль впился зубами в большой палец руки, чтобы не завопить. На прекрасных длинных своих ногах, одетая в строгую черную кожу, шествовала Сильвия: пилотка с плюмажем надвинута на самую переносицу, в такт шагам бренчат ритуальные украшения.

Санди медленно поднял к окну машины штуковину, похожую на небольшой любительский телескоп.

— Закрой глаза! — велел мулат сжавшемуся Ляховичу.

Позднее Пауль узнал, что «телескоп» — это сигнальное устройство большой мощности, применявшееся в полярных широтах, где пелену снежной бури не могли одолеть прожекторы. На близком расстоянии вспышка ослепляла, причем глаза выходили из строя на несколько минут. Убийственной белизны световой взрыв бесшумно ударил из «амбассадора». Санди с Паулем, предусмотрительно закрывшие лица ладонями, под дикие вопли ослепленных выскочили на улицу.

Почетные гости, как и следовало ожидать, корчились на асфальте, держась за глаза: одна только Сильвия все так же шагала вперед, невозмутимая, словно манекенщица на помосте: потрясенный агитатор убедился, что она не моргает... «Биокибер!» — пронеслось в голове. Он не осмелился схватить ее, потащить в машину...

Вслед за этим они услышали топот приближающейся толпы.

Обругав Пауля, Санди дернул его за руку и поволок к «амбассадору», мотор которого был предусмотрительно заведен... Когда проезжали мимо одной из громадных черных машин, в которых прибыли важные архангелы, кто-то распахнул дверцу и принялся палить из пистолета.

Долей секунды хватило, чтобы Пауль узнал стреляющего. Надо же! Тот самый убогий мужичонка с редким пухом вместо бороды, который напал на Ляховича во время его первого визита к Георги. Эдит еще так молодецки хлестнула его по роже, а затем выкинула вон из квартиры. Тот, что обозвал Пауля посланцем Сатаны...

Одушевленно визжа при резких поворотах, «амбассадор» вылетел на площадь.

Но рыжую машину беглецов легко нагнал черный, с притемненными стеклами автомобиль, сверкнул широким радиатором... Не астматическому движку дедовского «амбассадора» было тягаться со сверхмощной турбиной. Долго не раздумывая, преследователь ударил в борт. Пауль успел почувствовать, как необоримая сила ударяет его о жесткий металл, задохнулся от боли, от ужаса перед тем, что мяло его и коверкало, и потерял сознание...

Он обрел себя в кресле, при каждой перемене позы услужливо облежавшем тело, за чайным столом в хорошо знакомом кабинете Лобанова. Из двух высоких, от пола до потолка, окон в некрашенных полированных рамах открывался амфитеатр бухты. А рядом, как в доброе старое время, прихлебывал чай с мятой друг и соученик, быстро повзрослевший Войцех Голембиовский.

— Ну, здравствуй, проповедник! — сказал Валентин Аркадьевич. Он занимал кресло напротив, такой необыкновенно чистый, холеный, с белыми зубами и розовыми щеками, в свободной перламутрово-синей робе — ну прямо сверхчеловек после жителей Нового Асгарда!

Пауль оглядел свою одежду, казавшуюся здесь прос-

то шутовской, нарочито безобразной. Пальто, и без того сидевшее мешком, было прожжено и разорвано, брюки покрыты пятнами засохшей крови... Чьей? Его собственной или чужой?

— Где Санди? — спросил Пауль.

— Кто это?

— Ну, тот, что был на заднем сиденье? И еще один, за рулем, он тоже мне помогал, надо и его спасти!..

Лобанов помолчал, глядя вниз и вертя на столе пустой стакан. Потом сказал:

— Когда тот автомобиль налетел на ваш, тебя выбросило наружу, а их прижало. Обоих...

— Понятно.

— Ну да. Ты же знаешь архангелитов. Канистра горючей смеси, и...

Ляхович зажмурился, представив себя на месте Санди и того, второго, так и оставшегося без имени. Наверное, были еще живы, когда их облили из канистры...

— Несчастливая наша планета! — отпив глоток, подавленно сказал Войцех. — Иногда мне кажется, что над Вальхаллой тяготеет какой-то злой рок... Куда ни сунемся, везде тупики! Сделали главной целью удовлетворение телесных потребностей — получили наркотическую эвтаназию, Улей. Круто повернули руль, занялись идеологией, сугубым воспитанием духа — и вот, пожалуйста, у власти «Стальной ветер», солдафоны, которые раньше стреляют, потом думают... Теперь вроде бы ослабили хватку, дали народу самому разобраться, что ему больше подходит. В результате — пьянство, погромы, «воины черной сотни...». Что делать? Как нам наконец встать на правильную дорогу? Или действительно вся наша колония — какая-то раковая опухоль, и надо ее прижечь поскорее, чтобы не разрасталась?..

— Э-э, нет, дружок, тут ты не прав... — Валентин Аркадьевич встал и заходил по кабинету. Пауль чуть не прослезился, до того это напоминало счастливые месяцы учебы. — Свернули не туда — может быть. Но на-

счет раковой опухоли... Чепуха! Болезненный пессимизм. Ты знаешь, я люблю побродить по прошлому. Иногда становится непонятным — как мы выжили?! Один двадцатый век чего стоит. Пятьдесят миллионов погибло во время разных войн, не меньше — в тюрьмах, концлагерях... Расстрелянные, замученные всякими революционными тройками, эйнзатцгруппами... — Валентин Аркадьевич мотнул головой, будто отгоняя страшное видение. — Но самое жуткое — эти веселые холопы, славившие своих палачей, готовые простить любой террор за колбасу на прилавках... Ладно. Не об этом речь. Главное, нашлись здоровые силы. И — спасли мир.

— Думаете, они найдутся и на Вальхалле? — недоверчиво спросил Пауль.

— Уверен. Ты сам — частица этих сил. И даже твой бедняга Санди, не зная того, был такой частицей. И, как знать, не станет ли Сильвия...

Ляхович поперхнулся чаем, Лобанов заботливо хлопал его по спине.

— Но ведь она... она...

— Скоро ты узнаешь, милый, почему она была такой. Ее вины здесь нет.

— Извините. — Войцех дрожащей рукой поставил чашку на блюдце. — Извините, учитель, но я не верю ни в какие здоровые силы. Если вы не поможете, Вальхалла обречена.

— А как ты представляешь себе эту помощь?

Голембиовский задумался, опустив девичьи ресницы.

— Никакого физического воздействия быть не может, это ты понимаешь, — вкрадчиво сказал Лобанов. — И тотального психического — тоже...

— Боже мой, ну так усыните город, в конце концов! Неужели вам это так трудно!

— Нет, не трудно. Но рано или поздно всех спящих придется разбудить. И тогда архангелиты, даже обезоруженные и поселенные в какой-нибудь резервации, навсегда сохранят мстительное чувство. И они передадут

эту ненависть своим внукам и правнукам; и те рано или поздно поднимут такой бунт, что...

— Хорошо. Не вмешивайтесь сами, дайте оружие верным людям на Вальхалле. Я слышал, есть «зеленые», они за объединение с Землей! — упорствовал Войцех.

— И это не выход, милый. Ты ведь сам очень хорошо знаешь: наше оружие — слишком большой соблазн...

Тяжело вздохнул Голембиовский, поник головой — и оба собеседника поняли, о ком вспомнил беглый адъютант.

— Все равно не верю ни в какое наше местное здоровье. Придется вам либо вмешиваться, либо закрывать Тоннель, чтобы мы тут себя сами, как скорпионы... — Войцех сжал кулак, будто сминая что-то.

Нахмурясь, Валентин смотрел в окно. Неизменно, ровно, как и миллион лет назад, когда предки землян и вальхалльцев руками выкапывали съедобные коренья, — накатывались океанские валы.

— Добро, — сказал он, возвращаясь к столу. — Тоннель мы не закроем в любом случае, это факт... Ну, все! Хватит заниматься мировыми проблемами. Пауль! — Голос Лобанова внезапно стал повелительным. — Я вынужден требовать от тебя — не просить, а требовать именем Вольной Деревни, пославшей тебя в столицу, чтобы ты больше не вздумал проводить подобные безумные акции. Хватит с нас потери Соучека. Хватит!

— Кстати, — немного подумав, тихо спросил Пауль, — кстати, почему вы... не спасли тогда Мариана... вот как меня сейчас? Регенератор мог бы вернуть ему жизнь...

— Мы не следили за каждым его шагом. Не считали тогда нужным, — сухо вато, словно Ляхович затронул неприятную тему, ответил Лобанов.

— А за моим каждым шагом... значит, следите? Почему? Или сейчас за всеми агитаторами такой контроль?

— Пауль, зачем ты!.. — забеспокоился деликатный Войцех. — Вместо того, чтобы поблагодарить...

— Собирайся, — сказал, вставая, старейшина школы. — Тебе через час заступать на смену у Ялмара...

И неожиданно, обняв Пауля за плечи, Валентин Аркадьевич прижался губами к его лбу.

VII

Разумеется, никакого сигнала к старту не было. Внутренним счетом Лобанов поймал нужное мгновение; одернул куртку, выпрямился... Банг! Точно басовая струна лопнула, и человек исчез. Прибой, словно ждавший этого, нетерпеливо захлестнул следы на влажной каменной крошке.

...Они решили выиграть время и потому с помощью своих ВВ перебросили все войнство, вертолеты и ракеты за десять тысяч километров от Небесных Гор, к Теплым Ключам. Хотя и провел Син Тиеу не один месяц в Вольной Деревне, но так и не постиг до конца, что от землян прятаться бесполезно...

Прицел перемещения не был, да и не должен был быть абсолютно точным: Лобанов материализовался в полукилометре от новой базы Самоана, посреди долинки между холмами, по дну которой протекал ручей. С холмов сползал красно-лиловый лес. Туман стоял над долиной, колебля тусклое зеленое светило. Здесь близился закат.

Валентин сделал было пару шагов вперед, когда вдруг увидел патрульных. От дальнего леса шли двое, держась открытого места у воды, — офицер и солдат, в болотных сапогах, туго подпоясанных плащах, в касках горшками: солдат — с лучеметом наперевес.

Раньше, чем могли его увидеть вальхалльцы, с их вдвое более медленными, чем у землян, реакциями, Лобанов отступил за деревья.

Впрочем, жил тут кто-то еще более быстрый... Будто порывом ветра вынесло из зарослей бесформенное смятое полотнище. Оно распласталось поперек русла на до-

роге у патрульных, и Лобанов увидел, что это звериная шкура, покрытая блестящей бирюзово-зеленой шерстью, содранная шкура животного — и больше ничего. Но тут шкура подобралась, вспухла упругим пузырем, и стало видно, что за землю держится она метровыми когтями, похожими на человечесьи ребра, а на переднем конце у шкуры прилеплена плоская голова, вернее — голый панцирный череп. Гроза Теплых Ключей, царапун...

Офицер шарахнулся назад и, не рассчитав движения, упал. Младший брат швырнул длинную слепящую вспышку из лучемета — мимо... Солдат, сделав отчаянный прыжок, заслонил командира собою и выстрелил еще раз.

Могильно-желтые когти взметнулись, крючьями разорвали плащ рядового, пробороздили грудь, живот... Валентин увидел счастливую улыбку на лице окровавленного солдата, глаза, закрытые от блаженства. Можно было подумать, что его не анатомировали живьем, а обдавали струями ионного душа.

Раздумывать и удивляться было некогда. Лобанов сосредоточился, посылая волну разрушающего резонанса... И тварь, уже подгрёбавшая под себя солдата, вдруг заволновалась всем плоским телом, отвалилась, сжимая и разжимая когти. Поблек ясный бирюзовый колер шерсти, во все стороны хлынула пена... Царапун был мертв.

Солдат все с тем же выражением человека, узревшего райские кущи, однако уже неподвижный и холодеющий, лежал, скрючившись, среди мха. Начальник патруля, румяный, отмеченный штабной полнотой, пятился прочь от подходившего Лобанова. Глаза его были колюче сощурены. Вдруг офицер выхватил пистолет из кобуры и, не колеблясь, в упор разрядил три патрона... Валентин, готовый к подобного рода сюрпризам, даже не замедлил шаг, только перестал улыбаться. Отброшенные силовой защитой пули вжикнули по стволам, повалилась сбитая ветвь. Тогда старший брат, опять-таки без тени страха или сомнения, всунул оружие себе в рот...

Да, скверной, по земным меркам, была реакция у вальхалльцев, даже у самых тренированных клансменов. Не слишком торопясь, Валентин отобрал пистолет, зашвырнул его в моховую гущу под склоном.

— Чем горячиться, друг любезный, вы бы мне лучше... — приветливо начал Лобанов и осекся. Обезоруженный смотрел на него с пылкой дикарской ненавистью. Затем, осознав полное свое бессилие, офицер всхлипнул и, ребячески подвывая на ходу, бросился прочь.

Такое поведение крепко озадачивало — не менее чем самозабвенный порыв рядового навстречу терзающим когтям. Тем более что под черепными крышками у обоих патрульных, как легко мог видеть Валентин, царила полная искренность. Солдат был настолько счастлив отдать жизнь за своего командира, что даже не ощущал боли. Офицер, не испытывая ни благодарности к обоим своим спасителям, ни естественного порыва — помочь раненому, горел одним всепоглощающим желанием: выполнить долг патрульного и ликвидировать чужака, явного шпиона. Не справившись, он почувствовал столь жгучий, невыносимый стыд, что не захотел более жить. Все это, конечно, было в духе кланового фанатизма, Священной Хартии. Но настораживала нечеловеческая степень самоотрешения...

Делом секунды было сфокусировать на истекающем кровью солдате энергию Переместителя. Короткий удар ветра встопорщил воду ручья, тело растаяло. В регенераторной клинике Вольной Деревни разберутся и с этой поломанной психикой...

Чтобы не возбуждать новых эксцессов, Валентин перевел свой защитный энергококон в режим «светового обтекания», а потому стал невидим. Так, благополучно миновав контрольные посты и перелетев через проволочные заграждения, посланник Вольной Деревни оказался в овальной, наскоро расчищенной котловине, где стояли войска. Стационарные реакторы были брошены в горах,

собрать полевые Самоан не успел — обходились без силового колпака. Да и зачем был нужен колпак, если ударное соединение спешно готовилось к вылету?..

Среди покрытых джунглями холмов, над которыми курились столбы гейзерного пара, на черном пепле выжженной котловины оканчивалась посадочная лихорадка. Танки грузно въезжали в трюмы вертолетов, солдаты толпились вокруг трапов. Видимо, после бегства и благополучного прибытия в Вольную Деревню адъютанта Голембиовского мятежники отчаянно заторопились. Опоздай Лобанов на пару часов — и вся эта рать обрушилась бы на истерзанный усобицами Новый Асгард...

Син Тиеу стоял в окружении ближних людей у распахнутой кормы флагмана. Мужчины в касках с золотым знаком, в добротных комбинезонах, обвешанные оружием и радиоприборами, сытые и уверенные, рассматривали некую схему на развернутом листе — должно быть, карту обреченного города.

Валентин Аркадьевич мысленно выделил невысокую, плечистую фигуру командира; с яркостью представления, некогда достижимой только для опытных йогов, обвел Син Тиеу светящимся овалом... Все! Больше не существует времени. Пропала суeta людей и машин. Офицеры так и стоят, склонившись над картой, и один из них поражает некую цель указательным перстом. Все! Внутри остановленной микросекунды живут только они двое — мятежный начальник братства и человек из Вольной Деревни. У них собственный темп. Когда бы ни вернулись из него Лобанов и Самоан — прочие даже не заметят, что командир куда-то исчезал...

Сразу все поняв, Син Тиеу медленно повернул голову к Лобанову и сказал — высокомерно и печально:

— Какое дело сгубили, слюнтяи! Что в столице, знаете? Уличные бои, заводы останавливаются. Скоро будет большая кровь...

— Ну да, — охотно кивнул Валентин. — А вы, миротворцы, всех бы успокоили, помирили...

— Думаю, что успокоили бы.

— Вечным сном, да... А впрочем, пофилософствуем мы с вами в Вольной Деревне. Если пожелаете, на моей террасе, за чаем... Ну, продолжайте грузиться, не буду мешать.

— Какие санкции предусмотрены на случай моего отказа? — не шевельнувшись, спросил командир.

— Санкции?.. Этого я не знаю, — честно ответил Валентин. — Но, надо полагать, Совет Координаторов принял... м-м... соответствующее решение.

— Решение! — презрительно усмехнулся Син Тиеу. — Большая загадка!.. Разумеется, совершеннейший гуманизм. Никакой пиротехники! Это вы делаете чужими руками. Вот как нас бросили против Морриса...

— Ничего не поделаешь, мы не можем допустить, чтобы из-за вас события на Вальхалле стали еще менее управляемыми. Между прочим с той же целью мы предложили вам совместно обезвредить Морриса. И вовсе не бросили — вы могли бы и отказаться... Нет! Все выглядит совершенно иначе. Отцы-патриархи обратились к нам с просьбой о помощи...

— О боги! — впервые дрогнул монотонный голос Самоана. — Вам нужно официальное обращение? Чье?! Старой психопатки, называемой Боевым Вождем? Или этих надутых кретинов в орденах?..

— Да, — кротко сказал Валентин. — Нам нужно такое обращение. Необходимо.

— Значит, вы признаете законным нынешнее правительство Вальхаллы?

— Признаем, ничего не поделаешь. Другого пока нет. Если народ свергнет это правительство и изберет другое — лучше, конечно, путем всеобщего голосования, — тогда мы вздохнем спокойнее. Но пока что для нас государство Вальхалла — это высокородная мать Гизелла фон Типпельскирх, консул и сенат...

— А почему бы вам не посчитать наше выступление... народным? — прищурился Син Тиеу.

— Увы! — развел руками старейшина школы. — Вынужден сказать, что у вас нет ничего общего с народом, друг мой. Ни-че-го...

— В самом деле? — Углы рта Сан Тиеу поползли вверх. — Странно! Равенство всех перед законом, конец тирании клана, конец расизма, распределение благ строго по труду — по-вашему, это не нужно народу? Но разве Земля не призывает к тому же самому? Разве у нас с вами не общая цель — коммунизм на Вальхалле?..

— Да, — сказал Валентин Аркадьевич. — Если мы кого-нибудь и боимся, до сих пор боимся у себя в Кругах — так это исключительно вас. Таких, как вы.

— Каких же это?

— Слишком последовательных, дружок. Искренних — а я свято верю в вашу искренность, — искренних и радикальных обновителей мира. Тех самых, которые ради идеи — пусть и правильной, но ведь не абсолютно же, абсолютно верных идей не бывает! — ради своей идеи могут упечь миллионы людей в какие-нибудь общины для перевоспитания, сгубить девятерых на каторге, лишь бы десятый наловчился связно бормотать набор лозунгов. Конечно, у вас более современные средства мозговой обработки, я это понял, — но сама суть!.. Ей-богу, можете обижаться, но по мне — во сто раз лучше старый, глупый, разъеденный интригами клан, чем та безупречная мясорубка, которую собираетесь наладить вы!

— Клан! — Сдержанность начала отказывать командиру: говоря, Самоан комкал снятые перчатки. Лобанов видел бурю в его душе, похожую на багрово-черный вихрь. — Клан уже выкопал себе могилу. За собственные деньги. Прикормил своих убийц. Еще день, два...

— Ну, вы же не станете выручать патриархов. Разве что сделаете состав захоронения более пестрым, свалив туда и архангелитов...

Валентин отшатнулся от жуткой вспышки ярости, излученной Син Тиеу.

— Ладно. Я палач, людоед. А вы? Что делаете вы? Не лезете в кашу?! Хорошо. Они видят, что вы сидите за стеной, и наглеют. Скоро они начнут бросать трупы у ворот вашей Деревни!

— Мы же все-таки не боги, чтобы все предвидеть...

— Вот-вот! Не предвидели! — захлебывался Самонан. — Нет, вы надеялись на другое! Что все побегут к вам... Ошибаетесь! Беглецы — не идейный резерв. Это крысы, трусливые и жадные. Раньше они спасались в Улье, теперь на Земле. Да! Новый Улей! Места хватит всем!..

— Ну, чепуха же, Син... Мы никого не собираемся лишать родины. Отдохнув, подлечившись, все желающие смогут вернуться обратно.

— Ага! И все начнется сначала. Клань, касты, расы, старшие братья, младшие братья. Пока вам не надоест церемониться. И тогда вы вспомните меня. И сами бросите десант на столицу...

— Мы обдумывали такие варианты... — Неожиданно Лобанов спросил: — Вы знаете, сколько времени сохраняется след транспортного средства на траве? Скажем, след колеса или гусеницы?.. Когда-то в ответ на подобный вопрос я засмеялся. Понятно же вроде, что лишь до осени! Весной выйдет из-под снега новая трава, без всяких повреждений... Оказывается, ничего подобного. Один проезд тяжелого грузовика или тягача повреждает травяной покров на десятки лет! Род человеческий подобен траве, Син Тиеу. След грубого насилия не исчезает веками, новорожденные несут страх в генах... Это ли нам с вами нужно?

Помолчав немного, Валентин совсем иным, доверительным тоном добавил:

— Думаете, мне не хочется действовать решительно и быстро? У меня сердце болит за Новый Асгард... Там мой сын, понимаете? Родной сын. Я сам его послал ту-

да агитатором и недавно едва успел спасти от расправы. В другой раз могу не успеть...

Самоан на мгновение притушил ресницами жестокий блеск глаз. Сверхчуткий землянин уловил тихий подавленный вздох, ответ глубокой, смиренной печали... Несостоявшийся революционный комиссар Вальхаллы вспомнил о ком-то, бесконечно дорогом и навсегда потерянном.

— Скоро вы будете рядом с Войцехом, — мягко сказал Валентин. — Без пиротехники. Где-нибудь в березовом лесу посреди Канады.

VIII

Пауль с удовольствием закрыл глаза, поудобнее устроился на подушке. (Недавно Толстый Ялмар, сжалившись над безропотным механиком, сдал ему комнату на втором этаже «Голконды».)

День прошел удачно. На квартире Михая Георги Пауль дал последние наставления рябому тепличнику — тому, что его донимал вопросами после «проповеди» в винном погребке... Тепличник решил пробираться в Вольную Деревню; ему объясняли, как идти по Тропе.

Строго говоря, закона, воспрещающего бывать в городе землян или в самих Кругах, на Вальхалле не было. Это тоже оговорили дипломаты... Но, чтобы выехать, требовалась куча бумаг, и прежде всего — характеристика от районного уполномоченного клана. А старший сын, погоняв вальхалльца по статьям Священной Хартии, мог такой бумаги и не дать. Требовалась огромная взятка... Где взять ее бедному «фермеру»? Таких, как он, или же иных, «неблагонадежных», вообще лишенных права на выезд, выручала тайная Тропа. За выход на нее брали по-божески, и можно было еще поторговаться...

Начинается она в трущобах возле площади Бьернсона, а заканчивается в полутора тысячах километров от-

сюда, в самом безлюдном районе пограничья, в дремучей фиолетовой тайге с незамерзающими болотами. Местность зовется Теплые Ключи: там гниют завалами толщиной в несколько человеческих ростов деревья многих поколений. Только ловкий и мужественный человек может одолеть Теплые Ключи, да и то натершись вонючей мазью, которая должна отпугивать царапунов, рогохвостов, крыланов и прочую нечисть, кишашую среди буреломов. А за самой коварной из подогреваемых вулканическим жаром трясин незримо движутся лучи видеолокаторов Вольной Деревни, поджидая проходящих...

Пожалуй, тепличник имеет шансы дойти. Невзрачен, но крепок. А какие у него зоркие, толковые глаза! Все же есть люди в этом обиженном судьбой стольном граде: есть ради кого рисковать... Пауля больно кольнуло под ребрами — опять вспомнилась Сильвия, самый дорогой здесь человек. Как ее теперь вытащить от этих чертовых сектантов?..

О боже! Пауль так и подскочил в постели. За окном бухнул взрыв, где-то посыпались стекла, завизжали тормоза. Все перекрыл словно бы рев ураганного ветра. Ляхович с ужасом сообразил, что это голос толпы.

В одних трусах он подбежал к окну, распахнул скрипучие створки... Над крышами домов полыхало гнойное зарево, и кто-то надсадно трубил в тысячу глоток.

Он снова вспомнил про оранжево-голубых. И почти сразу, неведомо откуда, явилась уверенность: сегодня Пауль встретит ее. Очень скоро, до конца ночи. Быть может, обновленные железы дарят еще и способность видеть будущее?.. Недолго думая, проповедник бросился одеваться.

Выбегая из дома, Ляхович едва не налетел на Толстого Ялмара. В одной майке и тренировочных штанах, нещадно скребя грудь, толстяк стоял на тротуаре, и промозглая темень не страшила его.

— Что, и у тебя скипидар в заднице? — фыркнул

хозяин, презрительно оглядев Пауля. — Поездить охота с этими козлами?

— У меня дело, — сдержанно ответил механик.

— Хм, дело... — Ялмар оголил ржавые зубищи, похожие на булыжники. — Вот при Руфе Вотане вы бы поорали да походили с флагами! Он бы вас живо пристроил куда следует и по лопате в руки. Ах, нет в стране хозяина, матери вашей...

Не дослушав брани Ялмара, Пауль свернул в боковую улицу.

Он почти бежал, пока не достиг широкого проспекта вблизи набережной — аллеи Всех Святых. Асфальт ощутимо вздрагивал. Масса людей маршировала с факелами по аллее.

Перейдя тротуар, Ляхович замялся у края грохочущего факельцуга. Жутковато было нырять туда. Но чутье звало неудержимо — к ней, к Сильвии... И он шагнул вперед.

— А ну-ка, малыш...

Его придержал пикет, решительные молодые люди с запахом синтепортвейна. Паулю сунули в руки факел, а к лацкану прикололи большой, аляповатый круглый знак: оскаленная рогатая голова с земным полушарием в глазу, с воткнутым в пасть клинком, имеющим вместо рукояти распятие.

Жгучий стыд пронизал агитатора. Какое оскорбление для горячо любимой им Земли! Но делать нечего. Проповедникам древности и не такое доводилось терпеть.

Марш, марш, марш!.. Человека, включившегося в шествие, сразу вынуждали шагать в ногу. Десятки тысяч подошв дружно опускались на мостовую... Архангелиты шли к подножию Запретной горы.

Несмотря на предраассветный час, шла служба в небольшой церкви Сорока мучеников; сквозь высокие стрельчатые окна лилось нестройное пение. Возле храма шествие вобрало в себя буйно вопящую ватагу каких-то

уж вовсе ошалелых парней в белых балахонах, испещренных алыми пятнами — под кровь.

Хмурый, будто отравленный гарью небесный свет усиливался, наполнял улицы, делая все более бледным пламя. Факел Пауля догорел, он бросил обугленную палку. Большинство поступало так же. Вместо факелов поднимались двухцветные флаги. Путь пошел наверх, все круче в гору. Среди бараков, мусорных куч и пустырей начиналось шоссе, ведущее к охраняемой вершине. Над краем склона, на зеленом фосфорическом фоне неба вставали за гладкой стеной уступы гвардейских казарм.

На кой ляд рвутся сюда почтенные граждане Нового Асгарда, что здесь рассчитывают найти, чего добиться?.. К Дому Семьи их, конечно, не пустят. Не хлестнут ли навстречу из амбразур свинцовые струи?.. Пока что Пауля все сильнее донимал холод: несмотря на тепло множества тел, стискивающих его со всех сторон, он окоченел до самых потрохов: особенно задубели ноги. В гору, в гору, все выше и выше...

Ну вот — наконец остановка! Через головы видны Паулю громадные, в три человеческих роста, отливающие синевой створки ворот. Они закрыты.

Сквозь толпу, гудя, проталкивается грузовик. Встал. Несколько человек взбираются на кузов, среди них — кроваво-пятнистые балахоны. Вперед выходит женщина с радиорупором...

Остолбенев на мгновение, Пауль затем из всех сил рванулся вперед — и тут же, приняв порцию кулачных тычков и брани, завяз в людском месиве.

Наглухо упакованная в черный лаковый кожзамени-тель, с грудью, сплошь завешанной блестящими архангелитскими побрякушками, стояла над толпой Сильвия.

Честно говоря, Ляхович не ожидал от своей случайной подружки по номеру в «Попугайчиках» столь гладкой и связной речи. Шире дорогу праведному народному гневу... отпор духовному порабощению... достойные от-

цы-патриархи, ведите нас на бой... закрыть страну щитом веры от зловонного дыхания дьявола... разгромить гнездо соблазна, посольство Зла (да, так они называют Землю!)...

От внезапно нахлынувшей злости Пауль забыл обо всем, кроме содержания речи. Теперь ясно, как белый день: одураченные массы готовы обрушиться на проповедников, на земное представительство: привести к тому, чтобы государство Вальхалла разорвало всякие отношения с Кругами Обитания, скапсулировало, стало «обществом в себе»; чтобы утратило смысл само существование Вольной Деревни... И все это — без видимого вмешательства верхушки клана, в порядке «волеизъявления народа»!

Окончив, Сильвия поворачивается прямо к воротам Запретной горы и взметывает руку над головой. Она ждет ответа достойных отцов. Но нет ответа, и надменно недвижимы стальные, снарядоустойчивые створки.

Ляхович невольно залюбовался напряженно-изящной позой девушки, выгибом стройного тела... И в эту секунду негромко, словно пробки открыли штопором, стукнули первые выстрелы. Пули были резиновые, но лупили изрядно. Подросток в желтой куртке с надписью на спине «Сигареты «Золотой бык», стоявший впереди, с воплем схватился за голову. На лбу его зияла глубокая ссадина. Старушонка в легком не по погоде плаще и голубой пилотке сестры-целительницы, закатив белки, осела под ноги заматавшимся людям...

О Боже! Ляховичу показалось, что он рехнулся от событий этой, уже почти растаявшей в утреннем свете ночи. Наискось вдоль склона, невысоко держась, с запыленным тарыхтением мчался прямо на него древний, Бог весть из какого музея взятый биплан, высокая этажерка с ярко-зелеными пятнами на нижних плоскостях... Нет, не пятна это, а изображения листьев — дубовых, кленовых, каштановых! Серой нахохленной птицей сидел в переплетении распорок летчик с широкодулым пи-

столетом в руке. Оказавшись над грузовиком, он снизился и швырнул гранату. До того как ахнул взрыв и посыпались с грузовика сектантские главари, Пауль успел узнать пилота. В безрукавке из собачьего меха и кожаном шлеме с зеленой кокардой скалился с высоты интеллигентный истопник Кабрера.

Днище кузова заслонило Ляховича от осколков и взрывной волны, только в уши будто вогнали по плотной пробке... Сильвия! Он представил себе ее изорванной горячим металлом, искалеченной — и, не помня более ни о чем, выскочил наружу.

На дороге вокруг шевелились поверженные архангелы. Сильвия полулежала, опираясь на левый локоть, чумакая, но с виду мало пострадавшая, только гнилая блестящая кожа разодралась где только можно. Прочие участники шествия разбегались по склонам, стремясь вниз, к городу. Несколько человек стреляли из пистолетов по биплану.

Не дожидаясь, пока грозный Кабрера швырнет вторую гранату, Пауль подхватил девушку на руки...

Чуть позже, благополучно опустившись по шоссе, Пауль затащил девушку в один из замороженных барачков, где были выломаны двери. Сильвия, перемазанная сажей от факелов и раскисшей косметикой, казалась мертвой, маятниками болтались руки и ноги. Уложив подругу на пол, Пауль кое-как отер мокрым снегом ее лицо. Она застонала, выругалась: открыла закатившиеся под лоб глаза... и вдруг со всего размаха вlepилa Паулю звонкую пощечину.

В следующие несколько минут Ляховичу пришлось умирять разбушевавшуюся девицу. Еще не слишком владея своим телом, Сильвия тем не менее дралась руками и ногами, царапалась, несколько раз пыталась укусить своего спасителя — и непрерывно поносила Пауля, да так, что смутился бы даже портовый сутенер...

Вот и стало все понятно: почему в отрешении, подоб-

но биокиберу, шагала Сильвия на стадион; откуда взялись длинные, гладкословные ее монологи. Гипнарк! Полезная штукенция: вкатил человеку шприц, а потом читай ему вслух хоть всю Библию; запишется, как на магнитофон, и по условному сигналу отбарабанит человек весь текст от корки до корки — что приятно, при выключенном сознании. Одно плохо: коряво отходит гипнарк, и бредом, и мордобоем...

Неожиданно Сильвия точно проснулась после дурного сна. Забавно шмыгнув носом, снизу вверх посмотрела на Пауля — недоуменно, но уже с оттенком кокетства. И засмеялась так радостно и смущенно, что у Ляховича сразу отлегло от сердца.

— Ой, видел бы ты, на кого ты сейчас похож!..

— Сама ведь отделала, чертова кошка! — притворно нахмурился Пауль, ощупывая свежие царапины на лице и шее.

Она снова засмеялась, но уже по-другому... Агитатор зубами скрипнул от внезапно нахлынувшего желания.

— Иди ко мне, дурачок! — сквозь смех еле выговорила Сильвия и расстегнула на своем комбинезоне «молнию» от горла до живота...

Когда они, обнявшись, вышли из барака, стояло уже позднее сырое утро. Целуясь на каждом шагу, Пауль и Сильвия тронулись по пустому шоссе в Нижний город.

Добредя до рано открывшегося винного погребка, они умылись, прижгли свои раны йодом из аптечки; затем Сильвия привела в порядок волосы, и они сели за столик. Ворчливый заспанный хозяин, знавший во всех подробностях события прошедшей ночи, поставил перед ними чашки горячего эрзац-кофе. Хозяин всячески поносил «прохвостов» и «разгильдяев», превративших город в бардак. Оказывается, поход архангелитов не кончился бегством с Запретной горы. Вновь собравшись в районе церкви Сорока мучеников, они зарядились спиртным, разбились на группы по пятьдесят-сто чело-

век и пошли по Нижнему — надо полагать, сводить сче-ты с недругами... Теперь кругом пожары, прогремело уже несколько взрывов, и незадолго до прихода молодых людей в сторону площади Бьернсона проехала колонна грузовиков с солдатами.

Потом хозяин оставил их в покое: они выпили по глотку скверного, но бодрящего пойла и опять поцеловались.

— Да, городишко спятил, — сказала Сильвия и потерлась щекой о пальцы Ляховича. — Надо драпать отсюда куда-нибудь в глушь... На ферму, к черту на рога! Поедешь со мной ты, суженый мой... подарочек?

— Куда? На ферму? — Сильвия часто-часто закивала.

— Только нас там и ждали! — Пауль взял ее израненную ручонку в свои ладони. — Послушай... Я бы с тобой пошел, как говорится, на край света, да толку нет. Спятил не один Новый Асгард — вся эта поганая страна, вся Вальхалла, понимаешь? Хотя она никогда и не была нормальной...

— Ладно! — Она опустила голову. — Я знаю... все, что ты скажешь дальше. Надо ехать в Вольную Деревню, да? Хорошо. Отвези меня туда. Наверное, я имею право на кусочек здоровой жизни... — Сильвия всхлинула. — Хочется быть красивой, и чтобы внутри было все в порядке. Родить сына! Ты мне сделаешь сына?

— Можно и троих, была бы охота! — невольно расплылся в улыбке Пауль.

Хозяин вызвал им такси — у девушки были деньжата, перепавшие от оранжево-голубых. Пауль решил поселить Сильвию пока что на квартире Георги — тем более что там начиналась Тропа.

...Чувство неминуемой беды явилось еще в машине, когда он увидел за углом столб сизого дыма.

Не было больше ни красной занавески в окне первого этажа, ни явочной квартиры, ни самого дома. Обугленные балки, черные дыры оконниц. Кутаясь в одеяла и чудом спасенные шубы, сидели на узлах или бродили

по двору погорельцы. Изрядное число их топталось вокруг чего-то, лежавшего у крыльца.

Пауль подошел. Сильвия зажала рот, чтобы не завопить.

Лицом кверху лежал Михай Георги, голый, с порезами на груди, с обожженными дочерна ляжками, и вместо глаз у него были багровые ямы. Рядом уткнулась в грязь окостеневшая женщина. По черным с седой космам Пауль узнал Эдит. Между ее лопатками была фигурно вырезана полоса кожи — в виде буквы S, первой в слове «Сатана»...

К вечеру положение в столице стало вдесятеро страшнее. Стихия оранжево-голубого мятежа окрепла. К бандам из Нижнего, оравшим и размахивавшим факелами, топорами, самодельными бомбами, скоро присоединились бронетанковые части. Архангелиты, накопившие громадные запасы гипнарка и других наркотиков, легко привлекли на свою сторону солдат, и те, уже не выходя из эйфории, выполняли сейчас любые приказы «святых наставников»...

Пауль и Сильвия видели, как алопятнистые боевики осаждают зал Единства Духа, где раньше проводились «вдохновляющие» собрания клансменов. Здание окружали баррикады. Мятежников поддерживали бронетранспортеры с пулеметами, батарея полевых орудий. У одного из чернокожих автоматчиков, лежавших за мешками с песком, как косой, сбрило кисти обеих рук; другой негр опрокинулся навзничь, в спине у него была дыра величиной с тарелку. Последними защитниками твердыни клана оказались даже не гвардейцы — «любимые сыновья», а младшие дети «колена Лоа», наследственного полка для выходцев из Африки, еще более бесправных, чем азиаты. Видимо, понимая, что в случае победы архангелитов их, черных «язычников», ждет куда худшая участь, чем белых граждан, африканцы дрались с остервенением, не отступая ни на шаг.

Город обезумел совершенно, оставалось одно — пробиваться к вокзалу... У перрона стоял поезд, ходивший в восточные города, к самой границе — комфортабельный 19-й, с открытыми дверями синих обтекаемых вагонов, со спущенными подножками. Час отправления давно миновал: тепловоз пыхтел дизелем на малых оборотах, но не трогался с места. На платформе сидело и расхаживало множество людей — оцепенелых от страха или истерически возбужденных, сторожко дремлющих, замкнутых, плачущих. То ли собрались посетить родню в провинции, то ли скорее попросту удирали из грохочущей, окутанной дымом столицы. Как бы то ни было, но поезд стоял, и машинист празднично курил в своем высоко посаженном фонаре.

Сильвия машинально потянула друга к вагонам: на ее лице появилось блаженно-капризное выражение, как у девочки, требующей лакомство из-за витрины.

— Эй! — окликнул Пауль машиниста. Тот нехотя обернул плосконосое личико под высокой тульей фуражки. — Чего стоим? Ждем попутного ветра?..

— Там эти... — Машинист подбородком боднул воздух в сторону поворота за гору. — Пикет.

— А ну, открывай! — с неожиданным отрешенным спокойствием приказал Ляхович машинисту.

— Чего?.. — осклабился тот.

Вместо разъяснения Пауль выволок из-за пазухи армейский пистолет, полчаса назад снятый с трупа, и направил его в сразу вспотевшую физиономию собеседника. Когда тот отворил кабину, Ляхович посадил на лесенку Сильвию, а затем взобрался сам.

— Не будем ждать диктора, сами объявим посадочку... Ну, живо!

Загнанно сверкая глазом из-под козырька, машинист щелкнул клавишей на приборной доске, заговорил в микрофон: «Внимание! Объявляется посадка на скорый поезд номер девятнадцать, следующий по маршруту...»

— На Землю? — тоном ожидания радостного чуда спросила Сильвия.

— На Землю, — решительно кивнул Пауль, и девушка захлопала в ладоши.

По знаку Ляховича (вернее, пистолетного ствола) машинист дал двигателю обороты; состав лягнул и сдвинулся с места, замешкавшиеся пассажиры опрометью бросились в вагоны. Проводники на ходу поднимали подножки, задраивали двери. Поезд мягко и неуклонно набирал скорость.

Выплыв из-за отрогов горы, из трухлявого редколесья и тридцатилетних снежных завалов, явился поставленный поперек пути автоприцеп. За ним пестрели балахоны черносотенных боевиков. Увидев, что машинист тянется к тормозу, Пауль деловито ткнул его револьвером в затылок.

...Они явно не ожидали такого. Удар! Громада тепловоза смахнула препятствие, только рубчатые колеса мелькнули в воздухе. Сильвия торжествующе засмеялась, зааплодировала. На стеклах появились звездчатые отверстия. Несколько алопятнистых бежали рядом, задрав автоматы. Пауль выстрелил — и с наслаждением увидел, как оседает, катится в канаву мерзостный балахон.

В следующую секунду подаренное Землей чутье подсказало Ляховичу: надо спасать Сильвию. И этого олуха-машиниста тоже, если удастся.

— Тормози!..

Надрывно визжат под полом колеса, сыплются искры. Так. Изрешеченная пластмассовая дверь распахнута настезь.

— Прыгай!

Она не хочет, кричит что-то жалкое и неразборчивое; она боится — за себя или за него? Она цепляется за руку... Не выйдет! Порядок. Катится под насыпь. Ничего, весенний снег рыхлый. Теперь ты... Ну, с тобой про-

ще. Еще раз поднять пистолет. Мешок ты, парень, за-
жирел в кресле тепловоза, тебе только прыгать...

Оглянувшись, Пауль увидел за кабиной боевика с
занесенной гранатой. Редковолосого, шуплого, с цып-
лячьим пухом вместо бороды. От судьбы не уйдешь, да-
же с помощью Кругов Обитания.

Тело, разорванное вдребезги, Великий Помощник не
восстановит.

...Есть еще секунды, чтобы выпрыгнуть...

Вольная Деревня, потом Земля. Долгий, долгий от-
дых. Сентябрь в Карелии. Нет — Тихий океан. Свежесть
бриза. Загорелая, поздоровевшая Сильвия в тени
пальм... Нельзя. Тепловоз облеплен этими тварями, как
сладкая коврига муравьями, — не дай Бог им добраться
до вагонов.

Он потратил последнюю секунду, чтобы нажатием на
клавишу разъединить магнитные сцепы. Сразу отстали,
унеслись к повороту синие сигары; и кто-то, пытаясь
допрыгнуть, позорно плюхнулся на шпалы...

Прежде чем взрыв навеки погасил его сознание, Па-
уль успел только прошептать: «Господи, прими мою
душу!...»

...Горячие, еще слабо гудящие рельсы — через рав-
нину ноздреватого снега, мимо черных лесов, от горизон-
та до горизонта. Трупы в пятнистых балахонах. Глубо-
кие провалы следов.

Валентин не мог оторвать взгляд от расплывшихся
багровых капель. У самых ног горели они. Осталось
только это — и угасающий трепет биополя в воздухе,
точно последняя грустная ласка...

...Упустил. Занятый этим кошмаром в Назарете, спа-
сением десятых «зеленых», облитых фосфором на
мосту, который они защищали, — упустил, проморгал...
Никогда не думал Валентин, что в нем столь сильны от-
цовские чувства. Сейчас, когда... когда он узнал о страш-
ной гибели Пауля, пришлось прямо-таки насиловать

свои железы, пускать в ход всю сверхтренированную волю, чтобы затопить успокаивающими ферментами нервный пожар. Иначе впервые за годы работы в Вольной Деревне увидели бы коллеги разведчика Лобанова рыдающим или оцепенелым в страшном внезапном горе. Он был уверен, что одиночество — его нормальное состояние; что главное в жизни — работа; промолчав в некий момент, когда признание было бы легким и естественным, с каждым месяцем стыдился все больше. Ну чего вдруг он именно сегодня возьмет и скажет Ляховичу: «Я твой отец?» Сенсация на всю Вольную Деревню... Отложим. Успеем... Не успели. Старый трусливый осел! А все же есть элемент мистики в этом сходстве судеб: мать, бедняжка Урсула, следами усталых ног рисовавшая «космическую картину жизни» на снежных пустынях, сгинула от пули пьяного патрульного, и такой же полужверь с одурманенным мозгом разнес гранатой ее сына. Ее и моего... Моего... Держаться, Валентин Аркадьевич!

Начинается великая спасательная операция. Есть поворотные моменты в истории, когда не действуют обычные законы. Когда меньшинство, обуреваемое темными страстями и застарелыми обидами, хочет расколоть выстрадавшее всечеловеческое единство. Да, кто бы что ни говорил, Земля и Вальхалла — едины... В такой момент должна выступить на сцену светлая, мудрая, необоримая Сила. Ей пока нет названия, — но это не деспотизм. Деспотизм гасит светочи умов, рушит культуру — наша Сила борется за высшие духовные ценности. И потому — оправдана.

Лобанов заставил себя отвернуться от кровавого снега и решительно зашагал прочь.

...Не успели еще остыть рядом с железнодорожным полотном капли крови Пауля, когда бешено защелкали затворами алопятнистые боевики, тщетно пытаясь продолжать стрельбу. По всей Вальхалле умолкли пулеметы, орудия, ракетные установки. И захлебнулись танко-

вые моторы, и вынужденно спланировали на снежную равнину бомбардировщики.

По-разному вели себя вооруженные люди. Те из них, кто носил серую или оливковую форму клана «Стальной ветер», с облегчением перекрестившись или иначе возблагодарив божество, строились в колонну под началом старших: боевой долг был исполнен. Люди с зелеными кокардами, рисовавшие листья на своих машинах, радостно бросали оружие, обнимались и горланили здравичи в честь «великого земного брата». Стрелки, нелепо украшенные оранжево-голубыми плюмажами, в бессильной ярости ломали о колено свои автоматы, или перехватывали винтовку, как дубину, прикладом вперед, или просто с воем катались по земле. А в бронированных башнях, бессмысленно улыбаясь, неспособные думать или двигаться, лежали танкисты...

Синий поезд вдруг перестал тарыхтеть на стыках и оторвался от рельсов. Пассажиры увидели провалившуюся вниз гору, дымный чертеж столицы, растрескавшийся ледяной панцирь Эридана — а впереди стояло от земли до неба волокнистое, льющееся волнами по кругу сиреневое кольцо. В центр его и летел 19-й скорый.

— Идите ко мне, дети, — не громко, не оглушающе, но так, что услышал каждый, от порта до парка на западной окраине, сказал женский голос из сияющего пространства в кольце. — Идите, я так давно жду вас!..

И люди пошли. Кутаясь в обгорелые лохмотья, неся детей, катя тележки с уцелевшим добром или сидя за рулем машины, оголодавшие за дни бесцельной распри, забинтованные, еще не очень верившие тому, что виделось за фосфорическими воротами. Потянулись группками, потекли, хлынули, оставляя разоренные свои гнезда. И старший сын клана в мундире, обвешанном золотой канителью, при каске с гербом, плаще и кортике, вел за руку бездомную негритянскую девчушку, прижимавшую к себе единственное свое сокровище — линялого плюшевого медведя.

Люди Вальхаллы пешком и на колесах, на самолетах и речных судах стремились к устью гигантского Тоннеля. Но лишь у тех, кто шел с миром и надеждой, включались двигатели машин, а техника, которую пытались оседлать разрушители, чтобы по-прежнему давить, взрывать и жечь, оставалась, безусловно, мертвой. Однако вот какая-нибудь хлопотливая владелица детского сада, завидев мощный шестиосный ракетовоз, принимала над ним командование, с помощью солдат загружала чудовище своими пискливыми птенцами — и, к изумлению отчаявшегося водителя, ракетовоз послушно трогался...

Только те, кто стремился к добру и свету, кто, по данным земных приборов, излучал созидательную энергию «раджас», — только они вошли в струящееся марево. А обезоруженные молодцы в балахонах, с безобразными своими значками и плюмажами на шлемах даром молотили кулаками и пинали незримую преграду. «Тамас», энергия разрушения, бурно изливалась от них, и не было хищникам пути на Землю.

Никто не топтал траву на Вальхалле, не отделял вооруженной рукой зерна от плевел.

Сами люди, в меру доброты или озлобленности своей, либо входили в мир любви и заботы, либо воздвигали перед собою непреодолимый барьер.

И тем, кто остался в бессильной ярости кататься по истоптаным снегам «Земли-прим», были сброшены контейнеры с пищей и медикаментами, точно преступникам, высаженным на необитаемый остров.

А за сиреневым кольцом, за порогом Тоннеля начинался свободный полет.

Киев
1987—1989

В определенном смысле повесть «Следы на траве», да и вообще вся эта книга — *мое прощание* с традиционной фантастикой. То есть, конечно, через некоторое время должны выйти и другие, чисто фантастические книги, но лишь потому, что издательский процесс в нашей стране крайне медлителен. Рассказы и повести, поданные мною в издательства в 1985 году, увидят свет разве что в 1991, 1992-м... Это похоже на звездный свет, который доходит до Земли много лет спустя, когда уже и светило, может быть, *погасло*...

Мне кажется, что популярность фантастики, питаемой научными и инженерными идеями, малость подупала. Пока что сохраняют привлекательность так называемые боевики, с дежурным псевдофантастическим космолазернокомпьютерным набором, перенасыщенные насилием и эротикой. Но это чаще всего явления не искусства, а массовой культуры. Наркотик, развлекательное чтение.

Не желая никому навязывать свое мнение, осмелюсь предположить: будущее — за фантастикой, опирающейся не столько на точные и естественные науки, сколько на гуманитарный, культурный опыт человечества.

Кстати, в последние годы я не замечаю ни за отечественными, ни за иностранными фантастами особого желания выдвигать оригинальные научные гипотезы. Есть, конечно, исключения. Например, интересная модель Г. Гаррисона о возможности сосуществования на

Земле разумных рас млекопитающих и пресмыкающихся, построенная в романе «На Запад от Эдема» (увы, пока у нас не переведенном). Или менее «глобальная», но подкупающая свежестью выдумка Б. Шоу: стекло, замедляющее скорость прохождения света (повесть «Свет былого»). Впрочем, при внимательном прочтении повести Шоу напрашивается отдаленная аналогия — рассказ классика советской фантастики А. Беляева «Светопреставление», написанный еще до войны... Большинство же авторов спокойно довольствуется «джентльменским набором» физических, технических, биологических допущений. И в этом я не вижу большой беды. Наверное, во времена Жюль Верна фантастика сочетала в себе функции художественной и научно-популярной литературы. Таков был «общественный заказ»: бурная научно-техническая революция породила острый интерес читателя к сенсационным открытиям, сверхбыстроходные паровозы и океанские «Грейт Истерны» стали предметами искусства, а водолазы и аэронавты — романтическими героями. Теперь совсем другая ситуация. Каждому ясно, что НТР не решит больших проблем человечества, и ее «шаги саженьи» подчас оборачиваются черныбыльским кошмаром или эпидемией адского вируса. Вернувшись (и, очевидно, уже не исчезнет) преимущественный интерес к Человеку, его чувствам, взаимоотношениям, к вечной проблеме единоробства Добра и Зла, на планете и в душе каждого...

Да, это было новостью для всех! Оказывается, жестокость феодальных властителей, религиозное и националистическое изуверство, массовое невежество, этическая дикость прекрасно могут сочетаться с высоким развитием промышленности, фундаментальных наук, с изощренной техникой! Французские исследователи Л. Повель и Ж. Бержье мудро пишут о гитлеровском рейхе: «Распознать чужую цивилизацию, которая выросла, как гриб, за Рейном, нам мешала детская мерка. Для «чужого» нам нужны вигвам, перья, кольцо в

носу... Нацистская магия спряталась за техникой. Это была грандиозная новость. Все отрицатели нашей цивилизации.. всегда были врагами технического прогресса». Добавим от себя: за техникой в XX веке прятались и рабовладение, и новоявленная инквизиция, и самые первобытные культы. Витрина «передового материалистического мировоззрения» скрывала империю Сталина, в общем-то отличавшуюся от царств Камбиза или Ашшурбанипала только степенью и надежностью угнетения, а эту высочайшую степень как раз обеспечивала техника: автомобиль, радиосвязь и огнестрельное оружие. В числе чудес механики и электроники, всех этих «Сони» и «Акаи», наполнивших дворец императора Бокассы I, был также холодильник, где центральноафриканский владыка хранил человеческое мясо... Примеры можно было бы умножать, но вывод, кажется, ясен. Общественно-исторические процессы слишком сложны, чтобы сводить их к сугубо материальным причинам, к зависимости от развития средств производства. К тому же с каждым десятилетием становится все более ясной гигантская сила духовности, потенциала идей и чувств, и вовсе не как «надстройки» над производственным базисом, а как самостоятельной, неукротимой, подчас грозной реальности.

Фантасты-футурологи ошибаются постоянно — или же становятся случайными пророками вовсе не в той области, где намеревались... Великий Герберт Уэллс, автор полудюжины настоящих, абсолютно первородных фантастических гипотез, таких, как вот уже 90 лет нещадно «эксплуатируемая» писателями машина времени, многожды заблуждался, пытаясь представить себе картину будущего. И не столько технически (хотя и здесь у него преобладают наивные прогнозы вроде моторных супердирижаблей), сколько социально. Гениальное прозрение позволяет Уэллсу выдумать атомную бомбу... но из хаоса чудовищной войны мир выводит некий благонамеренный король (!), призвавший людей объединиться.

А уж когда речь заходит о всеобщем нравственном обновлении человечества, об избавлении от вражды, эгоизма, несправедливости, ничего лучшего, чем приход кометы из «облагораживающего» газа, великий фантаст предложить не может... Как ни странно, главное «попадание» Уэллса в туманную мишень грядущего произошло в 1896 году, когда был написан роман «Остров доктора Моро». Это почти чудо, совершенное на интуитивном уровне... Моро, беспощадный гений, ставит кровавый эксперимент, ножом хирурга пресекая естественный ход эволюции. Он создает из волков, гиен, пантер разумные человеческие существа, наделенные моралью. Во всяком случае самому Моро кажется, что его творения таковы. Но зверолоуди, выйдя из Дома Страдания — хирургической клиники, устраивают нечто вроде социальной утопии наыворот, псевдообщество, где принято хором распевать гимны вождю-Создателю и скопом набрасываться на любого «нарушителя закона»... Для современного человека аллегория прозрачна.

В самом деле, надо быть гением, обладать сверхчеловеческой интуицией, чтобы правильно предвидеть даже самое близкое будущее. Американские кинематографисты, явно выдавая желаемое за действительное, нашли у знаменитого «пророка» XVI века Нострадамуса описание... гибели президента Кеннеди и его брата Роберта! Но почему-то в предсказаниях на XX век нет ни сталинско-маоцзедуновско-полпотовских «островов доктора Моро», ни взрыва освободительных движений в Европе начала 90-х годов, ни, скажем, СПИДа... Не помню, чтобы кто-нибудь смог увидеть в грядущем Исламскую Республику Иран, где глава государства будет решать важнейшие вопросы, сидя на коврике в мечети, под охраной кружащихся вокруг храма истребителей-перехватчиков!..

Так что же, фантастам и не пытаться заглянуть в завтрашний и послезавтрашний день? Нет, почему же... Это необходимо делать. Но по возможности вооружив-

шись парадоксальным мышлением, а не пытаюсь продолжить знакомые современные тенденции, выделив какую-нибудь одну, наиболее приятную или, наоборот, отвратительную (соответственно, получается утопия или анти...). Наверняка, будущее — это не кибернетический рай и не послеатомная пустыня. И уж, безусловно, не похоже оно на картины, столь охотно рисуемые западными фантастами, включая самых маститых: Вселенная, осваиваемая «внепространственными» звездолетами, звездные колонии, толпы услужливых роботов — и тут же смертельные поединки полицейских и гангстеров, изворотливые коммерсанты, богатые капризные бездельницы на галактических курортах, зловещее «дно» городов с бродягами, наркоманами, рэккетом... Продолжать в историческую перспективу общественные отношения сегодняшнего дня независимо от уровня цивилизации не меньшая ошибка, чем вульгарно абсолютизировать НТР, вторая сторона той же медали... Очевидно, наилучшим выходом для молодых «нострадамусов» было бы не столько пытаться предвидеть реальную картину XXI или XXX столетия, сколько стараться философски обосновать собственное видение еще не пришедших эпох. Другими словами, можно было бы перефразировать известное высказывание Р. Брэдли: «Дело фантаста — не предсказывать будущее, а предотвращать его»; «...не предсказывать будущее, а предлагать его!» Предлагайте будущее, как планку для преодоления, как «техническое задание» для ученых, конструкторов, политиков, экономистов. В конце концов и «Туманность Андромеды» отнюдь не пророчество (сам автор его таковым не считал), а грандиозный развернутый «генплан»!..

По поводу же фантастических прогнозов и вообще гипотез, выдвинутых в области точной или естественной науки, мне бы хотелось сказать следующее... Они уже, во-первых, почти невозможны для литератора, а во-вторых, не слишком и нужны. Тот же Уэллс придумал

свою машину времени в исключительно благоприятных для фантастики условиях, которые, вероятно, уже не повторятся. Десятилетие 1895—1905 годов было революционным во всех смыслах. И прежде всего в информационном. Специалист — физик, оптик, химик, биолог, механик и т. д. — окончательно становился узким специалистом. Возможность появления новых Леонардо да Винчи или Фрэнсисов Бэконов исчезла, но не потому, что мозги стали хуже. Таланты рождались, как прежде; только накопление знаний, достигнув критической массы, сделало нереальным энциклопедизм Возрождения. В дальнейшем эта тенденция лишь окрепла. Уэллс, гениальный сын своей эпохи, безусловно, не предположил бы возможности путешествия в «четвертом измерении», если бы уже не «носились в воздухе» принципы относительности. Но 30, 40, 80 лет спустя не помогло бы никакое дилетантское знакомство с передовыми открытиями и свежайшими технологиями. Наука окончательно разделилась на множество потоков сверхспециализированного, предельно суженного и углубленного познания, и когда эти ручьи вновь сольются в единое русло, не знает никто... Согласно печальной шутке одного корифея, сегодня специалист по движению электрона в магнитном поле в п р а в о уже не понимает специалиста по такому же движению в л е в о... Крупные ученые не бедны по части «сумасшедших» гипотез — взять хотя бы модель Вселенной Фридмана, с частицами, каждая из которых есть мироздание! Но крайне редко мыслитель такого ранга еще и полноценный литератор. Можно сказать, никогда. И, ей-богу, не надо требовать, чтобы в одном лице слились Эйнштейн и Брэдли!.. Когда ученый становится писателем, он должен умереть как ученый и из царства строгих формул «эмигрировать» в мир эмоций, образов, человеческих страстей. Иначе родится неуклюжий кентавр вроде романа Хьюго Гернсбека «Ральф 124 С-41+». Кстати, что самое смешное, эта поделка технаря-графомана действительно шедевр преду-

гадывания! Транспорт, телевидение, электроника... А сюжет — убогий, герои — схематичные, ходульные. Не в силах выдумать что-либо оригинальное, автор хватается за стереотипы коммерческого чтива: главный герой, конечно же, атлет и притом редкостный интеллектual, героиня прекрасна и беспомощна, злодей уродлив и коварен... И все последующие примеры такого рода, когда популяризатор и инженер торжествуют над поэтом и художником, демонстрируют подобное убожество. Будем же смиренно ждать и надеяться на судьбу, которая может подарить нам «машину времени»... Но скорее всего не подарит. Значит, будем заниматься тем же, чем все «инженеры человеческих душ» от начала времен: создавать живые, убедительные персонажи в живых, убедительных обстоятельствах; в образной форме отстаивать свое понимание мира, нравственных ценностей. Все прочее — от лукавого. Вряд ли кого-нибудь, кроме самых юных «фэнов», взволнует сейчас новый принцип гиперсветового движения. Думаю, фантастика «о науке» стала явлением, выходящим за пределы литературы, и место ей в другой культурной нише — рядом с электронными играми и телепередачей «Брэйн-ринг».

Так чем же тогда фантастика отличается от «нефантастики», от почтенной миллионотомной литературы, показывающей «реальные лица в реальных обстоятельствах»? Уж наверное, не наличием звездолетно-лазерно-генно-компьютерного набора. Через сотню лет наши описания пультов управления или «машин-маток» для выпуска биодвойников внуки будут перелистывать так же скучливо, как мы пропускаем рацеи Жюль Верна об аккумуляторах «Наутилуса» или прессованной бумаге, из которой сделан вертолет «Альбатрос». Нас интересует только судьба великолепно описанного капитана Немо — принца Даккара, борца за свободу родной страны, гениального конструктора, поэта морских глубин и грозного мстителя. Или горький образ инженера Робу-

ра, возомнившего себя «властелином мира»... Возможны ли такие фигуры в бытописательстве? Вряд ли...

Здесь, пожалуй, я подхожу к самому главному. Не навязывая никому своего мнения, скажу, что считаю сущностной чертой фантастики ее способность показать личность в необычайных, экстремальных обстоятельствах. Оценить мужество, доброту, человечность на «стенде» невероятных, трудновообразимых нагрузок... Что может создать для Человека условия «испытательного полигона»? В священных книгах древности — боги и демоны. В сказках — волшебные силы. В «научной» фантастике — последствия НТР. Предлагаемые обстоятельства здесь — дело десятое... И если Человек выдерживает напор стихий, поединок с чудовищным врагом, путь в загадочном и опасном мире, значит, он действительно личность и нравственные устои его тверды.

Думаю, что фантастика недалекого будущего станет все более тяготеть к мифологии, к эпосу, к принципам, по которым складывается фольклор. Чем не персонажи для фантаста — Ахиллес и Арджуна, Илья Муромец или Манас?.. Гигантские фигуры, живущие и действующие в красочном мире страшных испытаний, стремящиеся к великолепным, благородным целям... Борьба Бога и дьявола, темного и светлого — вот что, повторяю, всегда волнует сердца людей! Миф же — это наиболее типичная и выразительная «голограмма» такого поединка. Героизм хитроумного Одиссея и — необходимым контрастом — тупая свирепость Полифема...

Мне хотелось бы работать в фантастике, растущей от мифопоэтического корня, неразрывной со всеми тысячелетиями истории. И я уже делаю такие попытки, которые, надеюсь, рано или поздно дойдут до читателя.

То есть, конечно, я и на этих страницах прежде всего говорю о проблемах духовно-нравственных. Сущность «Формики» раскрыта в последних фразах: удержи рвущееся наружу зло даже на уровне мысли! «Собачья свадьба» — плач о божественном творческом начале, по-

губленном суетою корыстолюбия. «Хозяева ночи»... В этой повести много тем, читатели сами разберутся, о чем она; для меня — о ценности свежего, не замутненного догмами взгляда на мир. «Следы на траве» полемизируют с вульгарными моделями воздействия на чужую историю, вьетнамо-афганскими вариантами, столь модными в серии о «прогрессорах». Но, разумеется, это не только полемика. В определенной степени «Следы...» — миф, символический рассказ о поединке Любви с кровавым Раздором...

Конечно, я в своей повести условно трактую мифологические термины, и только так их и следует воспринимать. Если для историка и писателя Владимира Щербакова Асгард — пункт географический, центр древней цивилизации, то для меня — лишь символ «нордической», расистской спеси переселенцев на «Землю-прим»... Что ж! Фантаст во всех случаях не претендует на тождество с ученым. Его задачи — те же, что у любого литератора, только решаемые в иной знаковой системе, через гротесковое сгущение реальности. И я стараюсь эти задачи выполнить, постепенно уходя от обычной фантастики.

Андрей Дмитрук

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМИКА. *Рассказ.*

6

СОБАЧЬЯ СВАДЬБА. *Рассказ.*

31

ХОЗЯЕВА НОЧИ. *Повесть.*

53

СЛЕДЫ НА ТРАВЕ. *Повесть.*

115

Часть 1. Пойдешь — не вернешься!

116

Часть 2. Принцип невмешательства

181

Дмитрук А. В.

Д 53 Следы на траве: Науч.-фантаст. повести и рассказы. — М.: Мол. гвардия, 1990. — 253[3] с., ил.— (Б-ка сов. фантастики).

ISBN 5-235-00508-2

Один из героев рассказа «Формика» говорит: «Муравьи могут производить тончайшие работы — скажем, собирать какие-нибудь электронные схемы. Затем они окажут помощь генетикам, селекционерам растений...» Общение с Формикой послужит моделью контакта с иным разумом. Сборник научно-фантастических повестей и рассказов ставит сложные проблемы взаимоотношений человека с живой природой, рассматривает варианты развития земных обществ.

Д $\frac{4702010201-258}{078(02)-90}$ КБ—017—032—90

ББК 84Р7

ИБ № 6076

Дмитрук Андрей Всеволодович

СЛЕДЫ НА ТРАВЕ

Заведующий редакцией **В. Щербакса**

Редактор **В. Фалеев**

Художник **М. Турбовской**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректоры **И. Ларина,**

Сдано в набор 03.05.90. Подписано в печать 28.09.90.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-
отт. 11,55. Учетно-изд. л. 11,5. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 50 к.
Заказ 1119.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00508-2

Издательство «Молодая гвардия» в 1990—1991 гг. выпускает ежегодники **«Фантастика-90»** и **«Фантастика-91»**, в которые вошли остросюжетные научно-фантастические повести и рассказы: «Юрмала» Льва Теплова, «И я сказал себе: нет!» Элеоноры Мандялян, «Когда кончается запас» Валерия Лисина и др. В сборниках имеется раздел о тайнах природы и психики человека, о колдунах, о том, что Иисус Христос по национальности, вероятно, был ассирийцем... и т. д.

1 р. 50 к.

Следы на траве

МОЛОДОЯ ГВОРДИЯ

Ф
С
А
О
Н
В
Т
Е
А
Т
С
С
Т
К
И
О
К
И
И